

ISSN 2500-2872

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

2024, № 3

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»

www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация

«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН,
Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации сетевого издания «Японские исследования» Эл № ФС 77 - 86073 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 13 октября 2023 г.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Председатель Редакционного совета: Бабаев К.В., д.филол.н.

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Нелидов В.В., к.и.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.; Трубникова Н.Н., д.филол.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Ларин В.Л., д.и.н., академик РАН; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Гришачев С.В., к.и.н.; Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.

Специальности ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика

5.2.5 Мировая экономика

5.5.2 Политические институты, процессы, технологии

5.5.4 Международные отношения

5.6.2 Всеобщая история

5.6.4 Этнология, антропология и этнография

5.6.7 История международных отношений и внешней политики

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Head of Editorial Council: Babaev K.V., DSc (Philology)

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Nelidov Vladimir V., PhD (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History), Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Larin Viktor L., DSc (History), Academician of the RAS; Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Grishachev Sergei V., PhD (History); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History)

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2024, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеев Д.С. Иностранец в современном японском государственном дискурсе: конструирование различий между нацией и Другими	6
Марьясис Д.А., Якимова Е.А. Непростая история со значительным потенциалом: о развитии израильско-японских отношений	30
Малов А.В., Чугров С.В. Гастрономия vs гастро-аномия? Продовольственное пространство Японии	50
Стрельцов Д.В. Нарратив о «северных территориях» в общественно-политическом дискурсе современной Японии	65
Горшков-Кантакузен В.А. Врач Китасато Сибасабуро: достижения и посмертное почитание в синтоизме	86
Ларионова А.Н. Опыт Японии в организации и стимулировании раздельного сбора твердых бытовых отходов (ТБО)	98
Асмолов К.В., Пугачева О.С. Политика Юн Сок Ёля в отношении Японии: причины изменения подхода и перспективы	113
Белов А.В. Эволюция кластерной политики в Японии	133

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2024, № 3

CONTENTS

Alekseev D.S. Foreigner in contemporary Japanese state discourse: Constructing differences between the nation and the Other	6
Maryasis D.A., Iakimova E.A. Complicated history with huge potential: Israeli-Japanese relations' development	30
Malov A.V., Chugrov S.V. Gastronomy vs gastro-anomie? Japan's foodscape	50
Streltsov D.V. The narrative of the "Northern Territories" in the socio-political discourse of contemporary Japan	65
Gorshkov-Cantacuzene V.A. Physician Kitasato Shibasaburō: Achievements and posthumous veneration in Shintō	86
Larionova A.N. Japan's experience in organizing and promoting separate accumulation of municipal solid waste (MSW)	98
Asmolov K.V., Pugacheva O.S. Yoon Suk Yeol's policy towards Japan: Reasons for changing approach and prospects	113
Belov A.V. Evolution of Cluster Policy in Japan	133

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-6-29

Иностранец в современном японском государственном дискурсе: конструирование различий между нацией и Другими

Д.С. Алексеев

Аннотация: Исследователи отмечают, что японская национальная идентичность формировалась под воздействием идеологии *нихондзинрон*, которая определяет страну как культурно уникальную и моноэтничную, конституируя разлом между Японией и остальным миром. Однако в контексте глобализации японское правительство, следуя мировому тренду, задействует программу национального брендинга Cool Japan, которая направлена на привлечение иностранцев и, следовательно, отличается по своему заряду от *нихондзинрон*. Предыдущие исследования показывают, что в действительности Cool Japan не столько конфликтует с нарративами *нихондзинрон*, сколько наследует их риторике, однако мало внимания уделяется тому, как иностранцы представлены в рамках этой программы. Поэтому вопрос нашего исследования состоит в следующем: как в дискурсе Cool Japan представлен опыт взаимодействия между нацией/национальными субъектами и иностранцами и какими чертами наделены обе группы?

С помощью нарративного анализа и критического дискурс-анализа в исследовании рассматриваются аффилированные с государством СМИ: статьи раздела Friends of Japan из правительственного журнала и эпизоды документального сериала NHK Japanology Plus. Результаты показывают, что в проанализированных материалах воспроизводятся границы между японцами и иностранцами, реартикулируется культурная уникальность Японии и имплицитно воспроизводится нарратив о моноэтничности. В «Друзьях Японии» иностранцы изображаются как большие ценители японской культуры, от которых ожидают посредничества между Японией и миром, но не ожидают полной интеграции. Аналогичным образом, в «Японологии плюс» иностранцы изображаются как японофилы, которые помогают навести мосты между Японией и миром, рассказывая о самобытности Японии.

Положение иностранцев в этом дискурсе амбивалентно: с одной стороны, они оказываются субординированы по отношению к японцам, а с другой – наделены способностью оживить экономику страны, и потому являются ценными для нее. Эта двойственность отражает борьбу Японии за баланс между глобализацией и утверждением национальной идентичности в логике *нихондзинрон*, подсвечивая проблемы интеграции иностранцев в японское общество.

Ключевые слова: Япония, дискурс, Cool Japan, национальная идентичность, нация-бренд, Другие.

Автор: Алексеев Даниил Сергеевич, бакалавр востоковедения, магистрант программы «Культурные исследования», НИУ ВШЭ (адрес: Москва, Старая Басманная, 24/1). E-mail: dsalekseev_1@edu.hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Алексеев Д.С. Иностранец в современном японском государственном дискурсе: конструирование различий между нацией и Другими // Японские исследования. 2024. № 3. С. 6–29. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-6-29

Foreigner in contemporary Japanese state discourse: Constructing differences between the nation and the Other

D.S. Alekseev

Abstract. Researchers note that Japanese national identity has been shaped by the *nihonjinron* ideology, which defines the country as culturally unique and mono-ethnic, thus constituting a divide between Japan and the rest of the world. However, in the context of globalization, the Japanese government, following the global trend, has engaged in a national branding program called “Cool Japan,” which aims to attract foreigners and therefore differs in its message from *nihonjinron*. Previous research suggests that, in reality, Cool Japan is not so much in conflict with *nihonjinron* narratives, but rather inherits their rhetoric. However, little attention has been paid to how foreigners are represented within this program. Therefore, our research question is this: How is the interaction between the nation/national subjects and foreigners portrayed in the Cool Japan discourse, and what characteristics are attributed to both groups?

Through narrative analysis and critical discourse analysis, this study examines government-affiliated media: articles from the “Friends of Japan” section in a government magazine and episodes from the NHK documentary series “Japanology Plus.” The findings show that the analyzed materials reproduce the boundaries between Japanese people and foreigners, rearticulate Japan’s cultural uniqueness, and implicitly reinforce the narrative of mono-ethnicity. In “Friends of Japan,” foreigners are portrayed as enthusiasts of Japanese culture, expected to mediate between Japan and the world without being fully integrated. Similarly, in “Japanology Plus,” foreigners are depicted as “Japanophiles,” helping to bridge Japan and the world by sharing Japan’s uniqueness.

The position of foreigners in this discourse is ambivalent: they appear subordinate to Japanese nationals but are also seen as capable of revitalizing the country’s economy and are thus valued. This duality reflects Japan’s struggle to balance globalization with affirming national identity in the logic of *nihonjinron*, highlighting the challenges of integrating foreigners into Japanese society.

Keywords: Japan, discourse, Cool Japan, national identity, brand nation, Others.

Author: *Alekseev Daniil S.*, Bachelor of Asian Studies, Master’s student, Cultural Studies Program, HSE University (address: Moscow, Staraya Basmannaya, 24/1). E-mail: dsalekseev_1@edu.hse.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Alekseev, D.S. (2024). Inostranets v sovremennom yaponskom gosudarstvennom diskurse: konstruirovaniye razlichiiy mezhdu natsiei i Drugimi [Foreigner in contemporary Japanese state discourse: Constructing differences between the nation and the Other]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 3, 6–29. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-6-29

Введение

Японское общество часто описывается как относительно гомогенное и состоящее по большей части из японского этноса. При этом вряд ли, когда речь заходит о стране, в обыденном разговоре возникают другие автохтонные этносы, рабочие мигранты, иностранцы, которые приехали учиться и остались жить в стране — фраза «Многоэтническая Япония» звучит непривычно. Однако именно так называет страну Джон Ли, утверждая, что образ моноэтнической Японии далеко не соответствует действительности [Lie 2001, p. 248]. Мы знаем, что японское правительство проводило политику интернационализации, стимулируя японцев учить английский язык и интегрироваться в международное сообщество. Мы хорошо представляем японскую массовую культуру: государственный Японский Фонд проводит сотни международных мероприятий для ее продвижения в мире. Но много ли мы слышали

о дискриминации японцев бразильского происхождения [Asakura 2008] или о юридических преградах для беженцев из стран вроде Китая, Турции или Бирмы [Flowers 2008]? В мире, где глобализация и международная миграция определяют векторы развития государств, Япония, по крайней мере на уровне публичного дискурса, удивительным образом остается недостаточно затронутой этими процессами.

Под «дискурсом», вслед за Норманом Фэркло, мы понимаем «способы представления аспектов мира – процессов, отношений и структур материального мира, «ментального мира» мыслей, чувств, убеждений и так далее, а также социального мира» [Fairclough 2003, p. 125]. Иностранец в японском государственном дискурсе занимает неоднозначную позицию: он изъят из мифологемы моноэтничного государства, хотя попытки выстроить межкультурные связи, которые предпринимает японское правительство, должны предполагать более интенсивное включение фигуры иностранца.

Прежде чем обратиться к современному государственному дискурсу в Японии, следует затронуть вопрос о механизмах формирования нации, а также хотя бы кратко проследить, как они могут трансформироваться в контексте глобализации.

Нация как воображаемое сообщество и ее Другие

Бенедикт Андерсон рассматривает национализм как политический фреймворк для существования обществ модерна. Ключевая идея Андерсона состоит в том, что нация – «воображенное политическое сообщество» [Андерсон 2001, с. 47]. Однако нации не возникают сами по себе, их формулируют и «воображают» политические и экономические элиты. К примеру, актором может быть местная буржуазия [Андерсон 2001, с. 150–155], монархические династии, стремящиеся укрепить свою легитимность [Андерсон 2001, с. 156], или же противники колониальных режимов, борющиеся за суверенитет [Андерсон 2001, с. 286]. В то же время, хотя Андерсон в своей работе указывает на «ограниченность» нации как сообщества, внешние факторы, которые ее определяют, остаются без особого внимания [Андерсон 2001, с. 47]. Анна Триандафиллиду отмечает, что нация в его работе как будто бы формируется и существует в изолированном пространстве, безотносительно внешних сил [Triandafyllidou 2001, p. 14]. Иными словами неясно: как влияют на воображение нации те, кто к ней не принадлежат?

Стюарт Холл утверждает, что идентичности формируются «только через отношение к Другому, отношение к тому, чем они не являются, к тому, чего им не хватает» [Hall 1996, p. 4–5]. Следовательно, категории идентичности становятся возможны только как продукт различий. Другие – те, кто не принадлежит к нашей группе – одновременно позволяют выстроить некоторую идентичность и в то же время маркируются носителями этой идентичности как потенциальные источники опасности [Hall 1997, p. 238]. Позиция Триандафиллиду схожа: она считает фигуру Другого конститутивной для национальности. Она отмечает, что у наций существуют «*Значимые Другие*» – другие нации или этнические группы, относительно которых они выстраивают себя [Triandafyllidou 2001, p. 32]. Эти группы могут служить как ролевыми моделями, так и считаться источниками опасности или нестабильности, однако их объединяет особое отношение к идентичности ингруппы: «они *репрезентируют то, чем ингруппа не является*» [Triandafyllidou 2001, p. 32]. Таким образом, соединяя позиции Холла и Триандафиллиду с теорией Андерсона, мы будем исходить из того, что конструируемая национальная идентичность строится неразрывно от некоего образа Другого, который, путем его отрицания, будет служить кристаллизации черт ингруппы.

Следует также отметить, что в отечественной традиции распространены дискуссии о национализме как радикальной политической программе. К примеру, работа Кругляк

и Арешидзе подробно описывает различные националистические дискурсы и практики в связке с реваншизмом и / или имперским прошлым Японии, оставляя за скобками конструирование национальной идентичности [Крупянко 2012]. Однако, следуя концептуальным рамкам Б. Андерсона, под «национализмом» мы понимаем не маргинальную/экстремистскую идеологию малых сообществ, а набор культурных практик, дискурсов и нарративов, которые циркулируют в стране и поддерживают национальное самосознание среди ее граждан. Из такого определения следует, что (1) национализм существует, покуда есть национальные государства; (2) нация должна постоянно воспроизводиться и «осуществляться».

Нихондзинрон: идея о японской самобытности

Современные черты японская национальная идентичность приобретает в послевоенное время. Поражение во Второй мировой войне и растворение мифа об имперской Японии оставляют после себя идеологический вакуум, который провоцирует поиски новой идентичности. Реактуализированные дискуссии о том, «кто же такие японцы», Ёсино Косаку называет «интроспективным бумом» [Yoshino 1998, p. 24]. Попытки японских интеллектуалов описать набор уникальных для жителей страны черт были особенно распространены в 1950–1960 гг., а затем из них произрастет обширная и популярная литература о «японскости» – *нихондзинрон* (日本人論). Следуя определению Питера Дейла, этим термином мы будем называть тексты культурно-националистического толка, которые сосредоточены на предполагаемой *уникальности*¹ Японии и отрицают идею социоисторического многообразия страны, а также идеологию, которая базируется на этих текстах [Dale 1986, p. v–vi].

На новом витке переопределения национальной идентичности важную роль сыграла книга американской исследовательницы-антрополога Рут Бенедикт «Хризантема и Меч» [Мещеряков 2020; Iwabuchi 1994; Mouer 1986; Yoshino 1998]. Бенедикт подчеркивает иерархическую природу порядка в японском обществе [Benedict 1947, p. 101–102] и приходит к выводу, что японская культура базируется на «идее стыда» [Benedict 1947 p. 222–223], а поведение индивида регулируется в первую очередь опасностью потерять честь и репутацию. Центральной категорией японской культуры Бенедикт называет «долг» (義理 *giri*), который обуславливает иерархичность и отсутствие автономии у обычного японца [Мещеряков 2020, с. 260]². Книга изображает японцев людьми парадоксальными: с агрессивными и неагрессивными чертами, милитаристами и эстетами. Это представление о Японии закрепилось в «западном» дискурсе [Iwabuchi 1994, с. 57]. Вместе с тем книга заняла видное место в послевоенных японских исследованиях Японии и оказала значительное влияние на послевоенную японскую науку, спровоцировав антропологический интерес к повседневной культуре [Мещеряков 2020, с. 259; Yoshino 1998, p. 24].

Впоследствии идеи, похожие на тезисы Бенедикт, будут развивать Наканэ Тиэ³, Дои Такэо⁴, Аида Юдзи⁵ и другие авторы [Мещеряков 2020; Mouer, Sugimoto 1986, p. 50]. Например,

¹ Безусловно, дискурс об уникальности Японии возникает не в XX в. Однако, предыдущие версии подобных идей лежат за пределами этой статьи. О том, какие категории играли конститутивную роль для самоидентификации японцев до возникновения национального государства, см.: [Мещеряков 2014а; Мещеряков 2014b; Скворцова 2012].

² В качестве эмпирической базы Бенедикт выступали интернированные японцы – граждане США, на что и направлена основная линия аргументации со стороны ее критиков [Мещеряков 2020, с. 256–258; Mouer, Sugimoto 1986].

³ Межличностные отношения в вертикально структурированном обществе рассматриваются в работе 1967 г. [Nakane 1967].

⁴ Авторы указывают на книгу «Структура “амаэ”» [Doi 1971].

⁵ В первую очередь характерна работа «Структура японского сознания» [Aida 1970].

психиатр Дои Такэо предлагает в качестве универсального маркера японцев «амаэ» (甘え) – «безотчетную тягу к комфортной зависимости от некоего могущественного лица» [Мещеряков 2020, р. 302], которая подталкивает к добровольной передаче внешним силам собственной агентности. Аксиоматическая база подобного теоретизирования заключается в том, что японская социальная структура сильно отличается от западной модели, так как она делает акцент на группизме, вертикальности и зависимости, в то время как на Западе доминируют индивидуализм, горизонтальность и независимость. Вертикальное устройство японского общества, «культура стыда» и патернализм, определяемые как эссенциальные черты японцев, подтверждаются примерами из культуры и быта, уникальным климатом, а также «расовыми» особенностями японцев⁶. Подобные теории продуцировались и внутри, и за пределами страны, утверждая нарратив о японской уникальности [Mouer 1986, р. 50].

Симптоматично, что дискурс *нихондзинрон* продуцирует целый словарь терминов на японском языке, призванный описать национальную самобытность. Список категорий, наподобие «*сото*», «*ути*», «*татэмаэ*», «*амаэ*», «*хоннэ*»⁷, который может быть дополнен десятками других, активно используется в теоретических работах, включая российские. Помимо того, что их смысловое наполнение не всегда очевидно и фиксировано, как верно замечают Моуэр и Сугимото [Mouer 1986, р. 133], использование этих эмных⁸ категорий в качестве этных, то есть абстрактно обобщающих, придает им академическую значимость и утверждает в роли точного описания японской культуры. Однако, поскольку эти термины по определению применимы только к Японии, они же и становятся механизмом разграничения между Японией и Другими: сам язык описания *нихондзинрон* выступает в качестве различающего аппарата для очерчивания японской исключительности.

Ивабути Коити утверждает, что категория «японскости» сохраняет свое единство не только за счет различения себя и Другого, но и потому, что Другой (Ивабути имеет в виду обобщенный «Запад») сам проводит это различие, делая Японию Другим. Именно это двустороннее взаимодействие между Японией и ее Другим позволяет первой более или менее однозначно отличать себя от других наций [Iwabuchi 1994]. По его мнению, западный ориенталистский дискурс о Японии активно создавал/создает и поддерживает категорию уникальной «японскости», в то время как дискурс о национальной исключительности внутри страны переписывает эту инаковость как ресурс для различения от «Запада». Примером может послужить динамика идеи об исконном группизме, перекочевавшей из текста Бенедикт в тексты японских авторов. Ивабути называет этот процесс определения себя через отрицание Другого «самоориентализмом» [Iwabuchi 1994, р. 51]. Исследователь полагает, что между ориенталистским дискурсом Запада о Японии и дискурсом Японии о самой себе существует глубокая взаимосвязь, поскольку оба склонны использовать Другого для самоэссенциализации, выделения нормативных установок и подавления голосов, не согласных с этими нормами [Iwabuchi 1994, р. 53]. К примеру, акцент на уникальной «японскости» может иметь значение для государства в качестве способа мобилизации народа, поскольку этот дискурс приоритизирует верность и преданность стране в противовес индивидуализму.

⁶ Впрочем, не все теоретики «японскости» заимствовали идеи у Бенедикт – некоторые, напротив, критиковали ее за внеисторичность и чрезмерные генерализации. К примеру, такой позиции придерживался Янагита Кунио, один из ключевых теоретиков в жанре *нихондзинрон* [Мещеряков 2020, с. 257]. Однако, это не помешало ему предложить свой эссенциализирующий язык описания японцев, который подчеркивал их исключительность [Мещеряков 2008].

⁷ Хотя все эти «концепты» сложно однозначно перевести на русский, их можно определить так: «внешний», «свой», «приемлемый способ выражения собственных мыслей», «необходимость быть зависимым», «истинные ощущения [которые остаются скрытыми]».

⁸ В антропологии «эмным» принято называть язык описания мира и взгляд изнутри группы, в то время как «этнос» означает внешний, аналитический взгляд на феномены [Agar 2007].

В то же время дискурс уникальности тесно связан с представлением о Японии как моноэтничном государстве: предполагаемая гомогенность тоже становится показателем исключительности страны [Murphy-Shigematsu 1993, p. 66]. Джон Ли демонстрирует, как на практике представители интеллигенции (например, политологи Исида Такэси и Кимура Такэо) в своих текстах выстраивали теории о том, что гомогенность жителей Японии является их отличительной чертой [Lie 2001, p. 131]. Японский политический истеблишмент подчас использует эту идею в качестве нормативной: так, премьер-министр Накасонэ Ясухиро (1918–2019) полагал, что моноэтничность обуславливает экономическую и политическую мощь страны [Murphy-Shigematsu 1993, p. 65].

Государство напрямую включено в поддержку дискурса *нихондзинрон*. Оно спонсирует исследовательские центры, призванные «улучшить понимание японской культуры», одним из которых является Международный исследовательский центр исследований Японии (国際日本文化研究センター; Кокусай нихон бунка кэнкю сэнта // 日文研; Нитибункэн), основанный в 1987 г. [McCormack 1994, p. 167]. Этот «мозговой центр», где, среди прочих, работали уже упомянутые Дои Такэо и Наканэ Тиэ, стал одним из ключевых генераторов текстов в жанре *нихондзинрон* [Goodman 2005, p. 59]. Официальная причина открытия центра Нитибункэн заключалась в стремлении «улучшить международное понимание Японской культуры» [Mishima 2000, p. 77]. Институт возник во времена кабинета Накасонэ, в чьи намерения входило «превратить Японию в международную страну» [Burgess 2004]. Идея о необходимости «интернационализации» (国際化 *кокусайка*) Японии возникает в 1970-е гг. и в следующем десятилетии, особенно при Накасонэ, прочно закрепляется в дискурсе истеблишмента. В 1980-х гг. правительство объявило о новой политике «интернационализации» в ответ на рост международной торговли [Ito 1998, p. 6]. В 1984 г., во время работы 97-й сессии парламента, *кокусайка* была признана магистральным направлением развития страны [Burgess 2004]. В рамках *кокусайка* государство активно распространяет дискурс *нихондзинрон* за границей⁹. К примеру, оно спонсирует перевод работ классиков *нихондзинрон* на английский и бесплатно распространяет переводы за границей [Vefu 1993, p. 120]. Бэфу Харуми считает [Vefu 1993, p. 120–121], что значимую роль в глобальной популяризации мифа о японской уникальности играет созданный в 1972 г. Японский фонд, который курирует заграничные поездки японских художников, мастеров традиционных искусств и ученых, организует выставки и гастроли театральных трупп *Но* и *Кабуки*. *Кокусайка* и аналогичные государственные программы в действительности наследуют этноцентричному дискурсу самобытной Японии.

Так, можно назвать *нихондзинрон* манифестацией японского культурного национализма – видом идеологии, которая поддерживает и скрепляет национальную идентичность. В дискурсе *нихондзинрон* акцент делается на отличии японцев от всех остальных, а не на их превосходстве. Для конструирования японской нации Другой/иностранец играет значимую роль, но *нихондзинрон* вовсе не предлагает ему интеграции, а, наоборот, подчеркивая уникальность страны, проводит черту между ним и нацией.

Нация как бренд

По мнению Мелиссы Арончик, новым фактором формирования национальной идентичности стали практики брендинга наций (nation branding), которые она определяет как «создание и транслирование национальной идентичности с использованием инструментов,

⁹ Симптоматично, что в восьмидесятые и девяностые годы схожие дебаты о том, как выстраивать экономическую политику в глобализованных рынках, также строились на различении «глобализации американского типа» и альтернативной глобализации «японского типа» [Карелова, Чугров 2009].

методов и опыта из мира корпоративного бренд-менеджмента» [Aronczyk 2013, p. 15–16]. Во второй половине XX в. происходит трансформация того, как мыслится роль нации: теперь национальная культура представляется своеобразным источником добавочной стоимости [Aronczyk 2013, p. 47]. Чертами бренда-нации становятся слоганы, символика и набор «основных идей», которые должны быть транслированы потребителям как внутри страны (то есть ее гражданам), так и за ее пределами – к примеру, туристам. Однако брендинг не сводится только к этому. Задача состоит в том, чтобы создать «уникальное, многомерное сочетание элементов, которые обеспечивают нации культурно обоснованную дифференциацию и актуальность для всех ее целевых аудиторий» [Dinnie 2009, p. 15]. Важным этапом становится (пере)формулирование «ключевой идеи» будущего бренда – определение ключевых идей и черт нации, которые вызывают «эмоциональную привязанность» и при этом подтверждаемы на практике [Aronczyk 2013, p. 75]. Из такого маркетингового подхода происходят важные импликации относительно природы конструируемого национального бренда. Теперь нация должна иметь положительные ассоциации, которые должны подходить для широкого круга целевых групп в стране и за ее пределами, т.е. ко всем – быть максимально неконкретными. Следовательно, брендинг «вычищает национальную идентичность, замещая ее гибкой капитализуемой сущностью» [Varga 2013, p. 833]. Иными словами, возникшие в результате конкретных исторических событий символы и способы самоописания заменяются абстрактно-рыночными, не привязанными к истории страны образами. Так, например, в коммуникационной стратегии Польши было решено уйти от политических и милитаристских коннотаций польского флага к образу воздушного змея, который символизирует «молодость, спорт и отдых» [Varga 2013, p. 832]. Хотя брендинг как бизнес-процесс подразумевает ориентацию на внешнего потребителя, исследователи отмечают, что национальный бренд с неизбежностью влияет и на сам «продукт» – граждан брендируемой страны [Aronczyk 2008, p. 41–65; Varga 2013]. Волчич и Андреевич [Волчич 2011] предлагают термин «коммерческий национализм», чтобы подчеркнуть, что целью национального брендинга является не просто достижение известности путем создания и распространения логотипов и слоганов. Гражданам предлагается «жить брендом», действовать и думать в соответствии с общими контурами бренда нации [Aronczyk 2008], воспроизводя логику бренда при встрече с иностранцами. Другими словами, в рамках стратегий брендинга граждане занимают роль «амбассадоров», которые и будут на собственном примере транслировать «ценности бренда». Если националистическая риторика объясняет общность национальных субъектов, то логика коммерческого национализма предполагает вопрос: «Как эту общность продать?»

Так, в эпоху позднего модерна процесс конструирования нации подчиняется корпоративной культуре маркетинга. Правительства обращаются к маркетологам-консультантам, которые организуют рекламные кампании для страны и формулируют привлекательную для широкой аудитории потребителей «главную идею» национального бренда, которая выходит за границы самого государства.

Стратегия Cool Japan: построение эксклюзивного бренда

В 2002 г. Дуглас МакГрей написал статью в журнале *Foreign Policy* под названием *Japan's Gross National Cool* [McGray 2002]. В ней он отмечает, что Япония «заново изобретает сверхдержаву» [McGray 2002, p. 44], поскольку культура страны стала популярной во всем мире, несмотря на проблемы во время экономической рецессии в 1990-е гг. Среди продуктов, которые демонстрируют культурную «мягкую силу» страны, МакГрей указывает на J-поп, манга, аниме, видеоигры, моду, кино, бытовую электронику, архитектуру и кухню. Именно эта

статья, как отмечают некоторые исследователи, спровоцировала более четкое оформление мер по продвижению массовой культуры страны [Choo 2013; Iwabuchi 2015; McLaren 2015].

В июле того же года Стратегический совет по интеллектуальной собственности подготовил «Основные положения интеллектуальной политики» с тем, чтобы сделать «Японию страной, основанной на интеллектуальной собственности» [Daliot-Bul 2009, p. 250–251]. В документе говорилось, что «пришло время построить японскую промышленную базу на “создании ценной информации”» [Daliot-Bul 2009, p. 250–251]. В ноябре 2002 г. Основным закон об интеллектуальной собственности был принят парламентом, а в марте 2003 г. был создан Штаб стратегии развития интеллектуальной собственности, который должен был осуществлять меры по продвижению японских объектов «интеллектуальной собственности». Маркетинговая стратегия Штаба отличалась от предыдущих попыток продвижения японской культуры: теперь экспортируемые продукты должны репрезентировать японский образ жизни и способствовать улучшению международного имиджа страны [Daliot-Bul 2009, p. 252]. Правительство страны «сознательно занялось конструированием нового образа более привлекательной Японии» посредством массовой культуры и продуктов интеллектуального труда [Daliot-Bul 2009, p. 254] – так очерчивается Япония как бренд.

Ивабути отмечает, что в первом десятилетии XXI в. по мере роста бюрократического аппарата, который развивал японский национальный бренд, фраза Cool Japan становится зонтичным термином для различных областей [Iwabuchi 2015, p. 423]. Вместе с возникновением новых структур для продвижения японской культуры расширяется и круг феноменов, включенных в бренд. Концепт Cool Japan становился все более размытым, а рамки того, что подпадало под определение cool и становилось частью программы, расширялось и захватывало, в сущности, всю японскую культуру [Tamaki 2019, p. 115]. Если изначально популяризации подлежали такие продукты, как манга и аниме, то впоследствии бренд Cool Japan стал включать, например, элементы традиционных культурных практик и искусств. Такая размытость и расширение рамок того, что подпадало под определение cool, позволяют задействовать бренд в любых политических нарративах. Например, когда в 2012 г. премьер-министр Абэ возвращается к власти, дискурс о «крутости» Японии наполняется националистическими оттенками. Рекламируя страну как культурно уникальную, Cool Japan может также воспроизводить границу между нацией и иностранцами, которая была проведена в рамках дискурса *нихондзинрон* [Tamaki 2019].

Проблема исследования и исследовательский вопрос

Если следовать логике конструирования страны-бренда, можно предположить, что государство будет выстраивать привлекательный и гостеприимный по отношению к иностранцам образ. Вместе с тем, именно через отрицание Другого/иностранца и его качеств формируются границы национальной идентичности. Напряжение между двумя этими объяснительными моделями развития нации обуславливает проблему нашего исследования.

Мы обнаружили это напряжение, обратившись к Cool Japan – японскому проекту национального брендинга. С одной стороны, он направлен на формирование образа страны как гостеприимного и приятного для иностранцев места. С другой стороны, воспроизводя риторику *нихондзинрон* и наделяя страну экзотично-уникальными чертами, Cool Japan может поддерживать символическую границу между нацией и Другими. Так, динамика отношений между национальными субъектами и иностранцами внутри его дискурса остается неочевидной. Потому мы задаем вопрос: *как в дискурсе Cool Japan представлен опыт взаимодействия между нацией/национальными субъектами и иностранцами и какими чертами наделены обе группы?*

Источники и методы

Для исследования дискурса Cool Japan мы собираемся изучить два набора медиатекстов:

1. Статьи из раздела на сайте японского правительства под названием «Друзья Японии», которые рассказывают о людях, живущих в стране или увлекающихся ее культурой. Тексты описывают опыт миграции, характеры и истории людей, которые так или иначе связаны с Японией. Содержание раздела представляет то, как видит иностранцев японское государство, и потому представляет для нас интерес.

2. Документальный сериал канала NHK Japanology Plus, в котором ведущий – британец Питер Баракан – рассказывает о Японии. Программа выходит по-английски на канале NHK World, международной версии японского государственного телевидения, и доступна на его официальном сайте.

Для анализа текстов, работая в рамках качественной методологии, мы будем использовать комбинацию из методов критического дискурс-анализа и нарративного анализа. Фэркло указывает, что первый ставит одной из своих задач определить, как дискурсы «отражают события и действия социальных агентов, объекты, институты и т.д., которые они затрагивают; <...> как они объясняют события и действия; как они оправдывают действия и политические предложения и узаконивают практики и системы» [Fairclough 2003, p. 19]. Второй метод – нарративный анализ — подразумевает исследование текстов, «которые имеют форму историй» [Riessman 2005, p. 1]. Такой вид анализа фокусируется на структуре повествования, последовательности его элементов, фигуре нарратора, участниках нарратива. Иными словами, если дискурс-анализ поможет выяснить, как говорится об иностранцах, то нарративный анализ позволит понять, что и в какой последовательности говорится, кому и какая роль атрибутируется в рамках повествования. В частности, мы будем использовать нарративный анализ для эпизодов документального сериала, поскольку в них задействованы разные персонажи, а последовательность кадров имеет предельно значимую роль.

Результаты и обсуждение: статьи о «Друзьях Японии»

Статьи под рубрикой «Друзья Японии» начали публиковаться в 2014 г. Всего на момент анализа (апрель 2023) на сайте можно найти 49 статей. Из них была отобрана каждая вторая статья¹⁰ и закодирована — в процессе анализа коды корректировались с учетом новых данных: набор кодов был сформирован индуктивно. В этом разделе мы очертим результаты проведенного анализа.

Иностранец как контейнер для рекламы

Прежде всего, тексты изобилуют элементами, которые поясняют аспекты японской культуры, общества и экономики и обращены к международной аудитории:

280 иен (2,62 доллара США)¹¹

Этот рёкан (традиционная японская гостиница)¹²

¹⁰ Полный список анализируемых статей – в Приложении 1.

¹¹ Fukuoka City Fostering Innovation with the Startup Visa Program // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2018/spring-summer2018/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).

¹² Conveying Local Charm with Warm Hospitality // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2018/Autumn2018/conveying_local_charm_with_warm.html (дата обращения: 05.04.2023).

Статьи ориентированы на иностранца и подразумевают, что тот не знаком с жизнью в стране. Пояснения относятся к достопримечательностям, конвертации валюты, особенностям национальной культуры и кухни. Такие подсказки предназначены для людей, которые хотят больше узнать о японской культуре и достопримечательностях страны – иными словами, туристов. Реклама национальной культуры является значимым элементом текстов о «Друзьях Японии». Есть два основных приема, с помощью которых конструируется привлекательный имидж страны. Во-первых, это происходит на уровне качеств, атрибутируемых стране и элементам ее культуры:

*Высококачественные японские кухонные ножи пользуются огромной популярностью во всем мире*¹³ (здесь и далее выделение автора)

*...вызывает восхищение своей уникальной текстурой и красотой во всем мире*¹⁴

Выражения вроде «высококачественные ножи», «особенно популярны», «радует туристов» формируют образ Японии как привлекательного туристического направления и качественного производителя товаров. Эти фразы возникают в тексте как данность, не подразумевающая проверки или опровержения. Но существует и механизм верификации японской привлекательности – эту роль выполняет иностранец:

*Я не знаю ни одного человека, который, впервые посетив Японию, не хотел бы туда вернуться*¹⁵.

*«Японский язык очень мелодичен, – говорит она, – и я была очарована прекрасным потоком интонаций разговорного языка»*¹⁶.

«Магазины и банкоматы доступны 24 часа в сутки, а поезда всегда приходят вовремя. В Японии все работает так слаженно и к удобству относятся так серьезно, что я думаю, это действительно отличное место для жизни»...¹⁷

Привлекательный образ, таким образом, транслируется через прямую речь иностранца, который, выступает внешним и «непредвзятым» наблюдателем. Такой риторический ход позволяет придать ощущение объективности описаниям Японии, которые заключены в кавычки прямой речи: это не мы так говорим, посмотрите — так считают другие. Манипуляции с цитатами иностранцев фигурируют в большинстве текстов – чаще всего иностранец говорит об особенностях японской культуры, качестве местного сервиса и высоком уровне жизни.

Реклама уникальной Японии

В статьях сосуществуют разные характеристики Японии, мы можем выделить несколько основных:

1. В Японии сочетаются традиции, эстетическая утонченность и современные технологии.

¹³ A Canadian Knife-Shop Owner Inspires Japanese Craftsmanship // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2020/summer2020/a_canadian_knife_shop_owner.html (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁴ Under the Spell of Washi for Thirty-Five Years // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2015/disaster_prevention_edition_2015/friends_of_japan_.html (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁵ Sushi and Beyond: Smitten with Japan and Its Food // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2015/summer2015/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁶ Greater Interaction Can Bring Our Two Countries Closer // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2016/japan_and_russia_edition_2016/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁷ Greater Interaction Can Bring Our Two Countries Closer // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2016/japan_and_russia_edition_2016/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).

*Это стремление обслужить клиента, а также **привлекательное сочетание традиционного и современного** в Японии зародили в Грисдейле мечту однажды сделать Японию своим домом¹⁸.*

*Захарова любит путешествовать на **скоростном поезде «Синкансэн»** и **ходить с друзьями в онсэн, японские горячие источники**¹⁹.*

Повторяющейся темой становится сопоставление «традиционной» культуры (например, традиционного искусства) и современного. Любопытен последний пример, где иностранке вменяется любовь как к современности, выраженной в сверхскоростных японских поездах, так и к «традиции», воплощенной в практике посещения горячих источников.

2. Японская культура отличается от «западной», но она «для всех».

*Для Захаровой Япония – это **совершенно другой мир**. «Каждый раз, когда я посещаю эту страну, у меня новые впечатления. <...>»²⁰.*

Культура страны становится причиной, по которой иностранцам нравится Япония. В других текстах подчеркивается, что «уникальные» культурные черты могут быть переняты другими:

*Путь чая **может освоить человек любой национальности**. Японская культура предназначена для всех людей и является одним из величайших ресурсов для экспорта в Японии²¹.*

Однако, «универсальность» культуры одновременно подчеркивает ее аутентичность: «японская культура экспортируется из Японии» – невозможно представить, чтобы кимоно носилось вне связки с японской культурой. Сообщение «наша культура уникальная, но каждый имеет к ней доступ» характерно для национального брендинга, которое капитализирует «аутентичность» культуры.

3. Япония – удобная и безопасная страна; японцы – гостеприимный и приветливый народ. Япония, **очень безопасная**, все еще относительно малопосещаемая, но легкодоступная страна, полна таких историй²².

*О **духе японского гостеприимства (омотэнаси)** я читала только в книгах, поэтому раньше не могла себе этого представить²³.*

*Когда вы посещаете традиционную японскую гостиницу (рёкан), вас поражает **вежливое и тщательное обслуживание, ориентированное на клиента**²⁴.*

¹⁸ Making Japan Accessible to All // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2018/spring2018/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁹ Graceful Ballerina Bridges Japan and Russia // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2017/japan_and_russia_edition_2017/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).

²⁰ Graceful Ballerina Bridges Japan and Russia // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2017/japan_and_russia_edition_2017/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).

²¹ The Heart of Japanese Hospitality // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/spring-summer2014/friends_of_japan3.html (дата обращения: 05.04.2023).

²² Ancient Footpaths Lead Author to Traditional Japan // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2016/summer2016/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).

²³ Supporting Japan's Deepening Ties with Asia // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/womenomics_edition_2014/friends_of_japan2.html (дата обращения: 05.04.2023).

²⁴ Supporting Japan's Deepening Ties with Asia // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/womenomics_edition_2014/friends_of_japan2.html (дата обращения: 05.04.2023).

Одна из повторяющихся черт Японии, представленная в статьях, – безопасность, а японцев – гостеприимство и умение оказать «клиентоориентированный» сервис. Однако гостеприимство является противоречивым концептом. Так, Деррида [Derrida cited in Nishijima 2017, p. 52] указывает на асимметрию власти, которая вписана в отношения гостеприимства: хозяин остается отделен от посетителя, оказывая ему временные услуги. Позиция гостя изначально неустойчива, условна – гость оказывается подчинен хозяину и остается во владениях хозяина, только при условии, что это позволяет хозяин. В нашем случае важно подчеркнуть, что отношения гостя и хозяина сохраняют границы между субъектами и власть одного над другим.

Символические границы в «Друзьях Японии»

Широкое использование эмных терминов – характерная дискурсивная черта анализируемых статей. В случае, когда возможен японоязычный вариант, будет использован он – иногда за англоязычным словом следует японский термин в скобках:

Четыре принципа тядо: – это ва, кэй, сэй и дзяку; гармония, уважение, чистота и спокойствие²⁵.

Борцы (рикиси) // Он прилетел в Японию, чтобы стать рикиси²⁶.

Увадзима – это место, где традиционная культура, такая как производство васи (японской бумаги) и праздничных баннеров, все еще жива и процветает²⁷.

Использование локальных терминов для универсальных феноменов поддерживает символическое различие между Японией и остальными. Использование эмных терминов не только конституирует различия между Японией и всеми остальными в контексте элементов культуры. В некоторых случаях употребление японоязычных слов маркирует акт *инициации* иностранцев:

Он получил свое «чайное имя», Созэй, в 1999 году²⁸.

Шаалан присоединился к команде и выбрал в качестве своего рингового имени Осуна-араси, что означает «Великая песчаная буря»²⁹.

Так, в статье о сумоисте египетского происхождения герой сначала зовется по имени – Шаалан – однако после указанной фразы (пример 2) называется исключительно Осуна-араси. С одной стороны, такая трансформация означает, что иностранец сумел интегрироваться в японское общество, однако с другой — подразумевает утрату предыдущей идентичности: чтобы стать «своим», иностранец должен отказаться от своей «иностранный сущности». В тексте эти состояния оказываются дискретны: дискурс не подразумевает позиции иностранца, сохраняющего свои культурные особенности. Это выражено в другом повторяющемся элементе – привыкании и *адаптации*, ведущей к интернализации местных правил:

²⁵ The Heart of Japanese Hospitality // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/spring-summer2014/friends_of_japan3.html (дата обращения: 05.04.2023).

²⁶ Chasing Dreams, Building Bridges // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2015/winter2015/friends_of_japan_.html (дата обращения: 05.04.2023).

²⁷ Conveying Local Charm with Warm Hospitality // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2018/Autumn2018/conveying_local_charm_with_warm.html (дата обращения: 05.04.2023).

²⁸ The Heart of Japanese Hospitality // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/spring-summer2014/friends_of_japan3.html (дата обращения: 05.04.2023).

²⁹ Chasing Dreams, Building Bridges // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2015/winter2015/friends_of_japan_.html (дата обращения: 05.04.2023).

«В Японии считается очень важным не причинять неудобств окружающим». Сначала она считала эту тенденцию чрезмерной, ведущей к обществу, где люди редко проявляют свою индивидуальность. Однако, адаптировавшись к окружающей среде, она изменила свое мнение³⁰.

«Ее мисо-суп очень вкусный, но я был ошарашен, когда она подала его с хлебом», – смеется он. Однако теперь его жена освоила целый ряд японских блюд, от рыбы на гриле до тушеных овощей охитаси³¹.

Необходимость адаптироваться сопровождается отказом от предыдущих привычек. Этот прием, равно как и идея инициации, поддерживает непроницаемость символических границ между японской и остальными культурами: их можно практиковать отдельно, но смешивать нельзя.

Помимо косвенных символических разграничений, в некоторых статьях напрямую указывается, что японская культура отличается от остальных:

*Язык и обстановка в Японии **сильно отличаются от суданской**. Но Абдин говорит, что у него никогда не возникало желания сдаться и вернуться на родину³².*

*Живя в Японии, шведская художница манга Оса Экстрём столкнулась с **множеством неожиданных культурных различий**³³.*

Иностранец – медиатор, помощник, японофил

Хотя в текстах поддерживаются символические границы между Японией и иностранцами, герои статей зачастую существует в особой, пограничной позиции. Часто иностранец фигурирует в роли медиатора – лиминальной позиции. Эта роль неоднократно означает метафорой моста:

Попутно он хочет стать мостом между Африкой и Японией³⁴.

Грациозная балерина соединяет Японию и Россию³⁵.

В случае, когда иностранец становится «мостом», коммуникация между двумя странами является симметричной. В некоторых случаях он становится «окном в мир» – учит и рассказывает о культурах других стран:

Приска Молотси учит – от классных комнат до домов живой музыки – тому, что связано с ее родиной, Южной Африкой³⁶.

³⁰ Supporting Japan's Deepening Ties with Asia // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/womenomics_edition_2014/friends_of_japan2.html (дата обращения: 05.04.2023).

³¹ Falling for Japan, Sight Unseen // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2016/japan_in_africa_edition_2016/friends_of_japan2.html (дата обращения: 05.04.2023).

³² Falling for Japan, Sight Unseen // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2016/japan_in_africa_edition_2016/friends_of_japan2.html (дата обращения: 05.04.2023).

³³ Åsa in Wonderland: The Comical Adventures of a Swedish Manga Artist in Japan // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2015/autumn-winter2015/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).

³⁴ Chasing Dreams, Building Bridges // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2015/winter2015/friends_of_japan_.html (дата обращения: 05.04.2023).

³⁵ Graceful Ballerina Bridges Japan and Russia // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2017/japan_and_russia_edition_2017/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).

³⁶ Enthusiastic Vocalist Inspires Japanese Students // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2019/autumn2019/south_africa.html (дата обращения: 05.04.2023).

Однако чаще вектор медиации направлен из Японии вовне:

...она свободно владеет японским, китайским и корейским языками, чтобы поддерживать малые и средние производственные предприятия из Японии в процессе их экспансии в континентальную Азию³⁷.

«Сегодня я хочу, чтобы вы выучили новое слово. Это слово – уруси[лак]». Сюзанна Росс всегда так начинает свои зарубежные лекции³⁸.

В этих примерах иностранец становится помощником в распространении японских товаров и коммодифицированной культуры. Иногда он(а) становится проводником между традиционной культурой и «новыми поколениями» в Японии:

Именно благодаря своей страсти к ножам он строит мост к новому поколению этой традиционной японской культуры³⁹.

Он учит детей из начальных школ района делать васи, и каждый год шестиклассники сами делают бумагу для своих выпускных аттестатов⁴⁰.

Представляется, что все это проявления общей фигуры «иностранца-медиатора», которая по-разному преломляется в разных контекстах. Иностранцы наделены особыми качествами: они знают разные языки, они могут учить детей традиционным японским искусствам, они понимают, как лучше транслировать «уникальную японскую культуру», как эффективней расширить японский бизнес за границей. Хотя воплощения медиаторов разнятся от статьи к статье, предмет медиации чаще всего остается одним и тем же: японская (как традиционная, так и современная) культура, японские товары, японские традиции. Другими словами, в дискурсе «Друзей Японии» иностранцам-медиаторам отчасти делегированы роли, в которых они должны быть чем-то *полезны*⁴¹ японскому государству. В то же время, существуя на границе между Японией и Другими, они навсегда остаются отличны от «обычных японцев».

Важно, что в статьях иностранцы почти всегда уже заранее знакомы с Японией и ее обычаями – с самого детства они увлечены японской (поп-)культурой и учат японский:

Изучение японского языка в средней школе пробудило в Грисдейле желание увидеть Японию воочию⁴².

³⁷ Supporting Japan's Deepening Ties with Asia // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/womenomics_edition_2014/friends_of_japan2.html (дата обращения: 05.04.2023).

³⁸ Supporting Japan's Deepening Ties with Asia // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/womenomics_edition_2014/friends_of_japan2.html (дата обращения: 05.04.2023).

³⁹ A Canadian Knife-Shop Owner Inspires Japanese Craftsmanship // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2020/summer2020/a_canadian_knife_shop_owner.html (дата обращения: 05.04.2023).

⁴⁰ Under the Spell of Washi for Thirty-Five Years // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2015/disaster_prevention_edition_2015/friends_of_japan_.html (дата обращения: 05.04.2023).

⁴¹ Характерно, что в случае с Приской Молотси – иностранкой, которая рассказывает о своей родине в Японии, подчеркивается важность ее просветительской функции: «В Японии не все понимают, насколько разнообразны культуры и природа разных стран. Она находит способы наладить связь между Японией и далекой Африкой, рассказывая об истории и культуре своей родины, Южной Африки». [Enthusiastic Vocalist Inspires Japanese Students // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2019/autumn2019/south_africa.html (дата обращения: 05.04.2023)]

⁴² Making Japan Accessible to All // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2018/spring2018/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).

Его интерес к Японии возник еще в 1980-х годах, когда он с увлечением смотрел японский драматический телесериал «Сёгун» и читал японские комиксы «Одинокий волк и Куб»⁴³. Греб выросла во Фрайбурге и увлеклась японской культурой в возрасте 11 лет⁴⁴.

В сущности, герои статей являются экспертами по Японии, японофилами, причем стали ими еще до того, как побывали в Японии. В дискурсе «Друзей Японии» нет места для тех, кто бы попал в страну случайно, не из-за любви к японской культуре или кого государству приходилось бы интегрировать в общество — эту функцию иностранцы выполняют сами. Ответственность за адаптацию в новых условиях целиком перенесена на самих иностранцев. Показательно, что в текстах почти никогда не говорится ни о миграционном статусе героев и героинь, ни о процессе легализации в стране. Таким образом, в правительственном дискурсе задачи по интеграции в японское общество приватизированы — оптимальным иностранцем для государства будет тот, кто выучит японский заранее, исследует японскую культуру, а будучи в Японии станет медиатором, исполняя роль амбассадора японской культуры за рубежом.

Рубрика «Друзья Японии», несмотря на свое название, фокусируется на репрезентации японской культуры и продвижении национального бренда в большей степени, чем на описании опыта жизни иностранцев в Японии: последний необходим в рамках описываемого дискурса постольку, поскольку нарратив о нем является в действительности контейнером для описания японских самобытных качеств. Речь иностранцев и их биографии служат механизмом «верификации» того, что говорится о Японии, своего рода внешним, «независимым мнением». Центральной же темой так или иначе является Япония и японская культура. Дискурс статей сродни рекламному: он исключает негативные опыты и ориентирован на иностранного туриста, посетителя страны. Япония рекламируется как самобытная страна с уникальной культурой, которая, однако, доступна для понимания иностранцами. Идея о доступности Японии связана с процессом коммодификации национальной культуры: сложно продать то, что недоступно потребителю. В этом смысле дискурс статей порывает с наследием *нихондзинрон*. Однако, в других своих аспектах образ страны в «Друзьях Японии» похож на таковой в идеологии о японской уникальности: использование японоязычных терминов, невозможность смешения культур, утверждение парадоксальности Японии, сочетающей традиционные и современные феномены, автономность и независимость от внешнего влияния — все эти элементы мы описывали, когда говорили о *нихондзинрон* как основе японской национальной идеи. Концепт японской гостеприимности – *омотэнаси* – сохраняет дистанцию между японцами, принимающими, и *гостями*, которые могут существовать в Японии только по предлагаемым местными правилам. Символические границы между японцами и Другими поддерживаются в статьях несколькими путями: через деление биографии героев на «до Японии» и «после», прямые указания на различия и косвенные описания уникальных местных практик. Наконец, основная роль, которую выполняют иностранцы — роль медиаторов. Они распространяют, поддерживают, сохраняют японскую культуру, а также служат «мостами» для коммуникации между Японией и другими странами. Находясь в лиминальном положении, в дискурсе статей они лишены возможности полной интеграции на правах представителя неапонской культуры.

Парадоксальным образом статьи об опыте иностранцев остаются японоцентричными, одновременно поддерживая границы и различия между нацией и Другими.

⁴³ A Canadian Knife-Shop Owner Inspires Japanese Craftsmanship // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2020/summer2020/a_canadian_knife_shop_owner.html (дата обращения: 05.04.2023).

⁴⁴ Conveying Local Charm with Warm Hospitality // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел Friends of Japan журнала We are tomodachi на сайте правительства Японии] https://www.japan.go.jp/tomodachi/2018/Autumn2018/conveying_local_charm_with_warm.html (дата обращения: 05.04.2023).

Результаты и обсуждение: сериал *Japanology Plus*

Подзаголовок страницы, где расположены эпизоды документального сериала *Japanology Plus*, гласит: «Свежие взгляды на Японию. Истории японской жизни и культуры глазами Питера Баракана, 45-летнего резидента страны и наблюдателя за Японией». В фокусе нашего внимания находилась рубрика сериала под названием *Japanophiles*, где ведущий Питер Баракан встречается с иностранцами, которые живут в Японии или каким-либо образом связаны со страной. В анализе нарративов мы частично опирались на модель и алгоритм, предложенный Соней Фосс, которая в качестве задач нарративного анализа выделяет определение цели нарратива и тех средств, с помощью которых она достигается [Foss 2017]. Для наших целей нет необходимости анализировать каждую серию рубрики: нас интересуют общие структурные характеристики. Так, на момент анализа (апрель 2023) на сайте было доступно 10 серий под рубрикой *Japanophiles*, поэтому в процессе работы мы выбрали и использовали половину из них. Серии были разделены на эпизоды с указанием времени, содержания и структурной значимости в рамках нарратива (см. Приложение 1). Далее были определены аудитория, функции нарратора и персонажей внутри эпизодов и передаваемые сообщения/темы.

Аудитория

Потенциальным адресатом документального фильма являются иностранцы, которые интересуются культурой Японии. Это следует как из названия документального сериала – «Японология» – так и из канала и формы дистрибуции: сериал доступен только на иностранных языках и распространяется через международное подразделение NHK. Зрители сериала – это потребители японской культуры.

Элементы нарративов

Есть несколько устойчивых смысловых элементов. Хотя их порядок в сериях может различаться, это не меняет функций элементов, которые возникают в видео снова и снова.

Культурный экскурс

Чаще всего следом за знакомством Баракана и героя серии следует то, что можно назвать культурным экскурсом: закадровый голос рассказывает о феноменах японской культуры, с которыми связан гость программы. Так, если это художница манга, голос укажет на особенности японских комиксов, если герой занимается традиционными штукатурными работами – расскажет об отличительных чертах технологии.

*Кайл Хольцхутер – штукатур. Он использует традиционные японские техники. Традиционная архитектура начинается с каркаса. Плотники создают основной внешний вид полов, стен и потолков...*⁴⁵

Эпизодов с экскурсом может быть несколько. К примеру, в серии с Кайлом Хольцхутером можно выделить 4 таких эпизода, которые рассредоточены по всей серии. Характерно, что в этих частях видеоряд содержит отвлеченные от гостя программы кадры: в культурном экскурсе центральное место занимает японская культура и ее отдельные феномены, в то время как биография становится прологом для этих микронарративов.

Обсуждение особенностей японской культуры

В разговоре Баракана и героя главной темой обсуждения становится японская культура и ее особенности. Часто ведущий спрашивает об отличиях страны напрямую или сами герои указывают на уникальные черты японской культуры, которые нельзя найти в других странах:

⁴⁵ NHK. *Japanophiles: Kyle Holzhueter* // *Japanology Plus* | NHK WORLD-JAPAN On Demand. 2023, 23 марта. 3:00-3:50 <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/ondemand/video/2032284/> (дата обращения: 07.04.2023).

(Баракан) Есть ли существенные различия между тем, как это делается там и здесь? // (Хольцхутер) Да. Я думаю, что основные различия между штукатурными работами в Японии и США заключаются в том, что в Японии существует традиция нанесения множества тонких слоев...⁴⁶

В этих частях герои фигурируют в качестве экспертов по отличиям японской культуры от других стран. Гости программы выступают в роли схожей с той, какую имеют иностранцы в текстах о «Друзьях Японии»: поскольку это документальный сериал, а гости основывают свои ответы на личном опыте, отличия страны принимают «объективный» характер, то есть закрепляются как непроблематизируемые и истинные.

Биография иностранцев, увлеченных Японией

Закадровый голос кратко повествует о биографии гостей программы, из чего выясняется, что иностранцы были увлечены Японией с самого детства. Одними из ключевых точек в биографии иностранцев становятся дата и страна рождения, момент, когда они стали увлечены Японией:

Николас Ренник родился в 1990 году в Новом Южном Уэльсе, Австралия. Он начал изучать японский язык в начальной школе, а когда ему было 14 лет, он приехал в Японию в трехнедельную учебную поездку. По его словам, эта поездка стала началом увлечения многими аспектами Японии⁴⁷.

Часто закадровый голос суммирует опыт взаимодействия иностранца с Японией в терминах «восхищения» или «очарования», затем следует прямая речь, которая оказывается подтверждением слов нарратора. Учитывая, что в речи внешнего повествователя иностранец всегда «в восторге от» Японии, опыт людей фреймируется как положительный. В эпизодах взаимодействие Других и Японии означено как исключительно положительное, а обилие эмоционально окрашенных терминов сближает этот дискурс с рекламным – такое сочетание мы уже наблюдали в «Друзьях Японии».

Иностранец как помощник / иностранец как медиатор

Существенной темой разговоров Баракана и гостей становится роль последних в рамках японского общества. Мы выделяем две основных роли, которые уже знакомы, – помощник и медиатор:

Дьюар также является директором детского сада. Он занимает эту должность уже более десяти лет. И несколько раз в год он показывает детям, как делать бумажные самолетики⁴⁸.

Этот отрывок рассказывает о работе Эндрю Дьюара в японском детском саду – иностранец выступает медиатором японской традиции между поколениями. Отрывок ниже повествует о том, как иностранец Николас Ренник помогает наладить японцам контакт с внешним миром:

Он помогает улучшить языковые навыки всем, от врачей до администраторов. Сегодняшний студент – Ямасита Рё, интерн. Ренник играет роль пациента, пришедшего на медицинский осмотр⁴⁹ (Rennick, 18:46-19:07).

⁴⁶ NHK. Japanophiles: Kyle Holzhueter // Japanology Plus | NHK WORLD-JAPAN On Demand. 2023, 23 марта. 6:14-6:37 <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/ondemand/video/2032284/> (дата обращения: 07.04.2023).

⁴⁷ NHK. Japanophiles: Nicholas Rennick // Japanology Plus | NHK WORLD-JAPAN On Demand. 2021, 2 декабря. 08:38-9:03 <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/ondemand/video/2032251/> (дата обращения: 07.04.2023).

⁴⁸ NHK. Japanophiles: Andrew Dewar // Japanology Plus | NHK WORLD-JAPAN On Demand. 2022, 13 октября. 21:48-22:05 <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/ondemand/video/2032275/> (дата обращения: 07.04.2023).

⁴⁹ NHK. Japanophiles: Nicholas Rennick // Japanology Plus | NHK WORLD-JAPAN On Demand. 2021, 2 декабря. 18:46-19:07 <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/ondemand/video/2032251/> (дата обращения: 07.04.2023).

Иногда роли помощника и медиатора дополняют друг друга. К примеру, в серии об Осе Экстрём утверждается, что ее опыт иностранки позволяет подсветить элементы японской культуры, которые незаметны для самих японцев, а также что художница «передает свою любовь к Японии большим аудиториям»:

Так что быть иностранцем – это в некотором роде мое секретное оружие, с помощью которого я могу рассказывать истории, которые японцы не могут рассказать. Вот почему я занялась [созданием работ] типа [с перспективы] иностранца⁵⁰.

Экстрём передает свою любовь к Японии все более широкой аудитории, и не похоже, что она перестанет это делать⁵¹.

Иностранцы выступают посредниками между внешним миром и страной, а также медиаторами традиции или незаметных для японца элементов японской культуры. Характерна цитата Кайла Хольцхутера, где он говорит об особенностях жизни в японской сельской местности:

Конечно, люди, живущие в Японии, не знают, что именно для этого она и была создана. Это горная страна, и люди всегда жили в этих довольно отдаленных регионах⁵².

Здесь различим взгляд снаружи, взгляд издалека – взгляд Другого. Ему доступны те знания, которые остаются нерелексируемыми для представителей ингруппы. Именно поэтому он может подмечать особые детали, предлагать особую оптику, медиировать особый опыт. В сущности, традиция, равно как и незаметные практики модерности являются чем-то внешним по отношению к современным японцам. Если предположить, что уникальность иностранца («секретное оружие», выражаясь словами Экстрём) в том, что он по преимуществу Другой, тогда станет ясно, почему его роль и польза в том, чтобы напоминать Японии о том, какая она уникальная. Как и в «Друзьях Японии», иностранец оказывается полезен для поддержания внутри и ретрансляции вовне знания о самобытности японской культуры.

Валидация (пользы от) иностранцев

Важные второстепенные персонажи – японцы, знакомые с деятельностью иностранца: его/ее коллеги, учителя, научные руководители, участники мастер-класса. Они дают микроинтервью, где рассказывают о достижениях, мастерстве, профессиональных качествах главного героя. Повторяющейся темой становится указание на большую осведомленность героя о японской культуре и японских порядках, а также его/ее пользе для японского общества – иными словами, иностранцы валидируют достижения и значимость героя-иностранца:

У Осы есть особый способ наблюдать за всем. Она любит Японию и улавливает удивительные культурные различия. То, что она изображает их с заботой и юмором, выделяет ее работы [комиксы манга]⁵³ (Ekstrom, 16:52-17:13).

Часть, где гостей программы японцы хвалят и указывают на их достоинства, как элемент нарратива служит в качестве подтверждения значимости иностранцев для Японии. Она является своего рода миниэкзаменом по «японологии» – умению иностранцев ориентироваться в принимающей культуре. При этом оценивающими субъектами являются японцы, а оцениваемыми — иностранцы.

Таким образом, в рубрике Japanophiles коммодифицированная японская культура и ее отличия демонстрируются через личные истории иностранцев, которые занимают

⁵⁰ NHK. Japanophiles: Asa Ekstrom // Japanology Plus | NHK WORLD-JAPAN On Demand. 2022, 29 июля. 3:25-3:37 <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/ondemand/video/2032243/> (дата обращения: 07.04.2023).

⁵¹ NHK. Japanophiles: Asa Ekstrom // Japanology Plus | NHK WORLD-JAPAN On Demand. 2022, 29 июля. 26:03-26:20 <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/ondemand/video/2032243/> (дата обращения: 07.04.2023).

⁵² NHK. Japanophiles: Kyle Holzhueter // Japanology Plus | NHK WORLD-JAPAN On Demand. 2023, 23 марта. 14:19-14:31 <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/ondemand/video/2032284/> (дата обращения: 07.04.2023).

⁵³ NHK. Japanophiles: Asa Ekstrom // Japanology Plus | NHK WORLD-JAPAN On Demand. 2022, 29 июля. 16:52-17:13 <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/ondemand/video/2032243/> (дата обращения: 07.04.2023).

пограничную позицию Других и чья деятельность подчинена интересам японского государства и валидируется местными жителями.

Как мы уже неоднократно замечали по ходу обсуждения статей и эпизодов сериала, роль и описания граждан других стран в них похожи. Совпадения позволяют говорить о том, что наши наблюдения репрезентируют некоторые существенные характеристики того, как представлены иностранцы в государственном дискурсе Японии.

Заключение

Репрезентация японской культуры в рассмотренных нами источниках воспроизводит некоторые черты идеологии *нихондзинрон*: страна маркируется как самобытная, причем часто разговор о ее отличиях вложен в прямую речь иностранцев. Герои статей и сериала утверждают, что японской культуре свойственна преемственность традиции, а самим японцам – гостеприимство и утонченность. Кроме того, частое использование японоязычных терминов применительно к феноменам культуры формирует такой способ рассказа о Японии, который подчеркивает ее особенности. Мы также обнаружили значимый элемент репрезентации, который характерен и для дискурса *нихондзинрон*: страна часто оказывается вписанной в оппозицию «Запад – Япония». Видимо, попытка определить самобытность нации через отрицание – характерный механизм проведения символических границ в государственной стратегии брендинга Японии. Культура страны, чьи особенности предлагаются в качестве (туристического) товара, представлена как *отличная* — одновременно самобытная и притягательная. Такой образ до некоторой степени наследует самоориентирующему подходу *нихондзинрон*, однако теперь он существует в рыночной логике.

Иностранцы в дискурсе занимают амбивалентную позицию. С одной стороны, они маркированы как Другие, временные гости. Они оказываются субординированы национальным субъектам, которые являются «хозяевами» страны, и потому могут оценивать иностранцев по их степени полезности для страны и качеству знаний японской культуры, а также определяют условия, при которых нерезиденты будут гостить. Если иностранец чувствует тягу к стране, ему следует отказаться от предыдущих идентичностей. Однако и в этом случае иностранец может претендовать лишь на пограничную позицию друга или японофила, но не может стать японцем – так воспроизводится миф о моноэтничности, присущий идеологии *нихондзинрон*.

В то же время именно пограничная позиция делает иностранца важным и полезным для японского государства. Иностранец оказывается средством для продвижения японского бренда (амбассадором) и существует в рамках логики брендинга страны: помогает повышать добавленную стоимость японского бренда, поддерживая японское культурное наследие и рассказывая о нем внутри страны и за рубежом. В этой ситуации вырисовывается фигура иностранца как задействованного в определении Японии через Другого, однако теперь это не только отстраненный Другой, но и *лояльный потребитель*.

Иностранцы описываются двояким образом. С одной стороны, они маркированы как чужаки и (временные) гости, субординированные по отношению к национальным субъектам. В то же время иностранцы служат амбассадорами и помогают продвигать японский бренд, но их интеграция в японское общество не является приоритетом государства. Таким образом, в контексте проектов национального брендинга логика определения нации через отрицание Другого продолжает действовать, а взаимодействие страны с иностранцами в первую очередь направлено на достижение интересов Японии.

Амбивалентность фигуры иностранца как Другого означает, что брендинг может быть направлен на граждан других стран, но при этом не предполагать их полной интеграции в страну. В этом смысле уместно говорить о разных степенях инклюзии, которые могут

быть встроены в разные нации-бренды. Наша работа вносит вклад в построение подобной таксономии «инклюзивности брендируемых наций».

Кроме того, исследование демонстрирует ту оптику, через которую японское государство видит иностранцев. Перенесение ответственности за интеграцию на самих мигрантов, которое заметно в дискурсе Cool Japan, реактуализирует проблему японской миграционной политики. Эти результаты работы представляют новую точку зрения в контексте дискуссий об отношениях Японии и иностранных граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. Москва: Кучково поле. 2016. 416 с.
- Карелова Л., Чугров С. Глобализация: японские интерпретации социокультурных процессов // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 44–54.
- Крупянко М., Арешидзе Л. Японский национализм. Идеология и политика. Москва: Международные отношения. 2012. 416 с.
- Мещеряков А. Н. Послевоенная Япония: этнологическое уничтожение истории // История и современность. 2008. № 1. С. 175–188.
- Мещеряков А. Н. Стать японцем. Топография тела и его приключения. Москва: Наталис. 2014а. 432 с.
- Мещеряков А. Н. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. Москва: Дело. 2014б. 424 с.
- Мещеряков А. Н. Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда. Этнология как форма существования японского народа. Москва: Лингвистика. 2020. 352 с.
- Скворцова Е. Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 52–63.

REFERENCES

- Anderson, B. (2016). *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism] (Nikolaev, V., Trans.; Bankovskaya, S. P., Intro.). Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russian).
- Karelova, L., & Chugrov, S. (2009). Globalizatsiya: yaponskiye interpretatsii sotsiokul'turnykh protsessov [Globalization: Japanese Interpretations of Sociocultural Processes]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 7, 44–54. (In Russian).
- Krupyanko, M., & Areshidze, L. (2012). *Yaponskii natsionalizm. Ideologiya i politika* [Japanese Nationalism. Ideology and Politics]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2008). Poslevoennaya Yaponiya: etnologicheskoye unichtozhenie istorii [Post-war Japan: Ethnological Destruction of History]. *Istoriya i sovremennost'* [History and Modernity], 1, 175–188. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2014a). *Stat' yaponsem. Topografiya tela i ego priklyucheniya* [Becoming Japanese. Topography of the Body and Its Adventures]. Moscow: Natalis. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2014b). *Terra Nipponica: sreda obitaniya i sreda voobrazheniya* [Terra Nipponica: Habitat and the Environment of Imagination]. Moscow: Delo. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2020). *Ostatsya yaponsem: Yanagita Kunio i ego komanda. Etnologiya kak forma sushchestvovaniya yaponskogo naroda* [Staying Japanese: Yanagita Kunio and His Team. Ethnology as a Form of Existence of the Japanese People]. Moscow: Lingvistika. (In Russian).
- Skvortsova, E. (2012). Yaponiya: krizis kul'turnoi identichnosti pri vstreche s zapadnoi tsivilizatsiei [Japan: The Crisis of Cultural Identity in the Encounter With Western Civilization]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 7, 52–63. (In Russian).

* * *

- Agar, M. (2007). Emic/Etic. In *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. John Wiley & Sons, Ltd. <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeose035>
- Aida, Y. (1970). *Nihonjin no ishiki kōzō* [The Japanese Mind]. Kōdansha. (In Japanese).
- Aronczyk, M. (2008). “Living the Brand”: Nationality, Globality and the Identity Strategies of Nation Branding Consultants. *International Journal of Communication*, 2, 41–65. <https://doi.org/1932-8036/20080041>
- Aronczyk, M. (2013). *Branding the Nation: The Global Business of National Identity*. Oxford University Press.
- Asakura, T., Gee, G.C., Nakayama, K., & Niwa, S. (2008). Returning to the “Homeland”: Work-Related Ethnic Discrimination and the Health of Japanese Brazilians in Japan. *American Journal of Public Health*, 98(4), 743–750. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2007.117309>
- Befu, H. (1993). Nationalism and Nihonjinron. In H. Befu (Ed.), *Cultural Nationalism in East Asia: Representation and Identity* (pp. 107–139). Berkeley, California: Institute of East Asian Studies, University of California. <http://archive.org/details/culturalnational0000unse>
- Benedict, R. (1947). *The Chrysanthemum and The Sword*. The Riverside Press. <http://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.80008>
- Burgess, C. (2004). Maintaining Identities: Discourses of Homogeneity in a Rapidly Globalizing Japan. *Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies*. <https://www.japanesestudies.org.uk/articles/Burgess.html>
- Choo, K. (2013). Nationalizing “cool”: Japan’s global promotion of the content industry. In *Popular Culture and the State in East and Southeast Asia* (pp. 85–105). Routledge.
- Dale, P.N. (1986). *The Myth of Japanese Uniqueness*. Taylor & Francis.
- Dalio-Bul, M. (2009). Japan Brand Strategy: The Taming of ‘Cool Japan’ and the Challenges of Cultural Planning in a Postmodern Age. *Social Science Japan Journal*, 12(2), 247–266. <https://doi.org/10.1093/ssjj/jyp037>
- Dinnie, K. (2009). *Nation Branding: Concepts, Issues, Practice* (Reprinted). Elsevier Butterworth-Heinemann.
- Doi, T. (1971). *Amae no kōzō* [The Anatomy of Dependence]. Kōbundō. (In Japanese).
- Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. Routledge.
- Flowers, P.R. (2008). Failure to Protect Refugees? Domestic Institutions, International Organizations, and Civil Society in Japan. *Journal of Japanese Studies*, 34(2), 333–361. <https://www.jstor.org/stable/27756571>
- Foss, S.K. (2017). *Rhetorical Criticism: Exploration and Practice*. Waveland Press.
- Goodman, R. (2005). Making Majority Culture. In *A Companion to the Anthropology of Japan* (pp. 59–72). John Wiley & Sons, Ltd. <https://doi.org/10.1002/9780470996966.ch5>
- Hall, S. (1996). Who needs identity? In P. Du Gay & S. Hall (Eds.), *Questions of Cultural Identity* (pp. 1–19). Sage.
- Hall, S. (1997). The spectacle of the other. In S. Hall (Ed.), *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices* (Vol. 7, pp. 223–290). Sage.
- Ito, M. (1998). *Globalization of Japan: Japanese Sakoku Mentality and U. S. Efforts to Open Japan*. St. Martin’s Press. <http://archive.org/details/globalizationofj0000itoh>
- Iwabuchi, K. (1994). Complicit Exoticism: Japan and Its Other. *Continuum*, 8(2), 49–82. <https://doi.org/10.1080/10304319409365669>
- Iwabuchi, K. (2015). Pop-culture diplomacy in Japan: Soft power, nation branding and the question of ‘international cultural exchange’. *International Journal of Cultural Policy*, 21(4), 419–432. <https://doi.org/10.1080/10286632.2015.1042469>
- Lie, J. (2001). *Multiethnic Japan*. Harvard University Press.
- McCormack, G. (1994). Kokusaika, Nichibunken, and the question of Japan-bashing. *Asian Studies Review*, 17(3), 166–172. <https://doi.org/10.1080/03147539408712964>
- McGray, D. (2002). Japan’s Gross National Cool. *Foreign Policy*, 130, 44–54. <https://doi.org/10.2307/3183487>
- McLaren, S. (2015). Made in Cool Japan: Delights and Disasters. *Griffith Review*, 49, 165–173.

- Mishima, K. (2000). Japan: Locked in the Discourse of National Uniqueness? *Internationale Politik Und Gesellschaft*, 1, 74–82.
- Mouer, R.E., & Sugimoto, Y. (1986). *Images of Japanese Society: A Study in the Social Construction of Reality*. Kegan Paul.
- Murphy-Shigematsu, S. (1993). Multiethnic Japan and the Monoethnic Myth. *MELUS*, 18(4), 63. <https://doi.org/10.2307/468120>
- Nakane, C. (1967). Tate shakai no ningen kankei [Human Relations in a Vertically Structured Society]. Kōdansha. (In Japanese)
- Nishijima, R. (2017). *Aporia of Omotenashi: Hospitality in Post-Oriental and Post-Imperial Japan* (Nishijima_ucla_0031D_16351). University of California, Los Angeles. ProQuest Dissertations and Theses database.
- Riessman, C. (2005). Narrative Analysis. In *Narrative, Memory, & Everyday Life* (pp. 1–7). University of Huddersfield.
- Tamaki, T. (2019). Repackaging National Identity: Cool Japan and the Resilience of Japanese Identity Narratives. *Asian Journal of Political Science*, 27(1), 108–126. <https://doi.org/10.1080/02185377.2019.1594323>
- Triandafyllidou, A. (2001). *Immigrants and National Identity in Europe*. Routledge.
- Varga, S. (2013). The Politics of Nation Branding: Collective Identity and Public Sphere in the Neoliberal State. *Philosophy & Social Criticism*, 39(8), 825–845. <https://doi.org/10.1177/0191453713494969>
- Volcic, Z., & Andrejevic, M. (2011). Nation Branding in the Era of Commercial Nationalism. *International Journal of Communication*, 5, 598–618.
- Yoshino, K. (1998). Culturalism, racialism, and internationalism in the discourse on Japanese identity. In *Making Majorities: Constituting the Nation in Japan, Korea, China, Malaysia, Fiji, Turkey, and the United States* (pp. 13–30). Stanford University Press Stanford, CA.

Приложение 1. Использованные источники в порядке анализа

Статьи *Friends of Japan*

1. A Canadian Knife-Shop Owner Inspires Japanese Craftsmanship // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2020/summer2020/a_canadian_knife_shop_owner.html (дата обращения: 05.04.2023).
2. Achieving the Impossible: Syrian Refugee Swimmer-Ambassador // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2017/autumn-winter2017/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).
3. Ancient Footpaths Lead Author to Traditional Japan // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2016/summer2016/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).
4. Åsa in Wonderland: The Comical Adventures of a Swedish Manga Artist in Japan // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2015/autumn-winter2015/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).
5. Bringing Japan to the World // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2018/Summer2018/bringing_japan_to_the_world.html (дата обращения: 05.04.2023).
6. Chasing Dreams, Building Bridges // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2015/winter2015/friends_of_japan_.html (дата обращения: 05.04.2023).

7. Conveying Local Charm with Warm Hospitality // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2018/Autumn2018/conveying_local_charm_with_warm.html (дата обращения: 05.04.2023).
8. Enthusiastic Vocalist Inspires Japanese Students // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2019/autumn2019/south_africa.html (дата обращения: 05.04.2023).
9. Falling for Japan, Sight Unseen // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2016/japan_in_africa_edition_2016/friends_of_japan2.html (дата обращения: 05.04.2023).
10. Fukuoka City Fostering Innovation with the Startup Visa Program // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2018/spring-summer2018/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).
11. Graceful Ballerina Bridges Japan and Russia // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2017/japan_and_russia_edition_2017/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).
12. Greater Interaction Can Bring Our Two Countries Closer // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2016/japan_and_russia_edition_2016/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).
13. Kendo: Developing One's Spiritual Armor // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/spring-summer2014/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).
14. Making Japan Accessible to All // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2018/spring2018/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).
15. Matching Hijabs and Kimono in Kyoto // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: <https://www.japan.go.jp/tomodachi/2020/winter2020/kyoto.html> (дата обращения: 05.04.2023).
16. Promoting Cross-Cultural Understanding as a Language Professional // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2016/winter2016/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).
17. Shogi — A Japanese Game Wins a Devotee from Poland // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2016/g7-2016/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).
18. Spreading the Charm of Sake in Germany // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: <https://www.japan.go.jp/tomodachi/2019/summer2019/foj.html> (дата обращения: 05.04.2023).
19. Supporting Japan's Deepening Ties with Asia // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/womenomics_edition_2014/friends_of_japan2.html (дата обращения: 05.04.2023).
20. Sushi and Beyond: Smitten with Japan and Its Food // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии]

URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2015/summer2015/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).

21. The Heart of Japanese Hospitality // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/spring-summer2014/friends_of_japan3.html (дата обращения: 05.04.2023).
22. Traditional Sound to Bridge Cultures // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2017/spring-summer2017/friends_of_japan.html (дата обращения: 05.04.2023).
23. Under the Spell of Washi for Thirty-Five Years // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2015/disaster_prevention_edition_2015/friends_of_japan_.html (дата обращения: 05.04.2023).
24. Urushi: Preserving the Treasure for the World // JapanGov | The government of Japan [Электронный ресурс, раздел «Friends of Japan» журнала «We are tomodachi» на сайте правительства Японии] URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2019/spring2019/urushi_preserving_the_treasure.html (дата обращения: 05.04.2023).

Серии документального сериала «Japanology Plus»

1. NHK. Japanophiles: Andrew Dewar [Серия документального сериала «Japanology Plus»] // Japanology Plus | NHK WORLD-JAPAN On Demand. 2022, 13 октября. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/ondemand/video/2032275/> (дата обращения: 07.04.2023).
2. NHK. Japanophiles: Asa Ekstrom [Серия документального сериала «Japanology Plus»] // Japanology Plus | NHK WORLD-JAPAN On Demand. 2022, 29 июля. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/ondemand/video/2032243/> (дата обращения: 07.04.2023).
3. NHK. Japanophiles: Claudio Feliciani [Серия документального сериала «Japanology Plus»] // Japanology Plus | NHK WORLD-JAPAN On Demand. 2022, 2 июня. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/ondemand/video/2032265/> (дата обращения: 07.04.2023).
4. NHK. Japanophiles: Kyle Holzhueter [Серия документального сериала «Japanology Plus»] // Japanology Plus | NHK WORLD-JAPAN On Demand. 2023, 23 марта. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/ondemand/video/2032284/> (дата обращения: 07.04.2023).
5. NHK. Japanophiles: Nicholas Rennick [Серия документального сериала «Japanology Plus»] // Japanology Plus | NHK WORLD-JAPAN On Demand. 2021, 2 декабря. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/ondemand/video/2032251/> (дата обращения: 07.04.2023).

Поступила в редакцию: 16.01.2024

Received: 16 January 2024

Принята к публикации: 02.07.2024

Accepted: 02 July 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-30-49

Непростая история со значительным потенциалом: о развитии израильско-японских отношений

Д.А. Марьясис, Е.А. Якимова

Аннотация. Из анализа имеющихся в распоряжении авторов российских, израильских, японских и различных англоязычных источников авторы приходят к выводу, что данная работа – одно из немногих исследований по тематике японо-израильских отношений в востоковедном дискурсе в принципе. А в российском востоковедении – это первая статья, посвященная японо-израильским отношениям. Авторы ставили себе задачу не только проследить динамику формирования и развития системы двусторонних связей как в общественно-политическом, так и в экономическом аспектах, но и выявить причины столь непростой истории взаимодействия двух стран. Также в работе показаны возможные перспективы развития японо-израильских отношений.

Поставленная задача определила и структуру работы. Статья состоит из обзора литературы, рассмотрения предпосылок к развитию двустороннего сотрудничества, анализа политической и экономической составляющих японо-израильского диалога и заключения.

Приведенный в исследовании анализ исторических факторов сотрудничества Японии и Израиля, прежде всего отношения еще Японской империи к еврейству показал, что в период, предшествовавший установлению дипломатических отношений, не возникло обстоятельств, способных существенно воспрепятствовать их современному двустороннему и многостороннему взаимодействию. Кроме того, в дальнейшем опора на позитивный опыт прошлого стала одной из основ политики премьер-министра Абэ Синдзо, под руководством которого удалось многого добиться в процессе наращивания контактов Токио и Иерусалима.

Определяющую роль в политико-дипломатической сфере для государств сыграли экономические соображения и зависимость от внешних поставок энергоресурсов, требующие от японских властей проводить взвешенный курс в связи с ситуацией на Ближнем Востоке. С течением времени значимость данной задачи возросла в связи с усилиями Токио повысить свой статус на международной арене, прежде всего в ООН и ее специализированных учреждениях.

Вместе с тем в области экономического сотрудничества внутренние кризисы и разница экономических моделей Японии и Израиля на протяжении довольно долгого времени не давали государствам вывести данный компонент кооперации на новый уровень. Однако сформированные к настоящему моменту самобытные национальные экономики и обладающие рядом специфических особенностей культуры предпринимательства Японии и Израиля в текущих реалиях открывают для двух государств широкие возможности для совместной работы.

Ключевые слова: Израиль, Япония, сотрудничество, история, политика, экономика.

Авторы:

Якимова Елизавета Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Института Востоковедения РАН (адрес: ФГБУН ИВ РАН, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0001-7609-2261; E-mail: yaki-elizaveta@yandex.ru

Марьясис Дмитрий Александрович, кандидат экономических наук, независимый исследователь.
ORCID: 0000-0002-7910-4552; E-mail: dmaryasis@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Якимова Е.А., Марьясис М.Д. Непростая история со значительным потенциалом: о развитии израильско-японских отношений // Японские исследования. 2024. № 3. С. 30–49. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-30-49

Благодарности. Исследование выполнено за счет грантового проекта ИМИ МГИМО № 2025-04-02: История, современное состояние и перспективы развития взаимоотношений Израиля и неисламских стран Азии.

Complicated history with huge potential: Israeli-Japanese relations' development

D.A. Maryasis, E.A. Iakimova

Abstract. From an analysis of Russian, Israeli, Japanese, and various English-language sources, the authors conclude that this paper is one of the few studies on the topic of Japanese-Israeli relations in the field of Oriental studies. In particular, in Russian Oriental studies, this is the first article focusing on Japanese-Israeli relations. The authors aim not only to trace the dynamics of bilateral relations in socio-political and economic aspects but also to identify the reasons for their complex history. The study also explores potential future developments.

This goal has shaped the article's structure. It includes a literature review, an examination of cooperation prerequisites, an analysis of political and economic components, and a conclusion.

The study's analysis of historical factors, primarily the Japanese Empire's attitude towards Jewry, reveals that no significant obstacles existed before diplomatic relations were established to hinder current bilateral and multilateral interaction. Moreover, Japan's Prime Minister Abe Shinzō relied on positive past experiences to foster increased contacts between Tokyo and Jerusalem.

Economic considerations and dependence on external energy resources have played a crucial role in the political and diplomatic sphere for both states. This has led Japanese authorities to maintain a balanced course in the Middle East. Over time, the significance of this task has grown as Tokyo seeks to enhance its international status, particularly within the UN and its specialized agencies.

In the realm of economic cooperation, internal crises and differing economic models have hindered progress for a considerable period. However, the distinctive national economies and entrepreneurial cultures of Japan and Israel now present significant opportunities for collaboration.

Keywords: Israel, Japan, cooperation, history, politics, economics.

Authors:

Maryasis Dmitry A., PhD (Economics), Independent Scholar. ORCID: 0000-0002-7910-4552; E-mail: dmaryasis@yandex.ru

Iakimova Elizaveta A., PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science. Address: FSFIS Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, 12 Rozhdestvenka Street, Moscow, Russian Federation, 107031. ORCID: 0000-0001-7609-2261; E-mail: yaki-elizaveta@yandex.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Maryasis, D.A., Iakimova, E.A. (2024). Neprostaya istoriya so znachitel'nym potentsialom: o razvitií izrail'sko-yaponskikh otnoshenii [Complicated history with huge potential: Israeli-Japanese relations' development]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 3, 30–49. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-30-49

Acknowledgements. The research was supported by the MGIMO University IIS grant project No. 2025-04-02: History, Current State, and the Prospects of Development of the Relations of Israel and the Non-Islamic Countries of Asia.

Введение

В российском востоковедении анализу развития взаимоотношений Израиля и Японии внимания практически не уделяется. Авторам не удалось найти сколько-либо значимых исследований, посвященных данной тематике, при том, что израильско-китайским и израильско-индийским отношениям в разных сферах посвящено довольно много работ, есть даже статьи про израильско-корейские отношения. Обнаруживаются лишь информационно-аналитические материалы, сводящиеся к ситуационному анализу актуальных вопросов последних лет, таких как перспективы двусторонних и многосторонних контактов или динамика ближневосточного конфликта [Жидкова 2018], [Жидкова 2023], [Якимова 2016]. На наш взгляд, такое положение вещей является следствием того, что Япония и Израиль лишь недавно вышли на такой уровень сотрудничества, о котором есть смысл размышлять.

Среди зарубежных авторов можно отметить стремление к изучению исторических аспектов сотрудничества, варьирующихся от раскрытия деталей Плана Фугу [Tokayer 2004], [Sugihara 2001] до темы Холокоста [Levine 1996], которая интересует не только западных или израильских, но и китайских специалистов [Shijie 2023]. Существенный вклад в оценку современного политико-дипломатического взаимодействия двух государств вносят статьи, посвященные выявлению факторов, способствующих и препятствующих развитию японо-израильских контактов [Cohen 2005], [Kowner 2023], а также исследования, раскрывающие особенности приоритетов Токио и Иерусалима на международной арене, включая ООН [Murata 1990], [Edström 2016].

Очевидно, что тематика израильско-японских экономических отношений вызывает ограниченный интерес ввиду своей узости. Помимо собственно израильских и японских исследователей, за пределами России эта тема иногда возникает лишь в американских аналитических работах. Основной формат таких работ – аналитические статьи, посвященные либо более широкому кругу двусторонних отношений [Cohen 2005; Но 2018], либо непосредственно различным аспектам кооперации в экономической сфере [Ikeuchi, Afterman 2022; Grossberg 2014]. На этом фоне выделяется соответствующая теме глава в коллективной монографии, посвященной широкому кругу вопросов взаимодействия Японии со странами Ближнего Востока [Brummer 2023, p.162–206]. В силу специфики своей востоковедной специальности авторы данной работы менее знакомы с дискурсом по данной тематике на японском языке. Однако на основе небольшого анализа информации в сети Интернет можно сделать определенные выводы. Так, тема двусторонних экономических отношений интересует как японских экономических журналистов, так и деловые и финансовые структуры Страны восходящего солнца. Одним из наиболее фундаментальных материалов из этой категории можно считать специальный отчет, выпущенный японским подразделением международной компании PricewaterhouseCoopers в 2021 г.¹ При этом, все же, возникает ощущение, что

¹ 令和2年度内外一体の経済成長戦略構築にかかる国際経済調査事業（イスラエルと我が国及び主要第三国との経済関係に関する現状調査）報告書2021年3月[Проект международных экономических исследований для построения комплексной стратегии экономического роста в 2020 финансовом году

именно двусторонним отношениям в Японии уделяется меньше внимания, чем в Израиле. Определенный интерес вызывает у японских экспертов вопрос развития израильской экономики. Есть и достаточно существенные аналитические работы, например большая статья Симидзу [Shimizu 2017, p.42–53].

Таким образом данная статья – это первая в российском востоковедении работа, посвященная японо-израильским отношениям. Мы ставили себе задачу не только проследить динамику формирования и развития системы двусторонних связей как в общественно-политическом, так и в экономическом аспектах, но и выявить причины столь непростой истории взаимодействия двух стран. Также в работе показаны возможные перспективы развития японо-израильских отношений.

Поставленные задачи определили структуру статьи. Она состоит из трех частей. Первая – посвящена рассмотрению исторических предпосылок сотрудничества двух стран. Во второй части работы мы рассматриваем динамику развития политических отношений между Японией и Израилем с самого их возникновения и до момента написания статьи. Третья часть исследования посвящена экономическим аспектам сотрудничества. В ней показана качественная трансформация японо-израильских отношений в этой сфере.

Исторические предпосылки сотрудничества

Интерес Токио к еврейству, на базе которого в дальнейшем выстроился современный диалог, обнаруживается существенно раньше момента установления дипломатических отношений. В 1918 г. Японская империя приняла участие в иностранной военной интервенции в Сибирь и на Дальний Восток, где с подачи представителей «Белого движения» ознакомилась с т.н. Протоколами сионистских мудрецов. В итоге к первой половине 1920-х гг. появилось несколько переводов на японский язык и вольных пересказов данного текста, воспринятого, судя по всему, вполне серьезно [Kovaloi 2009, p. 21–23]. На основании почерпнутых из него представлений о еврействе сформировалась группа т.н. еврейских экспертов в составе полковника Императорской армии Ясуэ Норихиро и капитана Императорского флота Инудзука Корэсигэ, поддержанных «маньчжурской фракцией» военных, отстаивавших необходимость удержания власти в оккупированной Японией Маньчжурии и продолжения экспансии в Китае. Результатом стал План Фугу, предлагавший переселение евреев из нацистской Германии в Маньчжоу-Го [Tokayer, 2004, p. 51]. Авторы идеи рассчитывали на содействие США как на уровне власти, обещая Вашингтону создать буфер для сдерживания СССР, так и американского еврейства, убеждая его представителей поддержать проект финансами. При этом расчет на успех был сделан на основе опыта сотрудничества с американским банкиром еврейского происхождения Дж. Шиффом, в начале XX в. уже выделившим Японии военный кредит, предоставление которого зачастую объясняется в том числе его желанием ослабить Российскую империю в условиях антиеврейских погромов [Gutwein 2007, p. 125]. Название плана, происходящее от опасной рыбы, приписывают Инудзука Корэсигэ, в то время как разработчиком всей концепции нередко называют предпринимателя и создателя концерна Nissan Аюкава Ёсисукэ [Sugihara 2001, p. 30].

Таким образом, фактически Япония не впитала антисемитских настроений, ориентируясь не на преследование общины, а на ее использование в сложившейся на тот момент международной ситуации в собственных геополитических и экономических интересах. При этом власти Японской империи отказывались депортировать еврейское население, а также не

(Исследование текущего состояния экономических отношений между Израилем, Японией и основными третьими странами)]. PricewaterhouseCoopers, March 2021. https://www.meti.go.jp/meti_lib/report/2019FY/000308.pdf (дата обращения: 31.12.2023).

поддержали иных мер притеснения, в том числе экономических, несмотря на то что во Второй мировой войне страна была на стороне нацистской Германии. Более того, дипломат японского представительства в Каунасе Сугихара Тиунэ вопреки запретам собственного правительства выдавал бежавшим от преследования польским евреям выездные документы [Levine 1996, p. 153], за что в 1984 г. ему было присвоено звание Праведника народов мира².

Разумеется, в полной мере наличие антисемитских настроений в Японии в период Второй мировой войны отрицать нельзя. Они существовали как среди общественности, ранее получившей широкий доступ к «Протоколам сионистских мудрецов», так и в политических кругах. Однако в последнем случае подобные взгляды становились, скорее, результатом симпатии отдельно взятых чиновников к руководству Третьего рейха, нежели следствием антипатии к евреям. Формирование более негативного восприятия Японии в контексте Катастрофы европейского еврейства произошло в 1990-е гг. и было связано с изменением подхода Китая к изучению Холокоста. Если ранее в КНР придерживались прежде всего советского нарратива, состоящего в рассмотрении преступлений нацистов без существенного акцента на национальной принадлежности их жертв, то к концу XX в. там начали продвигать собственную историческую политику [Shijie 2023]. Ее основой был избран сравнительный метод, главным элементом которого оказались аналогии между массовыми убийствами евреев нацистами и Нанкинской резней 1937 г. во время Второй японо-китайской войны [Shijie 2023]. Это привело к сближению представлений о жестокости действий и шовинизме в идеологии японских милитаристов и нацистов, однако, на Израиль подобные взгляды практически не распространились, будучи ориентированными преимущественно на внутреннюю китайскую и частично на западную аудиторию. Более того, ближневосточному государству, отстаивающему тезис об особом статусе Катастрофы европейского еврейства, как кажется, не близко полное уравнивание нацистских лагерей смерти и японских лагерей для военнопленных.

Кроме того, параллельно с предложениями переселения евреев в Маньчжурию Японская империя одобрила создание еврейского национального очага в Палестине – ишува. Официальный представитель Токио в Великобритании Тинда Сутэми в 1919 г. выразил поддержку Декларации Бальфура в письме Хаиму Вейцману [Cohen 2005]. В апреле 1920 г. японская делегация посетила конференцию по вопросу раздела Османской империи в Сан-Ремо, согласившись с идеей британского мандата [Cohen 2005]. В значительной степени подобная активность вновь стала следствием экспансионистской политики Японской империи в Китае. Стремясь расширить свое присутствие, прежде всего в Шанхае, Токио вступил в контакт с местной сионистской организацией, а ее глава Исраэль Коэн в декабре 1920 г. впервые посетил Японию [Cohen 2005]. В дальнейшем отношения поддерживались преимущественно через японское консульство в городе, откуда во внешнеполитическое ведомство направлялись рекомендации способствовать продвижению в Лиге Наций инициатив, касающихся формирования «еврейского национального дома» в Палестине [Cohen, 2005].

Японо-израильский политический диалог

Дипломатические отношения между государствами были установлены 15 мая 1952 г., чему предшествовало возвращение Японии на международную арену после подписания в сентябре 1951 г. Сан-Францисского мирного договора, официально положившего конец ее участию во Второй мировой войне. Израильская дипломатическая миссия в Токио начала работу сразу после признания еврейской государственности, в то время как японские интересы

² Righteous Among the Nations Honored by Yad Vashem by 1 January 2022. Yad va-Shem. <https://www.yadvashem.org/yv/pdf-drupal/japan.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).

в Тель-Авиве до 1955 г. представлял посол-нерезидент с постоянным пребыванием в Турции³. В 1963 г. ранг представительств был повышен до посольств.

Первоначальный японский интерес к Израилю был следствием реализации Доктрины Ёсида, продвигающей установление и развитие прочных отношений с США [Edström 2016, p. 44]. Однако оставшаяся между Вашингтоном и Токио напряженность в сочетании с переориентацией японской энергетики с угля на нефть и, как следствие, ее поставщиков с Ближнего Востока, затормозили прогресс в японо-израильском сближении [Cohen 2005]. Кроме того, изначально в Израиле рассчитывали, что контакты упростят факт невовлеченности Японии как американского союзника в т.н. движение неприсоединения [Ханин 2020]. Однако в апреле 1955 г. японская делегация приняла участие в Бандунгской конференции, имевшей кардинально противоположное значение для двух рассматриваемых государств. Для Токио данное мероприятие стало возможностью сближения с соседями по региону, в то время как Иерусалиму в присутствии было отказано, в результате чего он оказался вынужден создавать собственные механизмы сотрудничества с Азией, Африкой и Ближним Востоком.

В результате, до середины 1990-х гг. двусторонние отношения Израиля и Японии отличались низкой интенсивностью, будучи сосредоточенными преимущественно вокруг витков напряженности на Ближнем Востоке. До 1967 г., несмотря на 80%-ю зависимость от ближневосточных экспортеров, японские власти придерживались курса на нейтралитет в арабо-израильском конфликте, а по итогам Шестидневной войны осудили израильские территориальные завоевания, хотя реакция Токио не была воспринята арабскими партнерами как «достаточно убедительная» [Cohen 2005]. Пиком напряженности оказались 1972–1973 гг., продемонстрировавшие не только растущую опору на энергетический фактор в выстраивании внешних связей, но и проблему терроризма.

30 мая 1972 г. трое террористов во главе с Окамото Кодзо из леворадикальной организации «Красная армия Японии» устроили атаку в аэропорту Лода, жертвами которой стали 26 человек, в том числе граждан иностранных государств. Дополнительную напряженность ситуации придавало то, что действовала группировка во взаимодействии с запрещенным в Израиле Народным фронтом освобождения Палестины (НФОП) [Gallagher 2003, p. 24]. Тогда конфликт удалось сгладить, поскольку японская сторона принесла извинения и выступила с инициативой выплатить компенсации жертвам трагедии. Подобная реакция Токио на инцидент вызвала неодобрение арабских стран, в результате после начала Войны Судного дня в октябре 1973 г. они настаивали на разрыве японо-израильских отношений, а Саудовская Аравия даже выдвинула соответствующий ультиматум [Cohen 2005]. За день до его истечения удалось прийти к компромиссу: Токио выделил дополнительную финансовую поддержку Египту, Сирии и Ираку, а также пообещал «пересмотреть подход» к Израилю в случае, если он не выполнит резолюцию 242 Совета Безопасности ООН [Cohen 2005]. Несмотря на то, что в дальнейшем контакты с Израилем полностью остановлены не были, японские официальные лица старались избегать общения с политиками из ближневосточной страны и прежде всего визитов туда [Murata 1990, p. 6].

Свидетельства потепления в японо-израильских отношениях начинают появляться в середине 1980-х гг., символом чего считается поездка тогдашнего министра иностранных дел Израиля Ицхака Шамира в Токио в сентябре 1985 г. [Ikeda 2005, p. 151]. Толчком к политическому сближению послужили два фактора. Во-первых, израильское предпринимательское сообщество, пострадавшее от внутреннего экономического кризиса, сопровождавшегося отрицательным сальдо платежного баланса, стало задумываться о выходе на азиатские рынки, воспринимая Японию как плацдарм проникновения в соседние

³ Japan-Israel Relations. Ministry of Foreign Affairs of Japan. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/israel/data.html> (дата обращения: 12.12.2023).

государства, прежде всего Китай, установление дипломатических отношений с которым на тот момент подготавливалось. Во-вторых, в Японии на указанном этапе было сформировано произраильское политическое лобби, ставшее противвесом проарабскому. В него вошли председатель Парламентской группы дружбы Израиля и Японии Касуга Ико и член Палаты представителей, брат будущего главы внешнеполитического ведомства Накаяма Масааки [Cohen 2005]. Благодаря их усилиям стала возможной организация визита в Токио в сентябре 1986 г. делегации депутатов Кнессета под руководством Аббы Эвена [Cohen 2005]. При этом свою роль сыграло не только позитивное восприятие указанными японскими политиками Израиля, но и их принадлежность к оппозиционной Японской социалистической партии. Последняя, потерпев поражение на выборах от Либерально-демократической партии, создавшей парламентскую группу дружбы «Япония – ООП», судя по всему, хотела взять реванш, продемонстрировав отличный от правительственного курс на Ближнем Востоке. Кроме того, положительную роль в восприятии региональной политики Израиля сыграла реакция руководства на войну в Персидском заливе, сопровождавшуюся обстрелами израильской территории, но не вылившуюся в масштабное противостояние с активной ролью ЦАХАЛ [Cohen 2005].

В 1990-е гг. японские власти поставили задачу повышения степени вовлеченности в работу ООН. К тому моменту страна уже состояла в наиболее значимых специализированных учреждениях, таких как ВОЗ, МАГАТЭ, ФАО, ЮНЕСКО, успела избраться в качестве непостоянного члена в Совет Безопасности и Комиссию по правам человека, а также выделить большие объемы финансирования в БАПОР и ЮНИСЕФ. Одной из ниш, прежде остававшихся без внимания Токио, оказалось участие в миротворческих миссиях. В 1992 г. был принят закон о сотрудничестве с силами ООН по поддержанию мира, на основании которого Силы самообороны Японии в 1996 г. присоединились к миссии ООН по наблюдению за разъединением войск Израиля и Сирии в районе Голанских высот [Song 1996, p. 62]. Вплоть до 2012 г. японское руководство продлевало мандат на их присутствие.

Таким образом, к началу нового тысячелетия сторонам удалось расширить сферы политико-дипломатического сотрудничества. Однако в 2005 г. произошел инцидент, угрожавший новым периодом охлаждения контактов. В сентябре 2005 г. японское рыболовецкое судно потерпело крушение у побережья острова Хоккайдо, в результате которого семь членов экипажа погибли⁴. Ситуацию усугубило то, что случившееся стало следствием столкновения с другим кораблем, в то время как на месте трагедии виновник обнаружен не был, равно как никто не сообщил о происшествии, что могло бы спасти жизни моряков. Результаты расследования японской стороны показали, что вторым участником аварии оказалось израильское грузовое судно *Zim Asia*, следовавшее в Южную Корею. Первоначально собственник отрицал свою причастность, что усилило напряженность, а японское правительство обратилось по дипломатическим каналам к израильским партнерам, чтобы привлечь их к изучению обстоятельств трагедии. В итоге судоходная компания *Zim Shipping* все же признала свою вину и выплатила семьям погибших компенсацию, а ее директор Дорон Годер принес официальные извинения⁵.

Сгладить обстановку помогло то, что позиция, подвергшаяся осуждению с японской стороны, исходила от компании, а не от израильских властей, которые подключили к разрешению проблемы министерства иностранных дел и транспорта. Кроме того, критика в адрес *Zim Shipping* прозвучала и в Кнессете. Депутат от партии «Шинуй» Эхуд Рассаби, председатель

⁴ Goldstein T. *Zim: Captain was asleep during accident*. Yedioth Aharonoth. April 10, 2005. <https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3151020,00.html> (дата обращения: 12.12.2023).

⁵ Blau U. *Zim Offers Apologies, Compensation for Japanese Boat Crash*. Haaretz. October 6, 2005. <https://www.haaretz.com/2005-10-06/ty-article/zim-offers-apologies-compensation-for-japanese-boat-crash/0000017f-f656-d044-adff-f7fe2780000> (дата обращения: 12.12.2023).

парламентского общества дружбы Израиль-Япония, обвинил Zim Shipping в нанесении ущерба крепнувшим межгосударственным отношениям, а также израильской репутации, поскольку поведение транспортной компании представило ближневосточное государство в глазах Токио «убегающим от ответственности»⁶.

Расцвет японо-израильских отношений приходится на 2010-е гг. и связан с именем премьер-министра Абэ Синдзо, которого часто называют архитектором двустороннего сотрудничества⁷. В политике он продолжал придерживаться классической опоры на экономические и энергетические интересы своей страны, однако существенно трансформировал восприятие Ближнего Востока, чему способствовала «арабская весна». Данный этап региональной истории убедил главу японского правительства в нестабильности и ненадежности арабских режимов, в то время как Израиль, наоборот, создавал впечатление устойчивого демократического государства [Kowner 2023]. Кроме того, с подачи США Япония не только присоединилась к антииранским санкциям ООН, но и ввела собственные в сентябре 2010 г., ссылаясь на опасность ядерной программы ИРИ⁸. Данное обстоятельство встретило поддержку в Израиле, который, в свою очередь, начал включать в повестку переговоров с Токио риски, связанные с Северной Кореей.

Еще одной особенностью курса Абэ Синдзо стал учет аспектов исторической политики Израиля и позитивного опыта взаимодействия Японии с евреями в годы Второй мировой войны. Так, помощь, оказанную израильской медицинской службой при ликвидации последствий крупного землетрясения 2011 г. в регионе Тохоку, политик сравнил с усилиями Сугихара Тиунэ по спасению польских евреев. В марте 2014 г. Абэ Синдзо, находясь на саммите G7 в Нидерландах, посетил музей Анны Франк, тем самым отреагировав на произошедший за месяц до этого антисемитский инцидент в японских библиотеках, где было испорчено порядка 300 книг о Холокосте⁹. При подготовке к Олимпийским играм в Токио, которые планировались к проведению в 2020 г., но из-за пандемии COVID-19 оказались перенесены на 2021 г., было принято решение включить в официальную программу церемонию памяти израильских атлетов, погибших в ходе атаки палестинской террористической группировки «Черный сентябрь» на Играх 1972 г. в Мюнхене.

За годы пребывания на посту главы правительства Абэ Синдзо посетил Израиль дважды – в 2015 и 2018 г. Во время визитов он работал над наращиванием экономических отношений, призывая представителей японского предпринимательского сообщества и инвестиционных кругов обратить более пристальное внимание на «страну стартапов»¹⁰. В политическом плане он отдавал предпочтение региональной повестке, продвигая важность Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе и палестино-израильского урегулирования на базе инициатив, предлагаемых США. При этом политик не избегал критики израильской поселенческой активности [Жидкова 2018], а японская дипломатия в ООН на том же этапе одобрила повышение статуса ПНА в рамках организации и высказалась в поддержку резолюции, призывающей отменить решение

⁶ Georlette I. MK: Zim harmed Israel-Japan relations. Yedioth Aharonoth. May 10, 2005. <https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3151307,00.html> (дата обращения: 12.12.2023).

⁷ Sokol S. Shinzo Abe, 'Architect of Israel-Japan Relations,' Was a True Friend, Israeli Envoy Says. Haaretz. July 10, 2022. <https://www.haaretz.com/israel-news/2022-07-10/ty-article/.premium/shinzo-abe-architect-of-israel-japan-relations-was-a-true-friend-israeli-envoy-says/00000181-e7b6-d9a3-a3e1-e7be997c0000> (дата обращения: 12.12.2023).

⁸ Japan imposes additional sanctions on Iran. Reuters. September 3, 2010. <https://www.reuters.com/article/japan-iran-idINTOE68107720100903/> (дата обращения: 12.12.2023).

⁹ Adelman D. Shinzo Abe Boosted Japan's Ties to Jews, Israel. AJC. September 21, 2020. <https://www.ajc.org/news/shinzo-abe-boosted-japans-ties-to-jews-israel> (дата обращения: 12.12.2023).

¹⁰ Adelman D. Shinzo Abe Boosted Japan's Ties to Jews, Israel. AJC. September 21, 2020. <https://www.ajc.org/news/shinzo-abe-boosted-japans-ties-to-jews-israel> (дата обращения: 12.12.2023).

о признании Иерусалима израильской столицей, принятое президентом США Дональдом Трампом¹¹.

В Израиле контактам с Японией много внимания уделял во время своих предшествующих каденций действующий глава правительства Биньямин Нетаньяху, причем интерес к этой стране он четко обозначил еще до представления в 2017 г. стратегии расширения присутствия в Азии, в рамках которой Токио был назван одним из приоритетов¹². В 2014 г. израильский премьер-министр совершил визит в Японию, где провел переговоры со своим коллегой Абэ Синдзо и встречу с императором Акихито. Вероятно, ввиду несогласия по ряду острых региональных тем, израильский политик принял решение сосредоточиться на обсуждении расширения экономического сотрудничества и взаимодействия в области науки и безопасности. В 2019 г. должен был состояться еще один визит, отмененный на фоне обострения внутривосточных противоречий в ближневосточном государстве.

Вице-спикер Кнессета Хилик Бар, наоборот, учел интерес Токио к мирному процессу, в 2016 г. выбрав японскую столицу одним из мест презентации своего проекта мирного урегулирования на базе принципа «двух государств для двух народов», включавшего возможность проживания евреев в будущем палестинском государстве [Якимова 2016]. В 2019 г. другой оппозиционный политик – Яир Лapid провел переговоры с министрами иностранных дел и обороны Японии Коно Таро и Ивая Такэси, сосредоточившись на иранской ядерной проблеме, а также перспективах наращивания контактов в области безопасности и высоких технологий¹³. Таким образом, важность сотрудничества с азиатским государством для себя обозначила и израильская политическая оппозиция сначала в лице партии «Сионистский лагерь», членом которой являлся Хилик Бар, а затем «Еш Атид» под руководством Яира Лапида. Данное обстоятельство подчеркнуло значимость сотрудничества и надежду на сохранение преемственности вне зависимости от изменения составов правительств.

Преемник Абэ Синдзо – Суга Ёсихидэ за время своей непродолжительной каденции не проявил высокой заинтересованности в контактах с Израилем, а его последователь Кисида Фумио продемонстрировал планы укрепить присутствие страны на Ближнем Востоке. Это наиболее четко проявилось в условиях операции ЦАХАЛ «Железные мечи» в секторе Газа, последовавшей за беспрецедентным нападением палестинской группировки ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. Премьер-министр Японии провел переговоры с региональными лидерами, включая президента Израиля Ицхака Герцога, а министр иностранных дел Камикава Ёко посетила регион и лично встретила с главами МИД Израиля и ПНА [Sela, 2023]. Кроме того, японская сторона наложила индивидуальные санкции на 9 физических и 1 юридическое лицо за участие в финансировании ХАМАС, одновременно оказав сектору Газа значительную гуманитарную помощь [Жидкова 2023]. Подобный курс можно считать следствием двух обстоятельств, среди которых координация позиций с США в рамках G7 и сохраняющаяся зависимость от поставок ближневосточных энергоресурсов, конкуренция за которые возросла на фоне диверсификации источников получения нефти и газа в ЕС.

Таким образом, политические отношения Израиля и Японии в значительной степени являются производными от внешнеэкономических интересов двух стран, а также их

¹¹ UN Jerusalem resolution: How each country voted. Al Jazeera. December 21, 2017. <https://www.aljazeera.com/news/2017/12/21/un-jerusalem-resolution-how-each-country-voted> (дата обращения: 12.12.2023).

¹² Netanyahu in Singapore: Israel Is Pivoting Towards Asia. Haaretz. February 21, 2017. <https://www.haaretz.com/israel-news/2017-02-21/ty-article/netanyahu-addresses-synagogue-in-singapore/0000017f-e7a3-d62c-a1ff-fffb10f40000> (дата обращения: 12.12.2023).

¹³ Ahren R. Weeks after PM nixed Japan trip, Lapid meets top Tokyo ministers. Times of Israel. August 19, 2019. <https://www.timesofisrael.com/weeks-after-pm-nixed-japan-trip-lapid-meets-top-tokyo-ministers/> (дата обращения: 12.12.2023).

приоритетов на международной арене – прежде всего ориентации на США как на глобального партнера. При этом устойчивости этим контактам придает то, что несмотря на позицию Японии во Второй мировой войне, они лишены препятствий исторического характера.

Экономическое измерение

Когда заходит речь об израильско-японском сотрудничестве в различных аспектах, имеющих отношение к экономике, то, казалось бы, логичным отметить существенную зависимость Страны восходящего солнца от импорта энергоносителей из мусульманских стран Ближнего Востока, которая долгое время не давала двум странам реализовать свой потенциал в обсуждаемой сфере. Представляется, что ситуация в реальности выглядит несколько сложнее. Мы полагаем, что динамику двустороннего взаимодействия в области экономики можно разделить на три этапа.

Этап 1. Для сотрудничества нет оснований. 1952–1988

Если даже представить, что Япония не зависела бы от геополитической ситуации на Ближнем Востоке в отношении выстраивания своих экономических отношений с Государством Израиль, то вряд ли есть основания полагать, что в первые тридцать пять лет с момента установления дипломатических отношений между двумя странами у них было много причин активно развивать сотрудничество в этой сфере.

Япония достаточно быстро оправилась от поражения во Второй мировой войне. В период 1955–1973 гг. страна развивалась стремительными темпами (существенно выше среднемировых), в результате чего стала одной из наиболее индустриально-развитых держав мира. Валовый национальный продукт (ВНП) Японии за тот период вырос в 6,5 раз, а объем промышленного производства – более чем в 10 [Дроздов 2022]. Феномен ускоренного экономического роста Японии в этот период принято называть японским экономическим чудом. Чтобы подстегнуть экономическое восстановление и рост, Япония реструктурировала свою систему энергогенерации таким образом, чтобы заместить уголь нефтью и, затем, природным газом. Импорт этих энергоносителей стал частью национальной стратегии развития.

Нефтяной кризис 1973 г., вызванный нефтяным эмбарго ОПЕК против стран, которые, по ее мнению, поддерживали Израиль во время войны Судного дня (включая Японию), и второй нефтяной шок 1979 г., начавшийся после революции в Иране и продленный ирано-иракской войной (1980–1988 гг.), существенно повлияли на японских политиков и представителей деловой среды [Brummer, Oren 2023, p.177]. Потрясенная степенью уязвимости, в которой она оказалась из-за зависимости от ближневосточной нефти, с середины 1970-х гг. Япония начала масштабную реорганизацию своей экономической структуры. Ее основу по-прежнему составляли отрасли тяжелой промышленности, но одновременно ускоренное развитие получил третичный сектор (включая финансы, страхование, торговлю и коммуникации). Как отмечают Браммер и Орен [Brummer, Oren 2023, p.172], именно во второй половине 1970-х гг. Япония начала претворять в жизнь национальный проект интенсификации национальной экономики, поощряя внедрение на своей территории импортированных инновационных технологий и развивая собственную инфраструктуру исследований и разработок (НИОКР).

Развитие израильской экономики, как показывает Федорченко [Федорченко 1998, с. 17, 19], в то время происходило преимущественно экстенсивным путем за счет привлечения дополнительных ресурсов труда и материальных факторов производства. В материальном производстве в 1950-е гг. преобладала обрабатывающая (пищевая, металлообработка, огранка алмазов) и добывающая промышленность, сельское хозяйство и услуги удовлетворяли невысокий внутренний спрос, опережающими темпами развивалось банковское дело.

Следующие двадцать лет, характеризовавшиеся стремительным ростом, стали во многом определяющими для формирования израильской национальной экономики. В эти годы в основном завершилась индустриализация экономики, сложилась ее отраслевая структура, началась интеграция Израиля в систему мирохозяйственных связей, заметно сократилось его экономическое отставание от индустриально развитых стран. Среднегодовые темпы прироста национального ВВП составили в период 1954–1966 гг. 10,6%, а после случившегося в 1966–1967 гг. кратковременного спада и до середины 1970-х – в среднем 11,9% в год. Рост в Израиле отражал формирование и развитие системы индустриальных производительных сил, находившихся на существенно более низком, чем в развитых странах того времени, стартовом уровне. Промышленная стратегия включила в себя три направления: развитие национального производства сырья (минеральные ресурсы Мертвого моря и продукция сельского хозяйства – цитрусовые, хлопок); создание импортозамещающих отраслей обрабатывающей индустрии, опирающихся на использование местной квалифицированной рабочей силы, собственных и импортных материалов (отдельные подотрасли химии и машиностроения); углубление специализации на традиционном трудоемком, использующем зарубежное сырье производстве (алмазогранильные отрасли и пошив меховых изделий).

Нефтяной шок и война 1973 г. послужили катализатором перехода к новому этапу экономического развития, подготовленному всем предшествовавшим периодом ускоренного роста. По своей протяженности он занял примерно 16 лет – с 1973 г. по 1989 г. Начавшаяся в 1974 г. рецессия перешла в длительную стагфляцию [Федорченко 1998, с.24], завершившуюся гиперинфляцией середины 1980-х гг. (порядка 435% в годовом исчислении в пиковый момент). Завершение индустриализации совпало с усилением роли процессов, имеющих отношение к ускорению научно-технического прогресса. Потребовалась существенная реструктуризация всей экономики, что и начало происходить во второй половине 1980-х гг. в рамках всеобъемлющей программы экономических реформ, кардинально изменивших национальный экономический ландшафт. Страна не только пошла по пути либерализации всех аспектов своего хозяйства, но и задумалась о том, что именно наукоемкие отрасли промышленности должны определять ее развитие в дальнейшем.

Таким образом, на данном этапе у обеих стран общей была только заинтересованность в импорте энергоносителей. Израилю было необходимо, по сути, создавать свою экономику практически с нуля, формировать структуру национального хозяйства.

В Японии в то время происходила масштабная перестройка промышленности и других отраслей, результатом которой стало формирование высокотехнологичной структуры народного хозяйства с низкой энерго- и материалоемкостью. Но она по-прежнему нуждалась в импорте энергоресурсов. Ни высоких технологий, ни энергоресурсов Израиль дать Японии не мог. А импортировать из Японии дорогую, хоть и нужную, для страны продукцию в первые десятилетия своего развития Израиль позволить себе не мог.

В дальнейшем ситуация несколько изменилась. В конце периода, когда израильская экономика принципиально завершила свою индустриализацию и в общем шагнула в постиндустриальное измерение, а Япония продолжила курс на интенсификацию своего хозяйства, усиливая его научно-техническую составляющую, стала появляться некоторая база для взаимовыгодной кооперации. Символом подобных изменений может служить состоявшийся в Токио и Осаке в 1988 г. семинар по израильской экономике с участием представителей делового мира этой страны, организованный министерством иностранных дел Японии в сотрудничестве с Федерацией экономических организаций.

Однако к концу первого этапа экономическая синергия, с помощью которой обе страны могли углубить торговые и инвестиционные связи, была слабой, а те, которые существовали, ограничивались по своему охвату «алмазами за автомобили». Так, Мицубиси к концу данного периода составила конкуренцию Субару, став второй автомобильной компанией из Японии

на израильском рынке. Отметим, что, хотя к концу 1980-х гг. и наблюдался определенный рост двусторонней торговли, она лишь частично шла напрямую, тогда как часть израильского экспорта в Японию направлялась через Гонконг, а японского экспорта в Израиль – через страны континентальной Европы и Кипр.

Этап 2. Алмазы за автомобили. 1989–2010.

После того, как японский «экономический пузырь» лопнул (фондовый рынок в 1990 г. и рынок недвижимости в 1991 г.), ее экономика вступила в длительный период рецессии, сопровождавшийся низкими темпами роста как реального, так и номинального ВВП, а также промышленного производства¹⁴. С конца 1990-х и до 2007 г. рост чистого национального дохода (ЧНД) был практически нулевым. Японская экономика оказалась в ловушке низкой инфляции и дефляции. С середины 1990-х гг. среднегодовые темпы прироста потребительского спроса составляли порядка 0,8%.

Хотя показатели роста, особенно экспорта, в 2002–2007 гг. улучшились, это, скорее всего, было результатом общего роста мировой экономики; структурные препятствия, включая дефляцию, сокращающуюся численность рабочей силы и высокий дефицит бюджета, сохранялись на протяжении всего периода. Конкурентоспособность экспорта страны была подорвана относительно высоким курсом японской иены с конца 1990-х гг. до начала 2012 г. Глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. оказал негативное влияние на японскую экономику, которая в 2009 г. сократилась на 5% – наиболее значительный спад со времен Второй мировой войны¹⁵.

Впоследствии правительство Японии приняло различные меры для обеспечения роста, включая: продвижение информационных технологий (как считается, ведущее к повышению производительности); дерегулирование и устранение различных структурных препятствий на рынках товаров, услуг и капитала; стимулирование венчурных предприятий; совершенствование национальной инновационной системы.

Во второй половине 1980-х гг., благодаря повышению открытости израильской экономики, ее частичной демилитаризации, финансовой стабилизации и сдвигам в структурной политике удалось переломить долговременную тенденцию к торможению интенсификации. В направлении интенсификации изменялись как общеэкономические, воспроизводственные пропорции, так и отраслевые и территориальные структуры.

Нельзя не отметить и позитивное влияние в некотором смысле экзогенных для страны факторов на развитие национальной экономики в 1990-х гг., а именно: начала мирного процесса на Ближнем Востоке, приведшего к отмене вторичного бойкота арабскими странами еврейского государства; демонтажа социалистического лагеря, что, помимо прочего открыло для Израиля новые внешние рынки; приезда в Израиль сотен тысяч евреев из стран бывшего СССР, многие из которых не только обладали высоким уровнем образования, но и зачастую уникальным опытом работы в передовых научно-технических предприятиях Советского Союза.

Существенно, что в итоге Израиль смог произвести кардинальную трансформацию своего сектора высоких технологий. Это позволило стране занять важное место на глобальном рынке инноваций. Важнейшими итогами указанного периода для Израиля являются: де-факто успешная конверсия, позволившая использовать технологические наработки ВПК страны для создания гражданских технологий; создание эффективной системы коммерциализации технологий; либерализация экономики в целом и сектора высоких технологий в частности. Этот период стал временем взлета израильского предпринимательства в сфере высоких

¹⁴ Материал по Японии написан с использованием информации из: [Akram, 2019, p. 403–410].

¹⁵ Экономика Японии сократилась рекордно со времен войны. Коммерсантъ, 15.02.2010. <https://www.kommersant.ru/doc/1726664> (дата обращения: 07.05.2024).

технологий. Кризисы начала XXI в. (глобальный кризис рынка высоких технологий и второе общепалестинское восстание против Израиля) показали устойчивость израильской экономики, особенно ее инновационной составляющей. В 2010 г. Израиль стал тридцать третьим членом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), что говорит о мировом признании высокого уровня экономического развития этой страны.

Итак, отмена арабскими странами вторичного бойкота Израиля привела в эту страну крупных японских автопроизводителей: Toyota, Nissan, Honda, Mazda и других¹⁶. Импорт автомобилей негативно сказался на позиции Израиля в двустороннем балансе торговли, показав, что не успехи израильтян в продвижении собственного бизнеса делали баланс торговли выгодным для Израиля в течение стольких лет (см. рис. 1), а скорее опасения японских компаний торговать с Израилем из-за арабского бойкота.

Подписание соглашений об избежании двойного налогообложения (1993 г.), о научно-техническом сотрудничестве (1994 г.), о сотрудничестве в области страхования за рубежом (1997 г.), о воздушном сообщении (1998 г.) и о защите инвестиций поставило торговые отношения на новую основу. Однако японцев по-прежнему сдерживал высокий риск инвестиций на Ближнем Востоке. Лишь 1% общей суммы их инвестиций за пределами своей страны приходился в тот период на страны региона.

С конца 1990-х гг., однако, наблюдались позитивные изменения, связанные с динамикой трансформации экономик обеих стран. Так, японцы начали инвестировать в израильские венчурные фонды, японские предприятия стали подавать заявки на участие в тендерах по инфраструктурным проектам в Израиле и осуществляли инвестиции в высокотехнологичные проекты на территории этой страны, например, в завод по выращиванию водорослей в Эйлате и другие предприятия.

Японский рынок весьма специфичен, поэтому прорыв на безбрежный, но высококонкурентный и защищенный многочисленными нетарифными барьерами рынок этой страны является значительным достижением израильских экспортеров и государственных структур, способствующих продвижению отечественной продукции за рубежом. Одной из основных задач израильтян на протяжении всего периода являлось повышение доли высокотехнологичной продукции в своем экспорте (в середине 1990-х гг. около 70% стоимости поставок в Японию составляли бриллианты с относительно низкой добавленной стоимостью) [Федорченко 1998, с.300].

В целом, политическое измерение отношений пострадало от вспышки палестинской интифады, в то время как экономическое измерение было поражено экономической ситуацией, сложившейся как в Японии, так и в Израиле в тот период, а также финансовой ситуацией во всем мире. Двусторонний товарооборот, который достиг 2 млрд долл. США во время пузыря высоких технологий, упал примерно до 1,5 млрд в 2003 г. Японские группы перестали посещать Израиль из-за рекомендаций их Министерства иностранных дел. Инвестиции японских компаний в израильские венчурные фонды также сократились. Это было связано во многом с потерями в венчурных фондах по всему миру и в Израиле после лопнувшего пузыря высоких технологий.

Тем не менее, экономические отношения не прекратились, и даже были заключены новые высокотехнологичные сделки. Израильские туристы продолжали посещать Японию, а израильские бизнесмены продолжали пытаться закрепиться на японском рынке. Согласно данным посольства Израиля в Токио, около шестнадцати израильских компаний активно присутствовали в Японии, организовав свои представительства в стране в 2000–2004 гг., и четыре из них даже приобрели японские компании, управляя ими с помощью японских менеджеров

¹⁶ При написании этой части работы, если не указано другое, использованы материалы: [Cohen, 2005, p. 135–155].

и сотрудников. В 2004 г. японо-израильская торговля начала возвращаться к прежнему уровню, а японские инвестиции в израильские венчурные фонды снова начали расти.

Япония проявила интерес к израильским разработкам в области биотехнологий, медицинских инструментов, электрооптики, агротехнологий, информатики, телекоммуникаций, Интернета и защиты информации, внутренней безопасности, противоракетной обороны, космических наук и технологий и т.д. Японцы стали все больше осознавать, что экономики обеих стран являются взаимодополняющими в том смысле, что достижения в этих областях в Израиле могут легко интегрироваться с производственными, маркетинговыми и финансовыми возможностями японских компаний и помочь им диверсифицировать свою продукцию. Отметим также, что японские высокотехнологичные компании, почти не имевшие в то время связей с арабским миром, имели обширные связи с предприятиями в США, где работали те же израильские компании, которые действуют в Японии. Подобное положение вещей усиливало стремление к двусторонней японо-израильской кооперации.

Этап 3. Осознание комплиментарности двух экономик. 2011–2023¹⁷

Япония является третьей по величине экономикой мира¹⁸. Помимо крупных традиционных отраслей, таких как автомобилестроение и производство электроники, в Японии в настоящее время сосредоточено производство высокотехнологичной и прецизионной продукции, например, робототехники и оптических приборов.

Чтобы оживить японскую экономику и сделать ее более конкурентоспособной на мировой арене, в 2012 г. премьер-министр Абэ Синдзо инициировал ряд экономических реформ, известных как «Абэномика», состоящих из трех основных направлений: количественное смягчение, фискальное стимулирование и структурные реформы.

Хотя Япония является одной из самых технологически развитых стран мира, в последние годы она отстает в области инноваций и теряет свое технологическое преимущество перед такими странами, как США, Южная Корея и Китай. Многие критики утверждают, что главной причиной отсутствия инноваций является жесткая иерархическая структура японских корпораций и культурная неприязнь к риску, которые подавляют инновации и отбивают желание заниматься предпринимательством.

Ко времени подготовки данной публикации Израиль прочно занял место ведущего (наряду с США) мирового инкубатора новых технологий. В этой сфере страна аккумулирует значительные средства иностранных инвесторов. Многонациональные компании (МНК) активно приобретают израильские технологические команды, а также стремятся открыть в стране свои центры научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), в частности, это сделали к началу 2023 г. восемнадцать японских компаний¹⁹. Этим во многом определяется современное место Израиля в системе мирохозяйственных связей. Значение Израиля в качестве создателя и поставщика инновационных (в ряде случаев – ключевых) технологий как в виде готовой продукции, так и в виде промежуточных элементов в цепочке создания добавленной стоимости МНК для функционирования современной мировой экономики существенно более велико, чем доля его национального хозяйства в ней.

В центре израильской инновационной экономики стоят малые технологические команды – стартапы, доля которых по отношению к населению страны самая высокая в мире.

¹⁷ Данный период в развитии двусторонних экономических связей еще продолжается. Год поставлен для обозначения времени написания этой работы.

¹⁸ При написании этой части работы использованы материалы: [Brummer, Oren, 2023, p. 188–189; Но, 2018].

¹⁹ Данные по японским центрам НИОКР в Израиле по: Corporate Innovation Outposts In Israel. 2023 Report. Version 1.0. Mind The Bridge. April 2023. <https://research.mindthebridge.com/report/2023-outposts-corporate-israel> (дата обращения: 30.12.2023).

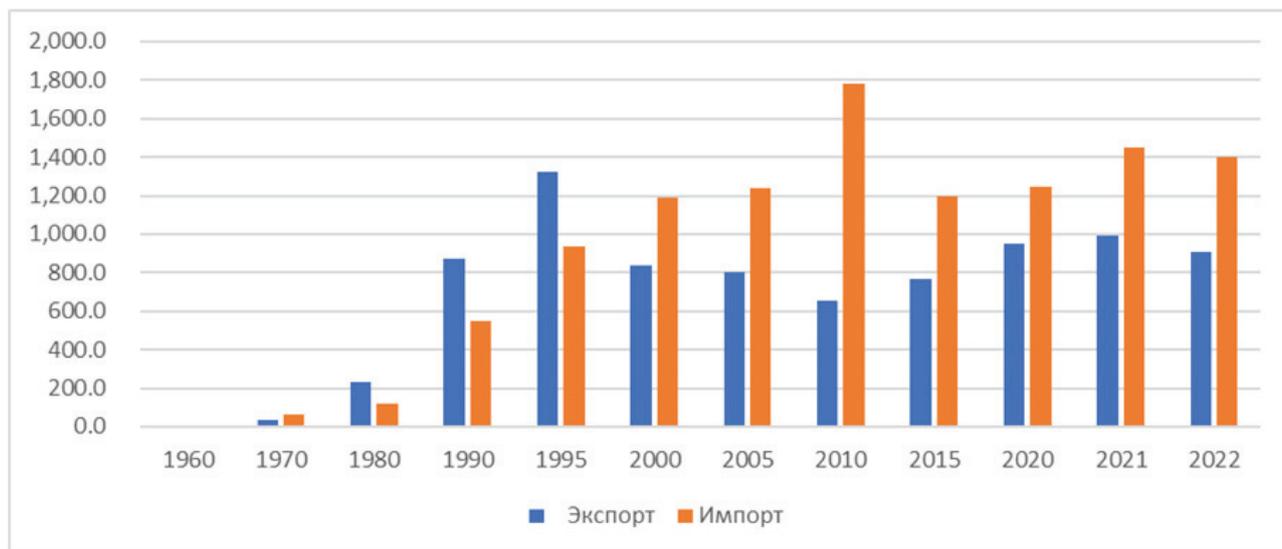

Рис. 1. Объемы торговли Израиля с Японией (млн долл. США)

Рассчитано по: CBS. SAI 1996–2023, Tables 8.5, 16.5, 13.5. Jerusalem, 1996–2023.

<https://www.cbs.gov.il/he/Pages/search/yearly.aspx> (дата обращения: 30.12.2023)

Для дальнейшего улучшения своей инновационной экосистемы и ее связи с мировой в 2016 г. на базе Офиса главного ученого министерства экономики было создано Управление инноваций Израиля, которое отвечает за формулирование целей политики инноваций и реализацию всех аспектов их государственной поддержки. Более того, основными экспортными товарами страны стали высокотехнологичное оборудование, включая авиационное, коммуникационное, оборудование для проектирования и производства с помощью компьютеров, медицинскую электронику, оптоволокно и, в последнее время, фармацевтическую продукцию. Чтобы компенсировать значительный торговый дефицит (Израиль импортирует сырую нефть, военное оборудование, алмазы, зерновые и сырье), он опирается на существенный приток иностранных инвестиций, а также на высокотехнологичные услуги (доля которых в экспорте постоянно растет), туризм и другие экспортные услуги.

Как следует из рис. 1, в течение первых двух десятилетий XXI в. объем двусторонней японо-израильской торговли оставался относительно стабильным. Вместе с тем следует отметить качественное изменение ее структуры, особенно с точки зрения израильского экспорта в Страну восходящего солнца, что видно из рис. 2. Другими словами, поставленная в 1990-е гг. цель изменить структуру двусторонней торговли израильянами выполнена.

Таким образом, Япония и Израиль имеют совершенно разные экономические структуры. Первая обладает огромной и зрелой экономикой, где доминируют крупные корпоративные структуры, вторая – относительно небольшой инновационной экономикой, рост которой во многом зависит от многочисленных стартапов. Кроме того, существует значительная разница в корпоративной культуре обеих стран. Японские корпорации известны во всем мире своей жесткой иерархической структурой и скрупулезным вниманием к деталям (принцип непрерывного совершенства и стремление к достижению нулевого уровня дефектов в производстве), в то время как израильяне не любят вертикальные иерархии и ставят инновации выше деталей [Но 2018]. В Израиле люди более охотно идут на риск, если он может способствовать инновациям. Израильяне готовы принять 0,005%-ю погрешность в программном решении, если оно в целом работает хорошо. Японцам пришлось постепенно ослабить жесткость своих стандартов, поскольку в цифровой индустрии лидеры признают, что постоянное внедрение инноваций и совершенствование продукта несут в себе возможность кратковременного несовершенства [Grossberg 2014].

Рис. 2. Структура двусторонней торговли по итогам 2021 г.

Рассчитано по: Observatory of Economic Complexity Data.

<https://oec.world/en/profile/bilateral-country/isr/partner/jpn#exports-country-1>

(дата обращения: 30.12.2023)

Хотя может показаться, что две страны с такими контрастными культурами не могут эффективно сотрудничать, на самом деле эти различия позволяют Японии и Израилю дополнить друг друга и смягчить структурные слабости друг друга [Но 2018]. Именно здесь Израиль может потенциально дополнить и сыграть свою роль в экономике Японии. В отличие от японской культуры, которая ценит структуру, принятие решений на основе консенсуса и тщательность, израильская культура более эгалитарна, более индивидуалистична и меньше боится риска. В результате израильтяне гораздо охотнее осваивают новые технологии и занимаются творческим предпринимательством.

Инвестируя в и сотрудничая с израильскими высокотехнологичными компаниями и стартапами, японские компании смогут получить доступ к израильским технологиям. По этому пути уже пошли такие японские крупные компании как Panasonic, NEC и Ricoh. Японские автомобильные гиганты Toyota, Nissan и Honda также начали инвестировать и сотрудничать с израильскими стартапами для улучшения своих автомобильных технологий. Японские инвестиции в израильские стартапы будут чрезвычайно полезны для японской экономики не только потому, что она получит доступ к технологиям, которых у нее не было бы иначе, но и потому, что многие из этих технологий потенциально будут иметь решающее значение для усилий японского правительства по формированию обеспечивающей устойчивый экономический рост за счет инноваций системы [Grossberg 2014].

Так, перспективной областью двустороннего сотрудничества является здравоохранение. Япония, испытывая проблему быстрого старения населения, ищет способы расширить доступ людей к медицинскому обслуживанию, особенно в сельских районах, где концентрируются пожилые люди. Японская стратегия «Общество 5.0», в частности, призвана содействовать решению данной проблемы при помощи инноваций. Израильские компании, разработавшие ряд заметных на глобальном уровне медицинских технологий, могут сыграть большую роль в соответствующих усилиях Японии помимо продажи своей продукции.

Другая область, в которой израильские технологии помогут Японии перейти к инновационной экономике, – это финансовые технологии (fintech). Будучи одним из крупнейших и важнейших финансовых рынков в мире, Япония не является лидером в области финтех, отставая от большинства других развитых экономик и даже Китая и Индии. Более того, значительная часть транзакций в Японии по-прежнему осуществляется наличными

средствами, что делает ее одним из наиболее зависимых от наличных денег обществ среди экономически развитых стран. В связи с высокими транзакционными издержками, связанными с оплатой наличными, японское правительство в рамках стратегии «Общество 5.0» продвигает безналичные платежи и переводы денег на основе технологии блокчейн [Grossberg 2014].

Являясь одной из лидирующих в развитии финтеха стран мира, Израиль активно стремится к сотрудничеству с японскими финансовыми компаниями. Для ускорения внедрения финтех-технологий в Японии и перехода к безналичному обществу правительство начало дерегулировать финансовый сектор, чтобы инновационные технологии могли быть интегрированы в отрасль, а финтех-компании могли выйти на японский рынок. Япония имеет значительный потенциал роста в области финансовых технологий. Для израильских компаний в этой сфере выход на соответствующий рынок одной из наиболее экономически развитых стран мира может оказаться очень привлекательным. Израильские же технологии могут быть интересны японцам, так как позволят ускорить темпы роста в этом сегменте национальной экономики.

В то время как японская экономика может значительно выиграть от израильских инноваций и технологий, израильские компании также могут получить прибыль от инвестирования в японский рынок и сотрудничества со своими японскими партнерами. Хотя Израиль обладает значительным инновационным потенциалом, ему не хватает масштаба и рынка для расширения. Япония, с населением и ВВП в 14 раз больше, чем у Израиля, представляет собой огромный потенциальный рынок, который Израиль еще не освоил. Высокотехнологичная экосистема Израиля нуждается в значительных финансовых вливаниях.

Нельзя не отметить позитивный тренд в этом направлении. Представляется, что знаковым событием в сфере японских инвестиций в израильские инновации стало приобретение в 2014 г. японским интернет-гигантом Rakuten израильской компании видеосвязи и чата Viber за 900 млн долл. США²⁰. Принципиально важным индикатором роста заинтересованности японского делового сообщества в израильских инновациях можно считать приход в 2021 г. в страну крупнейшего фонда венчурного капитала Softbank²¹. В целом, в тот год японские инвестиции в израильские инновации составили 12% от общего объема иностранных инвестиций такого рода, и, хотя по итогам 2022 г. их объем как в абсолютном, так и в относительном выражении сократился²², а итоги 2023 г. вряд ли зафиксируют более высокие показатели, следует отметить, что это достаточно высокий уровень, который, правда, еще далек от оптимального.

Кроме того, Израилю как небольшой стране, в значительной степени изолированной от ряда привлекательных рынков даже с учетом произошедшей в 2020 г. нормализации отношений с рядом арабских стран Ближнего Востока (ОАЭ, Бахрейном, Марокко, Суданом), необходимо строить стратегические альянсы с игроками, имеющими к ним доступ, а также обладающими ресурсами для проведения долгосрочных стратегических кампаний в этих странах. В Японии существует достаточное количество таких компаний, и таким образом она может стать новым каналом для проникновения Израиля в растущий азиатский регион. Вообще, как показывают Икэути и Афтерман, вполне оправданно, чтобы именно Япония стала стратегическим союзником Израиля в развитии минилатерального регионального партнерства в области инноваций [Ikeuchi, Afterman 2022]. Показательным в этом плане

²⁰ См. об этом, в частности: Kim C-R. Japan's Rakuten buys chat app Viber for \$900 million to expand digital empire. Reuters, February 14, 2014. <https://www.reuters.com/article/idUSBREA1D07M/> (дата обращения: 31.12.2023).

²¹ Gilead A. Exclusive: SoftBank taps ex-Mossad chief to head Israel office. Globes, July 09, 2021. URL: <https://en.globes.co.il/en/article-exclusive-ex-mossad-chief-yossi-cohen-to-head-softbanks-israel-office-1001377596> (дата обращения: 31.12.2023).

²² Orbach M. Japanese investments in Israel fall by almost 50% in 2022. CalacalisTech, February 09, 2023. <https://www.calacalitech.com/ctechnews/article/bkidulfpi> (дата обращения: 31.12.2023).

является проведение в 2022 г. Трехстороннего инновационного форума между Израилем, Японией и ОАЭ²³. Представляется, что это только начало сотрудничества в подобном формате, у которого значительный потенциал, так как он соответствует устремлениям обеих стран, а возможное подписание Соглашения об экономическом партнерстве (вариант Соглашения о свободной торговле), над которым работают специалисты Израиля и Японии²⁴, станет одним из краеугольных камней будущей системы двусторонней кооперации.

Заключение

Таким образом, анализ исторических факторов сотрудничества Японии и Израиля, прежде всего отношения еще Японской империи к еврейству показывает, что в период, предшествовавший установлению дипломатических отношений, не возникло обстоятельств, способных существенно воспрепятствовать их современному двустороннему и многостороннему взаимодействию. Кроме того, в дальнейшем опора на позитивный опыт прошлого стала одной из основ политики премьер-министра Абэ Синдзо, под руководством которого удалось многого добиться в процессе наращивания контактов Токио и Иерусалима.

Определяющую роль в политико-дипломатической сфере для государств сыграли экономические соображения и зависимость от внешних поставок энергоресурсов, требующие от японских властей проводить взвешенный курс в связи с ситуацией на Ближнем Востоке. С течением времени значимость данной задачи возросла в связи с усилиями Токио повысить свой статус на международной арене, прежде всего в ООН и ее специализированных учреждениях.

Вместе с тем в области экономического сотрудничества внутренние кризисы и разница экономических моделей Японии и Израиля на протяжении довольно долгого времени не давали государствам вывести данный компонент кооперации на новый уровень. Однако сформированные к настоящему моменту самобытные национальные экономики и обладающие рядом специфических особенностей культуры предпринимательства Японии и Израиля в текущих реалиях открывают для двух государств широкие возможности для совместной работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дроздов В.В. Японское «экономическое чудо». *Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал*. 19.12.2022. <https://bigenc.ru/c/iaponskoe-ekonomicheskoe-chudo-10737c/?v=5821751> (дата обращения: 07.05.2024).
- Жидкова Л.Ю. Актуальные вопросы отношений Израиля и Японии в свете визита Синдзо Абэ в Иерусалим. *Институт Ближнего Востока*. 04.05.2018. <http://www.iimes.ru/?p=44030> (дата обращения: 12.12.2023).
- Жидкова Л.Ю. О позиции ряда азиатских государств в отношении операции ЦАХАЛа «Железные мечи» в секторе Газы. *Институт Ближнего Востока*. 03.12.2023. http://www.iimes.ru/?p=104116&_login=c27aab56de (дата обращения: 12.12.2023).
- Федорченко А.В. Экономика переселенческого общества. ИИИиБВ, Москва, 1998 г.

²³ См. об этом, в частности: UAE-Japan-Israel Innovation Forum highlights future innovative collaborations. Arab News Japan, January 20, 2022. https://www.arabnews.jp/en/middle-east/article_63894/ (дата обращения: 03.12.2023).

²⁴ См. об этом, в частности: Israel and Japan explore potential free trade agreement. Jerusalem Post, September 4, 2023. https://www.jpost.com/business-and-innovation/all-news/article-757508#google_vignette (дата обращения: 03.12.2023).

- Ханин З. Израиль и Япония: горизонты партнерства. *Институт Ближнего Востока*. 19.01.2020. <http://www.iimes.ru/?p=65992> (дата обращения: 12.12.2023).
- Якимова Е.А. О перспективах взаимодействия в треугольнике Израиль-Индия-Япония. *Институт Ближнего Востока*. 08.12.2016. <http://www.iimes.ru/?p=31197> (дата обращения: 12.12.2023).

REFERENCES

- Drozhdov, V.V. (2022, December 19). Yaponskoe “ekonomicheskoe chudo” [Japanese “Economic Miracle”]. *Bolshaya Rossiyskaya enciklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Retrieved May 7, 2024, from <https://bigenc.ru/c/iaponskoe-ekonomicheskoe-chudo-10737c/?v=5821751> (In Russian).
- Fedorchenko, A.V. (1998). *Ekonomika pereselencheskogo obshestva* [Economy of the Settlers’ Society]. Moscow: Institute of Israel and Middle East Studies. (In Russian).
- Hanin, Z. (2020, January 19). Izrail' i Yaponiya: gorizonty partnerstva [Israel and Japan: Horizons of Partnership]. Institut Blizhnego Vostoka. Retrieved December 12, 2023, from <http://www.iimes.ru/?p=65992> (In Russian).
- Yakimova, E.A. (2016, December 8). O perspektivakh vzaimodeistviya v treugol'nike Izrail'-Indiya-Yaponiya [On the Prospects of Interaction in the Israel-India-Japan Triangle]. Institut Blizhnego Vostoka. Retrieved December 12, 2023, from <http://www.iimes.ru/?p=31197> (In Russian).
- Zhidkova, L.Yu. (2018, May 4). Aktual'nye voprosy otnoshenii Izrailya i Yaponii v svete vizita Sindzo Abe v Ierusalim [Current Issues of Relations Between Israel and Japan in the Light of Shinzō Abe's Visit to Jerusalem]. Institut Blizhnego Vostoka. Retrieved December 12, 2023, from <http://www.iimes.ru/?p=44030> (In Russian).
- Zhidkova, L.Yu. (2023, December 3). O pozitsii ryada aziatskikh gosudarstv v otnoshenii operatsii TsAKhALa «Zheleznye mechi» v sektore Gazy [On the Position of Some Asian States Regarding the IDF Operation “Iron Swords” in the Gaza Strip]. Institut Blizhnego Vostoka. Retrieved December 12, 2023, from http://www.iimes.ru/?p=104116&_login=c27aab56de (In Russian).

* * *

- Akram, T. (2019). The Japanese Economy: Stagnation, Recovery and Challenges. *Journal of Economic Issues*, 53 (2), 403–410. DOI: 10.1080/00213624.2019.1594523
- Brummer, M., Oren, E. (2023). Beyond Power, Before Interdependence: Complex Synergy and Japan–Israel Relations. In Nakamura S., Wright S. (Eds.), *Japan and the Middle East. Foreign Policies and Interdependence* (pp. 163–206). Singapore: Palgrave Macmillan.
- Cohen, Y. (2005, March 1). Japanese-Israeli Relations, The United States, And Oil. *Jewish Political Studies Review*, 17 (1-2), Jerusalem Center for Public Affairs. Retrieved December 12, 2023, from <https://jcpa.org/article/japanese-israeli-relations-the-united-states-and-oil/>
- Edström, B. (2016). *Japan's Evolving Foreign Policy Doctrine from Yoshida to Miyazawa*. Basingstoke: Palgrave.
- Gallagher, A. (2003). *The Japanese Red Army*. New York: Rosen Publishing Group.
- Grossberg, K.A. (2014, September 4). *Delivering Innovation to the “Zero-Defects” Culture: Japanese Conservatism Meets Israeli Risk-Taking*. Middle East Institute. Retrieved December 31, 2023, from <https://www.mei.edu/publications/delivering-innovation-zero-defects-culture-japanese-conservatism-meets-israeli-risk>
- Gutwein, D. (2007). Realpolitik Or Jewish Solidarity? Jacob Schiff’s Financial Support for Japan Revisited. In *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904-5*. (Vol. 1, pp. 123–138). DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9781905246038.i-516.56>
- Ho, S. (2018, December 25). Israeli-Japanese Friendship: A Potential Yet to Be Realized. *Jerusalem Viewpoints*, 621. Jerusalem Center for Public Affairs. Retrieved December 30, 2023, from <https://jcpa.org/article/israeli-japanese-friendship-a-potential-yet-to-be-realized/>

- Ikeda, A. (2005). Japan's relations with Israel. In *Japan and the Contemporary Middle East* (pp. 145–158). Taylor & Francis.
- Ikeuchi, S., Afterman, G. (2022, March 14). LeAchar 70 Shana Higia HaEt LeShutfut Estrategit Yapan-Israel [After 70 Years, The Time of Japan-Israel Partnership Has Come] // *Arena, Reichman University Journal*. Retrieved November 29, 2023, from <https://www.arenajournal.org.il/single-post/ikeuchi-afterman-japan-israel-relations> (In Hebrew).
- Kovaloi, J. (2009). *The Russian Protocols of Zion in Japan. Yudayaka/Jewish Peril Propaganda and Debates in the 1920s*. New York: Peter Lang.
- Kowner, R. (2023, May 21). Insight 292: Emerging Israel-Japan Relations Since the 2010s. *Middle East Institute, National University of Singapore*. Retrieved December 12, 2023, from <https://mei.nus.edu.sg/publication/emerging-israel-japan-relations-since-the-2010s/>
- Levine, H. (1996). *In Search of Sugihara: The Elusive Japanese Diplomat Who Risked His Life to Rescue 10,000 Jews from the Holocaust*. New York: Free Press.
- Murata, R. (1990). Keynote Address. In *Japan and the Middle East*. Washington: Middle East Institute.
- Sela, O. (2023, November 9). India, Japan, and Swords of Iron: Asia's Strategic Importance. *Institute for National Security Studies*. Retrieved December 12, 2023, from <https://www.inss.org.il/publication/india-japan/>
- Shijie, X. (2023, June 6). Insight 297: The Role of Holocaust Studies in Shaping China's Views of Israel. *Middle East Institute, National University of Singapore*. Retrieved December 12, 2023, from <https://mei.nus.edu.sg/publication/the-role-of-holocaust-studies-in-shaping-chinas-views-of-israel/>
- Shimizu, M. (2017). The Israeli Economy: Globalisation and High-Tech Industry. *IDE Middle East Review*, 4, 2016–2017, 42–53. Retrieved from https://www.jstage.jst.go.jp/article/mercv/4/0/4_Vol.4_42/_html/-char/ja
- Song, Young-sun. (1996). Japanese Peacekeeping Operations: Yesterday, Today and Tomorrow. *Asian Perspective*, 20 (1), 51–69.
- Sugihara, S. (2001). *Chiune Sugihara and Japan's Foreign Ministry, Between Incompetence and Culpability*. Lanham: United Press of America.
- Tokayer, M., Swartz, M. (2004). *The Fugu Plan. The Untold Story of the Japanese and the Jews During World War II*. Jerusalem, New York: Gefen Publishing House.

Поступила в редакцию: 30.01.2024

Received: 30 January 2024

Принята к публикации: 02.07.2024

Accepted: 02 July 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-50-64

Гастрономия vs гастро-аномия? Продовольственное пространство Японии

А.В. Малов, С.В. Чугров

Аннотация. Статья посвящена сравнительно новому для российского академического сообщества понятию «продовольственного пространства». В теоретико-методологической части работы проводится реферативная деконструкция терминологической единицы, идентифицируются ее эпистемологические основы и определяются понятийные грани. Впервые в мировой науке, концепция «продовольственного пространства», сопоставляется с родственными по смыслу семантическими комплексами, контурно согласующимися с идеей «кулинарного треугольника» К. Леви-Стросса. При помощи метода научной визуализации и компаративного анализа была сконструирована модель таксономической иерархии «продовольственного пространства», символизирующего собой симбиотическую связь природы и культуры, регистрирующуюся при помощи инновационной авторской классификации – на глобальном, национальном и локальном уровнях. Практическая часть статьи, в свою очередь, посвящена изучению процесса трансформации продовольственного пространства Японии, характеризующегося балансированием между гастрономией и «гастро-аномией». Воспользовавшись методом *case study*, авторский дуэт доказывает, что в унисон с интенсивным ввозом заграничных пищевых товаров, подорвавшим продовольственную самодостаточность государства, энергично импортировались и паттерны евро-американской цивилизации, которые модифицировали модель социального поведения, пищевые привычки и вековые кулинарные устои японского общества. В качестве эмпирических фактов анализируются успешные маркетинговые стратегии крупных транснациональных корпораций, ориентированные на монетизацию культурно-бытовых обрядов, коммодификацию традиций и консьюмеризацию религиозных ритуалов. Вместе с тем, авторами раскрывается мощный протекционистский потенциал, традиционной для Страны восходящего солнца культуры питания – *васёку*. Устанавливается, что идейный модуль последней, пластично используется современным японским правительством, как для внутренней, так и для внешней политики государства. В частности, выступая институциональным фундаментом для профильного нормативно-правового акта (*сёкуику кихон-хо*), регламентирующего процедуру «ре-макдоналдизации» населения, факультативно представляется эффективным инструментом «мягкой гастрономической силы» и «гастродипломатии», создающим очаровательный образ Японии на международной политической арене. В заключительной части статьи, диагностируется диалектический характер процесса «каваизации» продовольственного пространства Японии, характеризующийся кокетливым шармом инфантильности с мерклым оттенком радикального эскапизма.

Ключевые слова: Япония, продовольственное пространство, продовольственная культура, продовольственный суверенитет, глобализация, мягкая кулинарная сила, *васёку*.

Авторы:

Малов Александр Вадимович, кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Факультета международных отношений, политологии и зарубежного

регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (адрес: 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6). ORCID: 0000-0002-6493-5150; E-mail: malov.pvo@gmail.com

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России (адрес: 119454, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 76). ORCID: 0000-0002-8307-7606; E-mail: new-polis@politstudies.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Малов А.В., Чугров С.В. Гастрономия vs. гастро-аномия? Продовольственное пространство Японии // Японские исследования. 2024. № 3. С. 50–64. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-50-64

Gastronomy vs gastro-anomie? Japan's foodscape

A.V. Malov, S.V. Chugrov

Abstract. The article focuses on the concept of foodscape, which is relatively new to the Russian academic community. In the theoretical and methodological part of the work, the authors deconstruct the term “foodscape,” identify the epistemological foundations and the conceptual roots of the concept. For the first time in world science, the concept of foodscape is compared with related semantic complexes in accordance with the theory of the “culinary triangle,” which was developed by C. Levi-Strauss. Using the method of scientific visualization and comparative analysis, a model of the taxonomic hierarchy of the foodscape is constructed, which symbolizes the symbiotic relationship between nature and culture, registered with the help of an innovative author's classification – at the global, national, and local levels. The practical part of the article is devoted to the study of the transformation process of the foodscape of Japan, characterized by balancing between gastronomy and gastro-anomie. It is proved that, along with the import of foreign food products, which undermined the food self-sufficiency of the state, the patterns of the Euro-American civilization were imported, which modified the model of social behavior, ingrained eating habits, and age-old culinary foundations of Japanese society. As empirical evidence, the authors present and analyze successful marketing strategies of multinational corporations that focus on monetization of cultural and household rituals, commodification of traditions, and consumerization of ancient religious rituals. In addition, the authors reveal the powerful protectionist potential of the *washoku* as traditional food culture of Japan. It has been found that the *washoku*'s ideological module was flexibly converted by the modern Japanese government, both for domestic and foreign policy of the state. Nowadays, *washoku* is the institutional foundation for a specialized legislative act regulating the procedure of Re-McDonaldization of the population. Along with this, *washoku* is also an effective tool of soft gastronomic power and gastrodiploamacy, creating a charming image of Japan in the eye of the beholder (the international political community). In conclusion, the authors diagnose the dialectical nature of the process of *Kawaii-fication* of Japan's foodscape, characterized by the charm of infantilism with a grain of salt – radical escapism and social maladjustment.

Keywords: Japan, foodscape, food culture, food sovereignty, globalization, culinary soft power, *washoku*.

Authors: Malov Alexander V., Cand. Sci. (Political Science), Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, the Faculty of International Relations and Foreign Area Studies, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities (address: Russia, 12504 Moscow, Miusskaya Sq., 6). ORCID: 0000-0002-6493-5150; E-mail: malov.pvo@gmail.com

Chugrov Sergei V., Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Sociology, Moscow State Institute of International Relations (University) (address: Russia, 119454 Moscow, Prospect Vernadskogo, 76). ORCID: 0000-0002-8307-7606; E-mail: new-polis@politstudies.ru

Conflict of interest. The authors declare the absence of the conflict of interest.

For citation: Malov, A.V., Chugrov, S.V. (2024). Gastronomiya vs gastro-anomiya? Prodovol'stvennoe prostranstvo Yaponii [Gastronomy vs gastro-anomie? Japan's foodscape]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 3, 50–64. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-50-64

Скажи мне, что ты ешь и я скажу тебе, кто ты
[Brillat-Savarin 1982, p. 17]

Вступление

Глобальная продовольственная система представляется сегодня энергичным агентом, стимулирующим пересечение человечеством «планетарных границ» – установленных пределов для биофизических процессов, комплексно поддерживающих жизнь на Земле [Kotzé 2020, p. 88; Northcott 2023, p. 1333]. Антропогенные угрозы «безопасному рабочему пространству», связанные с изменением климата, истощением озонового слоя Земли, закислением Мирового океана, утратой биоразнообразия, деградацией почв и исчезновением запасов пресной воды, сопровождаются социально-политическими проблемами, касающимися асимметричного распределения продовольственных ресурсов и ограниченного доступа к средствам сельскохозяйственного производства воды [Кравченко 2014; Кравченко 2017; Малов 2018, с. 128; Малов 2024, с. 90; Assmann 2017, p. 233; Farrer 2015, p. 1].

Выявившиеся диспропорции указывают на структурный характер глобальной агроэкологической проблемы, требуя поиска решений на основании анализа, проведенного с опорой на междисциплинарный синтез. Обозначенный подход выражается в использовании нового для российского академического сообщества аналитического инструмента – концепта «продовольственного пространства» (англ. *Foodscape*). Суть последнего заключается в переплетении корпуса продовольственных проблем [Mikkelsen 2011, p. 210], связанных с общественным здравоохранением [Earl 2017, p. 508], культурой потребительского поведения [Amore 2020, p. 639], социальной (не)справедливостью [Morgan 2010 p. 1852] и устойчивым развитием систем жизнеобеспечения [Blake 2018, p. 1047]. Следуя перечню рассматриваемых вопросов, находящихся на стыке естественных и гуманитарных дисциплин, концепцию «продовольственного пространства» можно охарактеризовать как «холистическую парадигму», способствующую взаимосвязанному пониманию природы и культуры [Ojeda-Linares 2021, p. 1; Vonthron 2020, p. 15].

В соответствии с избранным подходом, «продовольственное пространство» можно анализировать на трех уровнях (*рис. 1*): *макро* (различные акторы вне суверенитета: ТНК, общественные организации, институты глобального управления), *мезо* (государства-нации) и *микро* (человек) [Burgoine 2010, p. 522; Johnston 2009, p. 509]. Избрав объектом изучения продовольственное пространство современной Японии, авторское внимание, таким образом, будет сосредоточено на приоритетном исследовании мезоуровня.

Case study: Страна восходящего солнца

Японская продовольственная культура тяготеет к употреблению преимущественно сырых, натуральных или в самой минималистской степени обработанных продуктах питания, сохраняющих исконные вкус и текстуру. Как подчеркивают историки японской продовольственной культуры, в Японии издавна используется в сыром виде много морепродуктов с высоким содержанием бесценных омега-3 и омега-6 жирных кислот, а также

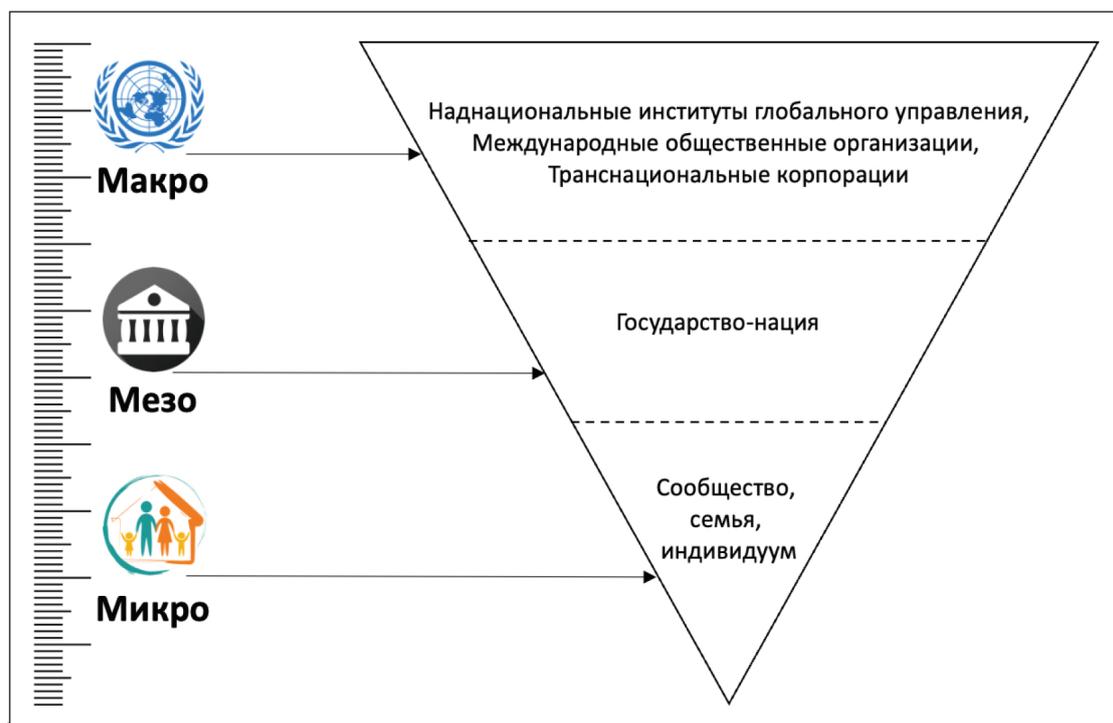

Рис. 1. Модель «продовольственного пространства»: уровни и участники
Составлено авторами

водорослей, что делает пищу сбалансированной, полезной и легкоусвояемой [Harada 2005; Ishige 1973; Ishige 2015]. С этической и исторической точек зрения, «уважение к природе определялось как сущностный дух *васёку* – уникального культурного наследия цивилизации» [Ueda 2023, p. 159].

Японская кулинарная традиция при аналогичном подходе достигает высокой степени своей изысканности через простоту, которая, качественно отличает её от своего ближнего оппонента в лице китайских гастрономических канонов. Китайская культура, в свою очередь, может похвастаться впечатляющим набором средств и ухищрений, нацеленных на изменение изначального вкуса ингредиентов до неузнаваемости с помощью выпаривания, копчения, возгонки, обжарки в кипящем жире (*вок*), считающихся не самыми полезными для здоровья методами приготовления еды. В то время как японская кухня достигает своей утонченности через процесс симплификации, китайская, приходит к этому результату благодаря сложным трансформациям.

Эта оппозиция продовольственных культур Китая и Японии хорошо объясняется концепцией «кулинарного треугольника» (фр. *le triangle culinaire*), разработанной К. Леви-Строссом (рис. 2). Посредством известной геометрической фигуры французский философ-структуралист определил два базовых способа трансформации любого продукта питания – естественный и искусственный [Lévi-Strauss 1965, p. 20]. В случае Японии объект (природа) подлжит потреблению человеком в пищу, преимущественно в естественном и неизменном виде или же меняет свое агрегатное состояние в органических условиях. В случае Китая, подвергаясь определенным манипуляциям со стороны человека (субъекта), природа (объект) конвертируется в культуру [Кравченко 2014, с. 15–17].

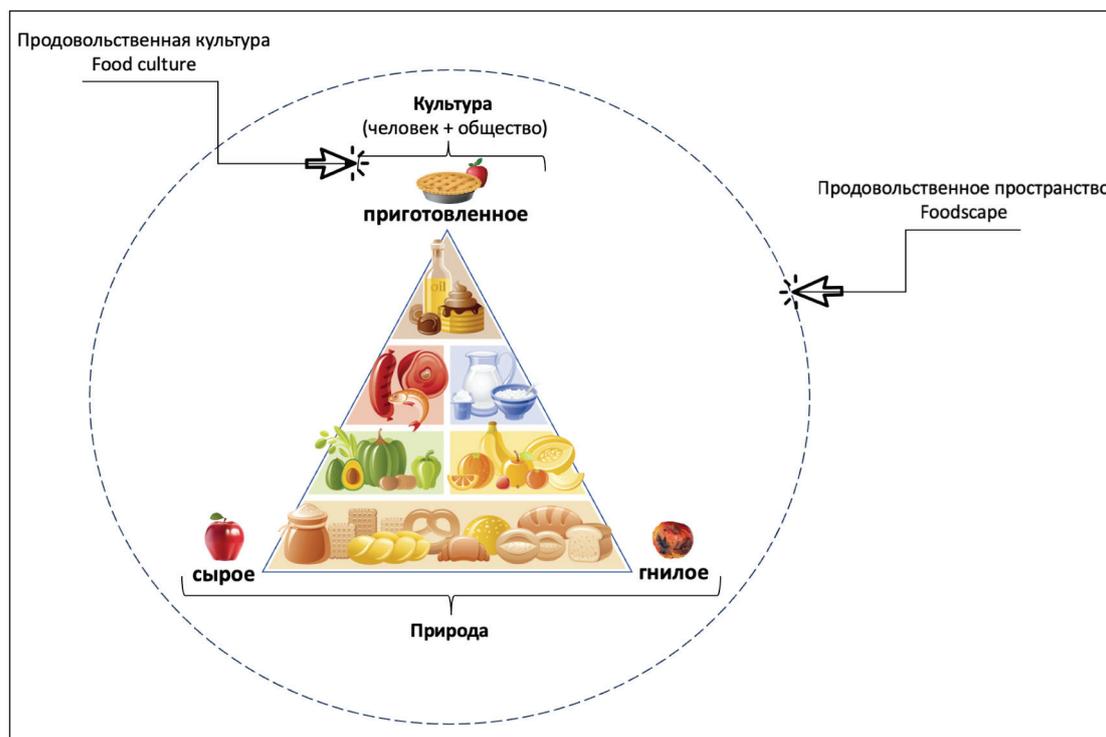

Рис. 2. Графическое соотнесение «гастрономического треугольника» К. Леви-Стросса с идеями «продовольственного пространства» и «продовольственной культуры».

Составлено авторами

Японское продовольственное пространство: современные вызовы и угрозы

Вопреки своему финансово-экономическому могуществу и технологическому превосходству, Страна восходящего солнца имеет существенные проблемы в сельскохозяйственном секторе. Так, нисходящими тенденциями минувших шести с лишним десятилетий (1960–2022 гг.) стали: уменьшение доли аграрного сектора в ВВП с 12,8 до 1%; падение уровня продовольственной самодостаточности с 73 до 37%; сокращение площади сельскохозяйственных угодий с 7,1 до 4,3 млн га; снижение доли сельского населения с 35 до 8,1% и числа занятых в аграрной сфере с 13,4 до 1,4 млн человек (70 % из которых находятся в возрастной группе от 65 лет и старше)¹, истощение ресурсов прибрежной полосы [Yamada 2016].

Тренды, заданные параметрами ушедшего в 1970-х гг. «послевоенного продовольственного режима» [Чугров, Малов 2019, с. 667] и поддерживаемые действующим с 1980-х гг. «корпоративного продовольственного режима» [Малов 2018, с. 136], спровоцировали и ряд социокультурных изменений. Так, под натиском глобализации и вестернизации усилились риски перехода от гастрономии к «гастро-аномии» [Fischler 1979, p. 206] – состоянию регулятивной дисфункции [Durkheim 1933, p. 368] общепринятых диетологических норм и пищевых таксономий, провоцирующей дезинтеграцию, дезориентацию и aberrантное продовольственное поведение у всех элементов социальной системы [Fischler 1979, p. 206].

¹ FAO. (2022). Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan. 2022. <https://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-69.pdf> (дата обращения: 11.07.2024); Statistical handbook of Japan. 2018, p. 54–55 <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2018all.pdf> (дата обращения: 11.07.2024); Statistical handbook of Japan. 2022. <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2022all.pdf> (дата обращения: 11.07.2024).

Методичное внедрение и популяризация заграничных моделей питания, основанных на высоком потреблении мяса, пшеницы и животных насыщенных жиров [Farina 2018, p. 157], в свою очередь, спровоцировали бессознательное стремление к кулинарному познанию и к переоценке гастрономических предпочтений [Iwabuchi 2002, p. 59]. Вследствие этого уже в 1970-х гг. американский десерт *чизкейк*, опередил по своей популярности традиционные японские сладости (*вагаси*), а такие кисломолочные продукты, как йогурт и сыр, стали преобладать над известным в стране рисовым пудингом (*мокко*) [Bîrlea 2020, p. 58].

Однако, стоит отметить, что «инъекция» иностранной продовольственной культуры шла под благозвучный аккомпанемент глокализации (синтеза местного и глобального [Robertson 2014, p. 3]), так как все, включая пищу и рецепты для ее приготовления, интегрировалось в «японский мир» посредством адаптации, ассимиляции и индигенизации/ояпонизирования [Richie 1985, p. 11; Frențiu 2015, p. 79]. Таким образом, восприятие товаров и паттернов потребительского поведения проходило с поправкой на самобытность, то есть в строгом соответствии с социокультурными параметрами японского общества, известного своим вниманием к деталям, неукоснительной сбалансированностью и стремлением совершенствоваться [Suman 2019, p. 134].

Место и роль глобальных торговых брендов в продовольственном пространстве Японии

Считается, что в Японии культивируется (то есть связано с культурой) чувство почитания природы, связанное с богатой аграрной и конфессиональной историей страны, сберегающей веру в *ками* – «божественных духов-предков, являющихся частью вселенной» [Moriuchi 2019, p. 2; Martinez 2005, p. 185]. Согласно обычаям, каждый прием пищи, воспринимаемый как акт экосистемной интериоризации человека, отождествляется с сенсорно-эстетическим путешествием, требующим к себе скрупулезной подготовки в лучших традициях *омотэнаси* – «искусства головокружительного гостеприимства» [Ashkenazi 2000, p. X]. Именно в Японии, издревле бытует присловье *мэ-дэ табэру* – «вкушай глазами [Ashkenazi 2000, p. 20]», соединяющее в себе краеугольные стороны продовольственного пространства страны – ритуал, миф и церемониал.

Отмеченные выше культурно-исторические особенности коммерциализированы такими транснациональными корпорациями, как: *McDonald's*, *Coca-Cola Company*, *PepsiCo*, *Nestle*, *Starbucks*, *KFC*, *Unilever*, *Nabisco*. Их деловая находчивость небезуспешно претворяет в жизнь стратегии монетизации легенд, коммодификации преданий и спекуляции на национальных традициях. Так, один из древних ритуалов, а ныне, любимый японцами обычай созерцания цветения сакуры (*ханами*), был инкорпорирован в маркетинговую платформу глобальных торговых брендов, для продвижения собственной пищевой продукции (рис. 3).

Маркетинговая программа по эксплуатации *ханами* была расширена путем психологических приемов. В качестве примера приведем коммерциализацию продаж шоколадного батончика *KitKat*, достигшего успеха благодаря находчивым рекламным кампаниям, построенным на фонетическом созвучии самого бренда с глаголом *кацу* (побеждать) и наречием *китто* (несомненно). Последующее употребление в пищу этого кондитерского изделия наделило *китто-кацу* как бы магической силой талисмана, приносящего удачу перед ответственным аттестационным мероприятием или спортивным состязанием [Bîrlea 2020, p. 65].

Другим примером маркетинговой конвертации культурного наследия выступает проект по консьюмеризации традиции *о-цукими* – традиции любования луной, разработанный

Рис. 3. Примеры маркетинговой ассимиляции японской национальной традиции *ханами* с глобальными продовольственными брендами.

Составлено авторами по: Matsumoto, S. *Spring Means Sakura Latte Season*. Just Japan Stuff. Feb. 18, 2017. <https://justjapanstuff.com/2017/02/18/spring-means-sakura-latte-season/> (дата обращения: 11.03.2024); McNaught, S. *Lipton to release Sakura Milk Tea for cherry blossom season*. Japan Today. Feb. 19, 2019. <https://japantoday.com/category/features/new-products/lipton-to-release-sakura-milk-tea-for-cherry-blossom-season> (дата обращения: 07.07.2024); Sanchez, R. *Coca-Cola Japan Welcomes The Cherry Blossoms With Limited-Edition Sakura Bottles*. DIELINE. Jan. 28, 2020. <https://thedieline.com/blog/2020/1/28/coca-cola-japan-welcomes-the-cherry-blossoms-with-limited-edition-sakura-bottles> (дата обращения: 11.07.2024); Denhart, L. *The Hanami Angle – How can your business fully “bloom” during Sakura season?* Tokyo-esque – Globally Aware & Curious. March 11, 2022. <https://tokyoesque.com/japan-hanami-season/> (дата обращения: 11.07.2024)

глобальным лидером в сфере быстрого питания – транснациональной компанией *McDonald's*. Согласно почти забытому космогоническому преданию, полнолуние, наступавшее в период осеннего равноденствия, благоволило аграрным труженикам собирать урожай, вопреки исчезновению дневного света. Обычно в этот день употребляют в пищу *данго* – «шарообразные рисовые лепешки, считающимися символом полнолуния» [Birlea 2020, p. 66].

Еще одним, более современным, пищевым продуктом, ассоциирующимся с празднованием *о-цукими*, стало куриное яйцо, имеющее родственные геометрические черты с естественным спутником Земли. Используя именно этот пищевой ингредиент в качестве кулинарного хита сезонного меню, специалисты *McDonald's* встроили его в тематическую рекламную кампанию (рис. 4), связанную с *цукими*.

Подтверждением успеха описанной маркетинговой манипуляции, основанной на синтезе традиции с глобальным продовольственным товаром, стало деформированное сознание у немалой части японской молодежи. Судя по общению одного из авторов с японскими студентами на протяжении трех семестров (2015, 2020 и 2022-2023, а также по публикациям экспертов, сети «быстрого питания» с нарастающим успехом продвигают свой товар не только

Рис. 4. Примеры маркетинговой ассимиляции японской национальной традиции *цукими* с глобальными продовольственными брендами.

Составлено авторами по: Entabe [Food and Restaurants News in Japan]. McDonald's *Tsukimi Burger*, *Cheese Tsukimi*, *Sukiyaki Tsukimi*, [Asahi Mac] *Tsukimi Muffin*, etc. Tsukimi Family Summary! Sep. 1, 2022. <https://entabe.com/50574/mcdonalds-releases-moon-viewing-menu-2022> (дата обращения: 11.07.2024).

в связи с ускоряющимся темпом жизни, но и в связи с тем, что изощренные методы рекламы психологически заставляют молодых японцев воспринимать «иностранный гамбургер», как аутентичный элемент национальной гастрономической традиции [Stalker 2018, p. 348].

Контрудар ортодоксальной продовольственной культуры

В качестве ответных мер на растущую активность глобальных продовольственных сетей, искажающих вековые кулинарные устои нации, члены гражданского общества и властные структуры стали проводить политику популяризации традиционной культуры питания – *васёку*. Это несколько больше, чем просто лексема: слияние в единый смысловой код иероглифов *ва* – «японский» и *сёку* – «еда, диета, прием пищи» [Cwiertka 2015, p. 158] закрепило за *васёку* статус социокультурной практики, пропитанной духом уважения к традициям и связанной с производством, переработкой, приготовлением и потреблением продуктов питания². Эта социальная практика и позволяла использовать гастрономию в качестве стратегического инструмента по продвижению «продовольственной гармонии» [Andoh 2005, p. 15] во внешней и внутренней политике государства [Assmann 2017, p. 113]. Так, в международной сфере практика *васёку* была преобразована в стратегию «кулинарной мягкой силы» [Farrer 2015, p. 10], подразумевавшей пропаганду привлекательного имиджа продовольственной культуры страны, посредством «гастродипломатии» [Farina 2018, p. 152].

² UNESCO. Washoku, traditional dietary cultures of the Japanese, notably for the celebration of New Year. 2013. <https://ich.unesco.org/en/RL/washoku-traditional-dietary-cultures-of-the-japanese-notably-for-the-celebration-of-%20new-year-00869> (дата обращения: 11.07.2024).

Внутри государства курс на продвижение *васёку*, ориентированный на укрепление продовольственной безопасности и достижение продовольственного суверенитета страны, в свою очередь, стимулировал спрос на местные продукты питания³, сокращая тем самым дистанцию между локальными производителями и отечественными потребителями пищи [Niiyama 2020]. Институциональным фундаментом, закрепляющим внутригосударственный приоритет *васёку* перед корпоративным лицом транснационального агробизнеса, выступил «Базовый закон о продовольственном просвещении» № 63 (*сёкуику кихон-хо*)⁴. Стратегической задачей нормативно-правового акта, принятого в июле 2005 г., стала «де-макдоналдизация» продовольственного пространства Японии, инструментально осуществляемая посредством реставрации сельских общин (ст. 7); преодоления метаболического разрыва между городом и деревней (ст. 6); усиления доверительных отношений между производителями и потребителями продуктов питания (ст. 7); протекции и развития ортодоксальных гастрономических традиций (ст. 24); развития чувства уважения к природе и содействия производству и потреблению органических продуктов (ст. 3); повышения уровня продовольственной самодостаточности (ст. 7); обеспечения безвредности продуктов питания (ст. 8)⁵. При этом специальный Совет по содействию продовольственному воспитанию при Кабинете разработал «Базовый план по продвижению *сёкуику*», обязавший профильные министерства сотрудничать между собой во благо процветания ортодоксальной продовольственной культуры и популяризации «японского образа жизни» [Takeda, p. 279; Takimoto, p. 10–12].

«Каваизация» продовольственного пространства Японии: достоинства и пороки

Для Японии как «сверхдержавы мягкой силы» [Tsutomu 2008, p. 137] и государства с высоким показателем «валовой национальной крутости» [McGray 2009] процесс продвижения национальных продуктов питания обрел специфический характер, сформированный под влиянием доминирующего в массовой культуре страны стиля привлекательности – *кавай*. Ошеломляющая популярность последнего, вопреки своей вековой истории, пришлась на вторую половину XX в. вместе с распространяющейся модой на такие элементы японской поп-культуры, как *анимэ*, *манга* и видеоигры [Occhi 2016, p. 66]. С тех пор прилагательное *кавай* стало социокультурным символом всего милого, очаровательного, непорочного, нежного, уязвимого и неопытного [Cheok 2012, p. 295].

Основываясь на бессознательном родительском чувстве заботы о беспомощном ребенке («бэби-схема»), подробно изученном К. Лоренцем [Nittono 2023, p. 1], потребительские товары и услуги неизменно прельщали потенциального покупателя шармом инфантильности и целомудренной деликатности [Kinsella 1995, p. 220].

³ Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. (2020). Summary of the Basic Plan for Food, Agriculture and Rural Areas. Tokyo: MAFF. 2020. https://www.maff.go.jp/e/policies/law_plan/attach/pdf/index-13.pdf (дата обращения: 11.07.2024).

⁴ Более подробное описание правительственных мер экстренного институционального реагирования на процессы агропродовольственного экспансионизма ТНК, см.: [Чугров, Малов 2019, с. 665–677].

⁵ 電子政府の総合窓口 / 食育基本法 // 平成十七年法律第六十三号. Дэнси сэйфу-но со:го: мадогути. Сёкуику кихон-хо: [E-government general window. Act No. 63, 2005, Food Elementary Law]. http://elaws.e-gov.go.jp/search/elawsSearch/elaws_search/lsg0500/detail?lawId=417AC1000000063&openerCode=1#C (дата обращения: 11.07.2024)

Рис. 5. Иллюстрации гастрономического оформления ланч-боксов в стиле *кяракута: бэнто*: Составлено авторами по: Bhatt, P. *Hello Kitty in Bento Box Form Is What We All Need Right Now*. July 8, 2022. <https://www.saveur.com/food/japan-decorative-bento-box/> (дата обращения: 11.07.2024)

Прогрессирующая «каваизация» не миновала и продовольственное пространство Японии, что отразилось в искусстве *кяракута: бэнто*: (яп. キャラクター弁当), или сокращенно *кярабэн* – «практике оформления блюд» [Yoshida 2020, p. 5; Occhi 2016, p. 63] в тематических шкатулках (ланч-боксах), наполняемых жанровыми кулинарными комбинациями в форме съедобных анимэ-персонажей и героев (*characters*) известных манга (*Хелло Китти, Пикачу, Наруто*). Неподражаемый стиль *кяракута: бэнто*, характеризующийся своей очаровательностью в духе *кавайи*, оказался востребован как у детей, так и у родителей, получивших эффективный способ привлечения своих чад к эстетическому имиджу здорового питания и воспитания у детей «вкуса изюминки жизни» [Yamada 2016, p. 15] (рис. 5).

Однако, фиксируя положительные стороны процесса «каваизации» продовольственного пространства Японии, следует упомянуть и о его побочном эффекте. Так, чрезмерная инфантилизации общества и гипертрофированная забота об отпрысках спровоцировали появление синдрома *хикикомори* [De Michele 2013, p. 354], проявляющемся в форме радикального эскапизма и социальной дезадаптации подростков, добровольно становящихся затворниками в домах своих родителей [Takeda 2016, p. 444]. Дефекты социализации и потеря коммуникативных навыков, в свою очередь, кристаллизовались в девиантную молодежную практику *бэндзё:-мэси* – изолированного «принятия пищи в общественных туалетных комнатах» [Tsutomu 2008, p. 4] (рис. 6).

Таким образом, современный подросток, поработанный страхом публичной демонстрации собственного одиночества (*тайдзин кё:фусё*: [Essau 2012, p. 635]) пестует в себе патологическое чувство социофобии. Последнее – в порочной гамме с аутистичностью, разобщенностью и осознанной отчужденностью – потворствует ежегодной фиксации более чем 30 тыс. случаев суицида, небезосновательно закрепляя за Японией эпитет – «общество самоубийц» [Oguro 2009, p. 16].

Рис. 6. Иллюстрированные примеры синдрома бэндзё:-мэси.

Составлено авторами по: Min Seob Ji Artist Kuenstler. Benjo Meshi.

<http://www.min-seob-ji.com/workinprocess%20html/benjomeshi.html> (дата обращения: 11.03.2024)

Заключение

В условиях порывистой глобализации, затрагивающей основные сферы жизнедеятельности человека, отчетливее структурируются проблемы, связанные с производством, переработкой и употреблением продуктов питания. Компетентный ответ на такие остроактуальные вопросы, как: локальный голод при продуктовом изобилии в развитых странах, досрочная утилизация пищи, интенсивное расходование невозобновляемых природных ресурсов и галолирующая урбанизация, требует понимания специфики планетарной агропродовольственной системы. Квалифицированное изучение этой специфики в свою очередь подразумевает комплексный и координированный анализ ее базовых элементов – человека, общества и естественной среды. В качестве вспомогательного аналитического инструмента, обладающего должным теоретико-методологическим потенциалом, выступает концепция «продовольственного пространства». Последняя, находясь на стыке гуманитарных и естественных наук, является успешной эвристической попыткой междисциплинарного синтеза и применения подхода, сфокусированного на изучении симбиотической связи природы и культуры на глобальном (макро-), национальном (мезо-) и локальном (микро-) исследовательских уровнях.

В процессе фокусировки на продовольственном пространстве Страны восходящего солнца было установлено, что вместе с ввозимыми в страну пищевыми товарами динамично импортировались и паттерны, основанные на максимумах эгоцентричного консьюмеризма и индивидуализма. Однако последующая ассимиляция моделей «западной продовольственной культуры», проходившая в рамках глокализации, проводилась с поправкой на японскую самобытность. Японская продовольственная культура обладает большой творческой адаптивностью и вбирает в себя лучшие традиции мировой кухни. Она не только усвоила американские роллы, но и выдержала даже появление *суси* со слегка опаленными на открытом огне кусочками мяса.

Таким способом генеральным акторам планетарного агропродовольственного процесса – пищевым транснациональным корпорациям – удалось адаптировать собственную коммерческую продукцию под социокультурный ландшафт региона. В результате традиционные для японского общества мифы, ритуалы и легенды были использованы в процессе придания «неопознанным съедобным объектам» [Fischler 1988, P. 289] облика, родственного для японской культуры.

«Шипящее на сковороде яйцо есть не что иное, как символ флага Японии» [Holden 2002], – утверждает американский социолог Т. Холден, проживший немало лет в Токио. Пристрастие к внешним символам национальной кулинарной культуры и ревностное исполнение ритуалов усиливаются как своего рода ответ на давление «макдоналдизации».

Осознание угроз сельскохозяйственной отрасли и национальной идентичности способствовало формированию безотлагательных контрмер, основанных на популяризации традиционной гастрономической философии *васёку*. Процессуальная эффективность последней, верифицировалась ее адаптивностью во внешней и внутренней политике страны. Так, выступая мощным инструментом «мягкой гастрономической силы» и «гастродипломатии», созидающим обворожительный образ Японии на международной арене, стратегический курс на *васёку*, институционально закреплённый в «Базовом законе о продовольственном просвещении» № 63 (*сёкуику кихон-хо*), популяризирует культ местных продуктов питания, стимулируя внутреннее сельскохозяйственное производство и повышая уровень продовольственной самодостаточности современного государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кравченко С.А. Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманистической биополитики. Москва: МГИМО-Университет. 2014.
- Кравченко С.А., Зарубина Н.Н., Носкова А.В., Карпова Д.Н., Голоухова Д.В. Социология питания: традиции и трансформации / под общ. ред. Н.Н. Зарубиной и С.А. Кравченко. Москва: МГИМО-Университет. 2017.
- Малов А.В. Международный продовольственный режим // Вестник МГИМО-Университета. 2018. №1 (58). С. 127–147. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-1-58-127-147> (дата обращения: 12.07.2024).
- Малов А.В. Политологический и экологический аспекты концепции «продовольственных миль» // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 89–103. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.07> (дата обращения: 12.07.2024).
- Чугров С.В., Малов А.В. Продовольственный суверенитет и воспитание: гармонизация по-японски // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. № 4. С. 665–677. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-4-665-677> (дата обращения: 12.07.2024).

REFERENCES

- Kravchenko, S.A. (2014). *Sotsiokul'turnaya dinamika edy: riski, uyazvimosti, vstrebovannost'gumanisticheskoi biopolitiki* [The Socio-Cultural Dynamics of Food: Risks, Vulnerability, a Humanistic Relevance of Biopolitics]. Moscow: MGIMO University. (In Russian).
- Kravchenko, S.A., Zarubina, N.N., Noskova, A.V., Karpova, D.N., Goloukhova, D.V. (2017). *Sotsiologiya pitaniya: traditsii i transformatsii* [Sociology of Nutrition: Traditions and Transformations]. Ed. by N.N. Zarubina, S.A. Kravchenko. Moscow: MGIMO University. (In Russian).
- Malov, A.V. (2018). *Mezhdunarodnyi prodovol'stvennyi rezhim* [International Food Regime]. *MGIMO Review of International Relations*, 1 (58), 127–147. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-1-58-127-147>

- Malov, A.V. (2024). Politologicheskii i ekologicheskii aspekty kontseptsii «prodovol'stvennykh mil'» [Political and Ecological Aspects of the “Food Miles” Concept]. *Polis. Political Studies*, 1, 89–103. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.07>
- Chugrov, S.V., Malov, A.V. (2019). Prodovol'stvennyi suverenitet i vospitanie: garmonizatsiya po-yaponski [Food Sovereignty and Education: A Japanese Type of Harmonization]. *RUDN Journal of Sociology*, 19 (4), 665–677. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-4-665-677>
- * * *
- Amore, A., Roy, H. (2020). Blending foodscapes and urban touristscapes: International tourism and city marketing in Indian cities. *International Journal of Tourism Cities*, 6 (3), 639–655. <https://doi.org/10.1108/IJTC-09-2019-0162>
- Andoh, E. (2005). *Washoku: Recipes From the Japanese Home Kitchen*. New York: Ten Speed Press.
- Ashkenazi, M., Jacob, J. (2000). *Food Culture in Japan*. Westport, Connecticut: Greenwood Press.
- Assmann, S. (2017). Global Recognition and Domestic Containment: Culinary Soft Power in Japan. In A. Niehaus, T. Walravens (eds.), *Feeding Japan* (pp. 113–137). Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-50553-4_5
- Birlea, O.-M. (2020). Japan's Food Culture – From Dango (Dumplings) to Tsukimi (Moon-Viewing) Burgers. *East-West Cultural Passage*, 20 (2), 54–73. <https://doi.org/10.2478/ewcp-2020-0011>
- Blake, M.K. (2018). Building an unjust foodscape: Shifting governance regimes, urban place making and the making of Chinese food as ordinary in Hong Kong. *Local Environment*, 23 (11), 1047–1062. <https://doi.org/10.1080/13549839.2017.1328674>
- Brillat-Savarin, A. (1982). *Physiologie du goût*. J.F. Revel (ed). Paris: Flammarion, 1982 (1879). (In French).
- Burgoine, T. (2010). Collecting accurate secondary foodscape data: A reflection on the trials and tribulations. *Appetite*, 55 (3), 522–527. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2010.08.020>
- Cheok, A.D., Fernando, O.N.N. (2012). Kawaii (Cute) interactive media. *Universal Access in the Information Society*, 11, 295–309. <https://doi.org/10.1007/s10209-011-0249-5>
- Cwierka, K.J. (2015). *Modern Japanese Cuisine: Food, Power and National Identity*. London: Reaktion Books.
- De Michele, F. et al. (2013). Hikikomori (ひきこもり): una culture-bound syndrome nell'era del web 2.0. *Rivista di psichiatri*, 48 (4), 354–358. <https://doi.org/10.1708/1319.14633> (In Italian).
- Durkheim, E. (1933). *The Division of Labor in Society*. New York: Macmillan.
- Earl, L. (2017). Children's food maps: Using social mapping to understand school foodscapes. *Ethnography and Education*, 13 (4), 508–528. <https://doi.org/10.1080/17457823.2017.1384320>
- Essau, C.A et al. (2012). A Japanese form of social anxiety (taijin kyofusho): Frequency and correlates in two generations of the same family. *International Journal of Social Psychiatry*, 58 (6), 635–642. <https://doi.org/10.1177/0020764011421099>
- Farina, F. (2018). Japan's gastrodiploacy as soft power: global washoku and national food security. *Journal of Contemporary Eastern Asia*, 17 (1), 152–167. <https://doi.org/10.17477/jcea.2018.17.1.152>
- Farrer, J. (2015). Introduction: Traveling Cuisines in and out of Asia: Toward a Framework for Studying Culinary Globalization. In J. Farrer (ed.), *The Globalization of Asian Cuisines* (pp. 1–19). New York: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9781137514080_1
- Fischler, C. (1988). Food, Self and Identity. *Social Science Information*, 27 (2), 275–292. <https://doi.org/10.1177/053901888027002005>
- Fischler, C. (1979). Gastronomie, gasrto-anomie. *Communication*, 31 (1), 189–210. <https://doi.org/10.3406/comm.1979.1477>
- Frențiu, R. (2015). Argument for 'Glocalization': Japan for the World in the Japanese Gastronomical Advertisement. *Lingua. Language and Culture*, 14 (1), 79–93.
- Harada, N. (2005). *Washoku to Nihonbunka* [Washoku and Japanese History]. Tokyo: Shogakukan. (In Japanese).

- Holden, T.J.M. (2002). The Well-Tempura'd Nation: Japan, Television Food Shows and Cultural Nationalism. Paper Presented at the 5th Conference of the Asia Pacific Sociological Association "Asian Pacific Societies: Contrasts, Challenges and Crises". Brisbane.
- Ishige, N. (1973). *Sekai no shokujii bunka* [The Food Cultures of the World]. Tokyo: Domesu Shuppan. (In Japanese).
- Ishige, N. (2015). *Nihon no shokubunka* [History of Japanese Food Culture]. Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).
- Iwabuchi, K. (2002). *Recentring Globalization: Popular Culture and Japanese Transnationalism*. London: Duke University Press.
- Johnston, J. et al. (2009). Lost in the supermarket: The corporate-organic foodscape and the struggle for food democracy. *Antipode*, 41 (3), 509–532. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8330.2009.00685.x>
- Kinsella, S. (1995). Cuties in Japan. In Skov, L., Moeran, B. (eds.), *Women, Media and Consumption in Japan* (pp. 220–254). Richmond, VA, and Surrey, UK: Curzon Press.
- Kotzé, L.J., Kim, R.E. (2022). Towards planetary nexus governance in the Anthropocene: An earth system law perspective. *Global Policy*, 13 (3), 86–97. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13149>
- Lamalic A. et al. (2020). Imagined foodways: social and spatial representations of an Inuit food system in transition. *Polar Geography*, 43 (4), 333–350. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2020.1798541>
- Lévi -Strauss, C. (1965). Le triangle culinaire. *L'Arc*, 26 (1), 19–29. (In French).
- Martinez, D.P. (2005). On the "nature" of Japanese culture, or, is there a Japanese sense of nature? In Roberston, J. (ed.), *A Companion to the Anthropology of Japan* (pp. 185–200). Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
- McGray, D. (2009). Japan's Gross National Cool. *Foreign Policy*, November. Retrieved from <https://foreignpolicy.com/2009/11/11/japans-gross-national-cool/>
- Mikkelsen, B.E. (2011). Images of foodscapes: Introduction to foodscape studies and their application in the study of healthy eating out-of-home environments. *Perspectives in Public Health*, 131 (5), 209–216. <https://doi.org/10.1177/1757913911415150>
- Morgan, K. (2010). Local and green, global and fair: the ethical foodscape and the politics of care. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 42 (8), 1852–1867. <https://doi.org/10.1068/a4236>
- Moriuchi, E., Basil, M. (2019). The Sustainability of Ohanami Cherry Blossom Festivals as a Cultural Icon. *Sustainability*, 11 (6), 1–15. <https://doi.org/10.3390/su11061820>
- Niiyama, Y. (2020). *Fudo shisutemu no kozo to chosei* [The Structure and Coordination of Food System]. Kyoto: Showado. (In Japanese).
- Nittono, H. et al. (2023). English and Spanish Adjectives That Describe the Japanese Concept of Kawaii. *SAGE Open*, 13 (1), 1–12. <https://doi.org/10.1177/21582440231152415>
- Northcott, T. et al. (2023). Ecological regulation for healthy and sustainable food systems: responding to the global rise of ultra-processed foods. *Agriculture and Human Values*, 40, 1333–1358. <https://doi.org/10.1007/s10460-022-10412-4>
- Occhi, D.J. (2016). Kyaraben (character bento): The cutesification of Japanese food in and beyond the lunchbox. *East Asian Journal of Popular Culture*, 2 (1), 63–77. https://doi.org/10.1386/eapc.2.1.63_1
- Oguro, J., Kaigo, M. (2009). Suicide Society? Media Responsibility and Suicide in Japan. *Media Asia*, 36 (1), 16–22. <https://doi.org/10.1080/23776277.2009.12224371>
- Ojeda-Linares, C. et al. (2021). Traditional Fermented Beverages of Mexico: A Biocultural Unseen Foodscape. *Foods*, 10, 1–31. <https://doi.org/10.3390/foods10102390>
- Robertson, R. (2014). *European glocalization in global context*. New York: Palgrave Macmillan.
- Stalker, N.K. (2018). *Japan: History and Culture from Classical to Cool*. Oakland, CA: University of California Press.
- Suman, S. (2019). *Customer-Driven Disruption: Five Strategies to Stay Ahead of the Curve*. Oakland, CA: Berrett-Koehler.
- Takeda, W. (2016). *Reconsidering Individualisation of Eating: A cross-cultural analysis on determinants of commensality and solo-eating*. A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy at the

- Australian National University. The Australian National University. April 2016. Retrieved July 11, 2023, from <https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/101431/1/Takeda%20Thesis%202016.pdf>
- Takeda, W., Banwell, C., Dixon, J. (2016). Advancing Food Sovereignty or Nostalgia: The construction of Japanese Diets in the national *Shokuiku* policy. *Anthropological Forum*, 26 (3), 276–288. <https://doi.org/10.1080/00664677.2016.1190918>
- Takimoto, H., Sarukura, N., Ishikawa-Takata, K. (2015). How to define family meals in “Shokuiku” (Food and Nutrition Education). *Journal of Nutritional Science and Vitaminology*, 61, 10–12. <https://doi.org/10.3177/jnsv.61.S10>
- Tsutomu, S. (2008). Japan’s creative industries: Culture as a Source of Soft Power in the Industrial Sector. In: W. Yasushi, D. McConnell (eds.), *Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States* (pp. 128–153). Armonk, New York: M.E. Sharpe Inc.
- Ueda, H. (2023). *Food Education and Gastronomic Tradition in Japan and France: Ethical and Sociological Theories*. London: Routledge.
- Vonthron S. et al. (2020). Foodscape: A scoping review and a research agenda for food security-related studies. *PLOS ONE*, 15 (5), 1–26. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0233218>
- Yamada, I. (2016). *Nogyo taiken gakushu no jisho bunseki* [Empirical Analysis of Farming Activities]. Tokyo: Association of Agriculture and Forestry Statistics of Japan.
- Yoshida, Y., Morishita, N. (2020). *Bento: Over 70 Make-Ahead, Delicious Box Lunches*. New York: Race Point Publishing.

Поступила в редакцию: 12.03.2024

Received: 12 March 2024

Принята к публикации: 02.07.2024

Accepted: 02 July 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-65-85

Нарратив о «северных территориях» в общественно-политическом дискурсе современной Японии

Д.В. Стрельцов

Аннотация. В статье анализируется японский официальный нарратив о «северных территориях», который, имея большое распространение в японском обществе, является ключевым фактором плохого имиджа России в Японии. Особое значение с точки зрения эмоционального эффекта на общественное сознание имеют тезисы о том, что Южные Курилы являются «исконной территорией Японии», что СССР совершил в годы Второй мировой войны агрессивные и несправедливые действия в отношении Японии, а современная Россия не исправила, и что японцы – уроженцы Южных Курил испытывают колоссальные моральные страдания, не имея возможности свободно посещать могилы своих предков. В статье рассмотрена организационная структура государственных, общественных и общественно-политических организаций, призванная обеспечить государственную политику по популяризации этого нарратива, показаны особенности его отражения в школьных учебниках, музеях и мемориальных комплексах. При поддержке властей по всей стране развернуто Движение за возвращение «северных территорий», которое проявляется в проведении массовых митингов, демонстраций, агитационных караванов, лекций и выставок. Автор фокусирует особое внимание на таких мероприятиях, как ежегодно проводимый 7 февраля День «северных территорий», а также сбор подписей, призывающих к возвращению «северных территорий», который проводится с начала 1980-х гг.

Освещение японскими СМИ ситуации на Украине существенно добавило негатива в уже достаточно мрачный образ России в Японии. Во многих репортажах, равно как и в реакции политической власти, проявилось желание связать российские действия на Украине с политикой России по вопросу границы с Японией.

В заключении делается вывод о том, что, несмотря на все усилия правительства, японское общественное мнение в реальности оказывается относительно слабо информированным о проблеме «северных территорий». При этом со сменой поколений интерес к данной проблеме постепенно снижается, особенно в среде молодежи. Одновременно идет процесс осознания бесперспективности сохранения жесткой линии в подходе правительства к ее решению. Наибольший общественный резонанс вызывает гуманитарный аспект проблемы, связанный с посещениями могил бывшими островитянами и членами их семей, но и он, как показывают итоги опросов общественного мнения, имеет ограниченный эффект.

Ключевые слова: Нарратив о «северных территориях», «исконные территории», посещение могил, виктимность, «незаконная оккупация», Движение за возвращение «северных территорий», степень осведомленности о проблеме «северных территорий».

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО-университета, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (адрес: Москва 119454, просп. Вернадского, 76). ORCID ID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Стрельцов Д.В. Нарратив о «северных территориях» в общественно-политическом дискурсе современной Японии // Японские исследования. 2024. № 3. С. 65–85. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-65-85

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109).

The narrative of the «Northern Territories» in the socio-political discourse of contemporary Japan

D. V. Streltsov

Abstract. The article analyzes the Japanese official narrative about the “Northern Territories,” which is widespread in Japanese society and serves as a key factor in the formation of a bad image of Russia in Japan. Of particular importance from the point of view of the emotional effect on public consciousness are the theses that the Southern Kurils are the “ancestral territory of Japan,” that the USSR committed aggressive and unfair actions against Japan during World War II, and modern Russia did not correct them, and that the Japanese natives of the Southern Kurils experience enormous moral suffering, not having the opportunity to freely visit the graves of their ancestors. The article examines the organizational structure of state, public, and socio-political organizations designed to ensure public policy to popularize this narrative and shows the features of its reflection in school textbooks, museums, and memorial complexes. With the support of the authorities, the Movement for the Return of the “Northern Territories” has been launched, manifesting itself in mass rallies, demonstrations, propaganda caravans, lectures, and exhibitions, which are organized throughout the country. The author focuses special attention on such events as the “Northern Territories Day” held annually on February 7, as well as the collection of signatures calling for the return of the “Northern Territories,” which has been held since the early 1980s.

Japanese media coverage of the situation in Ukraine has significantly added negativity to the already rather gloomy image of Russia in Japan. In many reports, as well as in the reaction of the political authorities, one can sense a desire to link Russian actions in Ukraine with Russia’s policy regarding the border issue with Japan.

In conclusion, the author notes that, despite all the efforts of the government, Japanese public opinion turns out to be relatively poorly informed about the problem of the “Northern Territories.” At the same time, as the generations change, the interest towards this problem is gradually decreasing, especially among young people. Besides, there is a process of realizing the futility of maintaining a hard line in the government’s approach to solving it. The humanitarian aspect of the problem, related to visits to graves by former islanders and members of their families, causes the greatest public outcry, but even this aspect, as the results of public opinion polls show, has a limited effect.

Keywords: narrative of the “Northern Territories”, “ancestral territories”, visits to graves, victimization, “illegal occupation”, Movement for the Return of the “Northern Territories”, degree of awareness of the problem of the “Northern Territories”.

Author: *Streltsov Dmitry V.*, Head of Department of Afro-Asian Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Leading Research Fellow of the Institute of China and Contemporary Asia, RAS (address: 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID ID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Streltsov, D.V. (2024). Narrativ o «severnykh territoriyakh» v obshchestvenno-politicheskom diskurse sovremennoi Yaponii [The narrative of the “Northern Territories” in the socio-political discourse of contemporary Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 3, 65–85. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-65-85

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-18-00109).

Введение

По опросам общественного мнения Японии, Россия на протяжении всех послевоенных десятилетий неизменно остается одной из наиболее непопулярных в Японии стран. Доброжелательное отношение к ней на протяжении нескольких десятилетий демонстрирует подавляющее меньшинство японцев – не более 10–15% [Чугров 2016, с. 56], а после начала СВО и того меньше. Не вызывает сомнения тот факт, что плохие чувства японцев к России в значительной степени в первую очередь связаны с официальным нарративом о «северных территориях», который имеет большое распространение в японском обществе.

Сам термин «северные территории» появился в 1956 г. в ходе переговоров с СССР о нормализации отношений, когда Япония, получив поддержку США, включила в свои территориальные претензии к СССР острова Кунашир и Итуруп, в результате чего их объектом стали четыре острова, а не два, как это было ранее. Изобретение данного термина связано с некоторой географической путаницей в определении объекта этих территориальных претензий, потребовавшего определенной систематизации. Дело в том, что, в отличие от Шикотана и гряды Хабомаи, Япония признает острова Кунашир и Итуруп частью Курильской гряды (называя их *Минами Тисима*, или Южные Курилы), с учетом очевидности этого факта в мировой географической науке, а также их довоенного административного статуса. Поскольку в 1951 г., согласно статье 2 Сан-Францисского мирного договора, Япония отказалась от Курильских островов, необходимо было как-то аргументировать причины, по которым этот отказ не затрагивает Южные Курилы. Согласно версии японского правительства, Кунашир и Итуруп наряду с двумя прочими островами были признаны за Японией правительством России в 1855 г. при заключении первого договора о границе (Симодского трактата), а потому, даже географически принадлежа к понятию Курильских островов, в политическом смысле они не относятся к территориям, от которых Япония отказалась по СФМД, так как никогда до 1945 г. они не входили в состав иного государства, помимо Японии¹. Чтобы устранить путаницу в понимании логики японской позиции, которая включает претензии и на часть Курильских островов, и на остров Шикотан, который рассматривается Японией отдельно от Курил, и на гряду Хабомаи, которая в понимании Японии является частью Хоккайдо (но не Курильскими островами), и был придуман специальный термин «северные территории». Он был введен в оборот начальником договорного отдела МИД Японии Симода Такэдзо, который впервые употребил его на парламентских слушаньях 20 марта 1956 г. [Shimotomai 2011, p. 304]. Однако в официальных документах и выступлениях официальных лиц этот термин стал употребляться только после января 1960 г., когда между СССР и Японией произошел обмен правительственными нотами после подписания новой редакции японо-американского Договора безопасности [Fujii 2020, p.168] (в частности, он прозвучал в выступлении министра иностранных дел А. Фудзияма в феврале 1960 г.).

¹ われらの北方領土 2022年版. 外務省 [Наши «северные территории». Ежегодник 2022. Министерство иностранных дел Японии] <https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/pr/pub/pamph/horpo6.html> С.11 (дата обращения 11.03.2024). (На японском языке).

Официальная позиция Японии – «северные территории» являются землями, на которые распространяется ее суверенитет. На издаваемых в стране картах они закрашены в цвет национальной территории. Прочие же владения, перешедшие СССР от Японии в результате Второй мировой войны – Южный Сахалин и Курильские острова севернее острова Итуруп – закрашиваются на японских картах в белый цвет как территории с неопределенным юридическим статусом: имеется в виду, что между Японией и Россией отсутствует мирный договор, граница не определена, а потому их принадлежность еще только надлежит определить в ходе двусторонних переговоров.

Следует сразу оговориться, что термин «северные территории» используется в данной статье исключительно для описания японской позиции по данной проблеме, в рамках которой он имеет ключевое значение. По каждому пункту японского нарратива у России имеются собственные контраргументы, которые в достаточном количестве изложены в профильной литературе [Черевко 1992; Sarkisov 1997; Курилы... 1998; Кузьминков 2013; Streltsov 2019] и др. Цель настоящей статьи – не отвечать на тезисы или аргументы японской стороны, а попытаться проанализировать, в чем суть этого нарратива, каким образом он распространяется на массовом уровне и в какой степени находит отклик в современном японском обществе.

Особенности официального японского нарратива о «северных территориях»

Официальная позиция Японии по проблеме пограничного размежевания с Россией находит отражение на сайтах японского МИД² и иных министерств и ведомств, в официальных документах, издаваемых японскими правительственными организациями брошюрах и информационных материалах, в комментариях официальных должностных лиц.

Согласно сайту японского МИД, Япония еще раньше, чем Россия, получила сведения о существовании четырех «северных островов» (Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи). Симодский договор, подписанный в 1855 г. между Японией и Россией в мирной и дружественной манере, установил границу между Итурупом и Урупом. С того момента эти четыре острова находились под административным контролем Японии и по праву принадлежали ей вплоть до окончания Второй мировой войны. Однако в конце войны, а именно – 9 августа 1945 г., Советский Союз в нарушение действовавшего тогда японо-советского Пакта о нейтралитете вторгся в Японию и в период между 28 августа и 5 сентября, т.е. уже после того, как Япония приняла Потсдамскую декларацию, оккупировал указанные четыре острова. Хотя на этих островах тогда проживало только японское население (около 17 тыс. чел.), СССР в 1946 г. в одностороннем порядке включил четыре острова в свой состав и к 1948 г. вынудил всех граждан Японии их покинуть. Начавшаяся тогда незаконная оккупация островов Советским Союзом продолжается со стороны России и сегодня. Из-за существования проблемы «северных территорий» и отсутствия взаимно признанной границы мирный договор между Японией и Россией до сих пор не заключен, хотя после войны прошло уже более семи десятилетий.

Обращает на себя внимание то, что в японском нарративе имеются моменты, которые имеют особое значение с точки зрения эмоционального эффекта на общественное сознание. Во-первых, это тезис о том, что Южные Курилы являются «исконной территорией Японии» (固有の領土 *кою:-но рё:до*)³. Этот тезис кочует повсюду – от школьных учебников

² 北方領土 [«Северные территории»] // 外務省 [Министерство иностранных дел Японии]. https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/hoppo/index_4to.html (дата обращения 07.03.2024). (На японском языке).

³ С июля 2009 г. Южные Курилы в законодательных актах Японии стали именоваться *вага кою:-но рё:до* 「我が国固有の領土」 – «нашими исконными территориями».

и популярных брошюр, издаваемых государственными органами, до официальных документов. Например, еще в принятой в марте 1951 г. парламентом Японии резолюции о гряде Хабомаи говорится как о территориях, географически представляющих собой продолжение мыса Ханасаки в городе Нэмуру, «на которых японцы жили с давних пор» (古来より日本人が居住していた) [Fujiu 2020, p. 159].

В российской библиографии имеются весомые контраргументы идее первооткрытия Японией Южно-Курильских островов, в том числе документальные свидетельства первого появления на островах русских и недостоверности предъявляемых японской стороной карт и иных документов, включая датируемую 1644 г. «карту годов Сё:хо» (см., напр., Курилы 1998, с. 13–70). Тезис об «исконности» Южных Курил не выдерживает критики уже потому, что Япония стала осваивать не только Курилы, но даже Хоккайдо лишь во второй половине XIX в. – только тогда было создано специальное Управление по колонизации, занимавшееся переселением японцев на «новые» территории на Севере – Хоккайдо, Сахалин и Курильские острова. Например, само поселение Нэмуру было основано только в 1869 г., а обрело статус города – в 1900 г. Очевидно, что для японской культуры и цивилизации значение Южных Курил незаметно и потому они не входят в число «сакральных» территорий в контексте формирования японской культурно-исторической идентичности. Чтобы как-то доказать тезис об «исконности» Южных Курил для Японии, японские историки предлагают интерпретировать этот термин в нестандартном ключе – не в смысле территорий, издревле принадлежащих той или иной стране, а как «территории, полученные (государством) в результате первооткрытия «бесхозных земель» и включенные в зону его эффективного управления», причем речь необязательно идет о ненаселенных территориях (как в случае с Южными Курилами, населенных в середине XIX в. в основном айнами) [Tanaka 1991, p. 58]. В этом контексте тезис об «исконности» в японской интерпретации означает лишь то, что в момент появления японцев на Южных Курилах русских поселенцев, по мнению японской стороны, там еще не было.

Иными словами, в противоположность своему основному значению (существующий с самого начала (искони), с незапамятных времен, аналогично японскому 固有 *кою*: – букв. «имеющийся с древних времен»), термин «исконные территории» в официальной интерпретации Токио получил ярко выраженную политизированную коннотацию. Об этом свидетельствует и история его появления в официальных документах. Впервые тезис об «исконности» прозвучал 7 декабря 1955 г. в выступлении представителя правительства на заседании бюджетной комиссии нижней палаты, т.е. в тот момент, когда претензии к СССР в отношении четырех, а не двух островов (как это было ранее), стали официальной линией правящей ЛДП [Fujiu 2020, p. 162]. В дальнейшем для создания впечатления, будто данный тезис имеет международное признание, во всяком случае, признание со стороны ключевого союзника Японии, термин «исконные территории» был выбран при переводе на японский язык политически нейтрального выражения *part of Japan proper* («часть японской территории»), включенного в текст меморандума Госдепартамента США от 7 сентября 1956 г. (где была выражена поддержка японской позиции по Южным Курилам)⁴. Между тем в моменты, когда это было политически нецелесообразно, японское правительство в официальных документах воздерживалось от использования данного термина, как это было, например, в период проведения переговоров о подписании мирного договора в период премьерства С. Абэ после 2013 г., когда применялось словосочетание 主権を有する領土 («территории, находящиеся под суверенитетом Японии»)⁵.

⁴ См. текст этого документа в японском официальном переводе на сайте Канцелярии кабинета министров www8.cao.go.jp/hoppo/shiryou/pdf/gaikou14.pdf (дата обращения 07.03.2024).

⁵ 北方領土は「固有の領土」「主権を有する領土」…首相「用語使い分けた記憶はない」// Ёмиури симбун 7.03.2022. <https://www.yomiuri.co.jp/politics/20220307-OYT1T50283/> (дата обращения 07.03.2024). (На японском языке).

В классическом же понимании «исконными» Южные Курилы являются лишь для народа айну, который с древности (по некоторым оценкам, около 15 тыс. лет) населял Курильские острова и о. Сахалин, находившиеся на разных исторических этапах под контролем как Японии, так и России. В связи с этим уместно отметить, что в Японии имеется и точка зрения о том, что поскольку народ айну является этническим меньшинством Японии, все земли, на которых они исторически проживали, должны ей принадлежать [Тураев 2018, с. 223]. Однако нельзя отрицать, что поскольку в послевоенный период айну и их потомки жили в том числе и в Сахалинской области, и даже на Камчатке, тезис о принадлежности Южных Курил Японии на основании аргумента о проживании там с незапамятных времен народа айну звучит крайне неубедительно⁶.

Другой эмоционально окрашенный тезис японского нарратива заключается в том, что острова были «захвачены» Советским Союзом в ходе Второй мировой войны путем «агрессивных» и «нелегитимных» действий, которые заключались, в частности, в одностороннем нарушении СССР Пакта о нейтралитете и их последующей военной оккупации. В Японии практически неизвестна российская правовая аргументация, которая заключается в том, что обязательства СССР по Уставу ООН, в соответствии с которым нужно было предпринять все возможные действия для быстрого завершения войны, имели приоритет над Пактом о нейтралитете.

Кроме того, используется аргумент о том, что СССР произвел оккупацию островов в самый последний период войны, когда Япония уже не могла оказывать сопротивления (в наиболее циничном виде эта идея пропагандируется с помощью образа «вора на пожаре»⁷). Япония считает, что оккупация островов СССР является результатом закулисной сделки союзников (Ялтинских соглашений февраля 1945 г.), которые были заключены «за ее спиной». К тому же 24 сентября 1941 г. СССР присоединился к Атлантической хартии, в которой союзными державами был зафиксирован принцип нерасширения территорий, а своими действиями по присоединению «северных территорий» ее нарушил. В Японии действия Москвы представлены как практическое воплощение сталинской концепции внешней политики, а потому Токио делает особый упор на том, что постсоветская Россия провозгласила в отношениях с Японией «отказ от наследия тоталитаризма» и от «наследия трудного прошлого»⁸. В Японии также любят противопоставлять СССР Соединенным Штатам, которые «вернули» Японии в 1972 г. Окинаву после более чем 25-летнего правления. Именно этот факт нередко используется в аргументации японской стороны для доказательства того, что современная Россия «не раскаялась» и, по сути, остается для Японии таким же враждебным государством, каким был для нее Советский Союз. Ощущение виктимности создает для японцев чувство психологического комфорта, позволяющего в осмыслении собственного милитаристского прошлого ощутить себя не только виновником, но и жертвой.

Еще одна важная часть нарратива о «северных территориях» связана с гуманитарным ее аспектом, а именно – с темой страданий бывших островитян – японцев, проживавших на Южных Курилах до 1945 г. С территории Сахалинской области в 1946–1949 гг. было выселено около 280 тыс. японцев – гражданских лиц и военнопленных (Ким 2009, с. 29), в том числе около 16 тыс. – с «северных территорий». Поскольку японское население проживало на Курильских островах и на Сахалине с середины XIX в., для многих из них эти территории

⁶ В декабре 2018 г. Президент РФ В.В. Путин на встрече с членами Совета по правам человека предложил включить айну в число малых народов, населяющих Россию // РИА Новости. 17.12.2018. <https://ria.ru/20181217/1548135596.html> (дата обращения 07.03.2024).

⁷ См., напр., лекцию бывшего посла Японии в Бельгии Хё:до Нагао в связи с проведением Дня «северных территорий». <https://www.pref.toyama.jp/documents/8576/01490581.pdf> (дата обращения 07.03.2024).

⁸ われらの北方領土 2022年版. 外務省 [Наши «северные территории». Ежегодник 2022. Министерство иностранных дел Японии]. Токио: Gaimushō. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/pr/pub/pamph/hoppo6.html> С. 4. (дата обращения 11.03.2024). (На японском языке).

уже стали родиной, на которой расположены могилы их предков. Вернувшись в Японию, они оказались лишены возможности свободно их посещать, что в Японии считается источником огромных моральных страданий, так как традиция ухода за могилами предков является в Японии священной обязанностью.

Следует отметить, что японские граждане, близкие родственники которых похоронены на Южных Курилах, возможность посещать могилы получили с 1964 г., когда после визита в Японию А. Микояна была налажена эта практика⁹. По данным японского МИД, за все время ее реализации почти 5 тыс. японских граждан посетили расположенные на этих островах 52 кладбища¹⁰. Эта практика не была отменена, хотя и была приостановлена, и после отказа российской стороны в сентябре 2022 г. от безвизовых обменов. В Японии делают упор на том, что речь идет о людях сильно пожилого возраста (средний возраст их составляет около 88 лет), которым трудно переносить многодневные морские путешествия, а запущенные с 2017 г. чартерные авиарейсы были в 2020 г. прекращены из-за пандемии и к 2024 г. так и не были возобновлены.

Государственная поддержка нарратива о «северных территориях»

В Японии создана достаточно мощная и разветвленная организационная сеть из государственных, общественных и общественно-политических организаций, целью которой является распространение в массах официального нарратива о «северных территориях».

31 августа 1982 г. был принят Закон о специальных мерах по содействию решению проблемы «северных территорий», который действует и сегодня с многочисленными поправками и дополнениями. В статье 4 данного закона, в частности, определены обязанности правительства, касающиеся продвижения кампаний за возвращение «северных территорий», распространения знаний и ознакомления с проблемой «северных территорий» в школьном образовании, проведения иных мер с целью повышения осведомленности общественности по проблеме «северных территорий»¹¹.

В правительстве страны имеется пост министра без портфеля, курирующего в числе прочих областей и сферу государственной политики в отношении «северных территорий» (во втором кабинете Кисида с 2023 г. его занимает Дзими Ханако). На правах отдельного правительственного органа создан т.н. Штаб по проблеме «северных территорий» (内閣府北方対策本部). Он существует еще с 1972 г. (а как специальное подразделение канцелярии премьер-министра – еще с 1958 г.), однако с 2001 г., после реформы правительственной структуры, – как орган при канцелярии кабинета министров. Имея достаточно крупный бюджет (1, 683 млрд иен, или более 11,2 млн долл. США в 2024 фин. г.)¹², Штаб реализует информационно-просветительские кампании с целью «консолидации и укрепления общественного мнения, поддерживающего дипломатические переговоры», оказывает поддержку Движению за

⁹ Она неизменно продолжалась вплоть до 2022 г. с перерывами между 1976 и 1986 г., когда советская сторона требовала для въезда у японцев загранпаспорт с советской въездной визой.

¹⁰ 北方領土Hoppō ryūdo [«Северные территории»] // 外務省 [Министерство иностранных дел Японии]. https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/hoppo/index_4to.html (дата обращения 07.03.2024). (На японском языке).

¹¹ См. 北方領土問題等の解決の促進のための特別措置に関する法律施行令 [Закон о специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий в редакции 2020 г.]. E-gov, <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=361CO0000000252> (дата обращения 07.03.2024). (На японском языке).

¹² 令和6年度沖縄・北方関係予算 [Бюджет на политику в отношении проблем Окинавы и «северных территорий» в 2024 фин.г.] // 立法と調査 [Риппо: то тэ:са]. 2024. 2. No.463. P. 176 https://www.sangiin.go.jp/japanese/annai/chousa/rippou_chousa/backnumber/2024pdf/20240207166.pdf (дата обращения 11.03.2024). (На японском языке).

возвращение «северных территорий», осуществляет деятельность по развитию обменов с «северными территориями» и проводит иные меры, направленные на решение проблемы «северных территорий». Особую озабоченность правительства, отраженное в подготовленном для парламентских слушаний документах, касающихся финансового обеспечения данного органа, вызывает постарение и естественное сокращение количества бывших островитян, что уменьшает и базу потенциальных активистов Движения за возвращение островов. В связи с этим в качестве первоочередных задач этого движения в документе предлагается сосредоточить усилия на разработке новых, более современных методов образовательно-просветительской работы среди молодежи, адаптации движения к процессу постарения бывших островитян, а также проведении эффективного просвещения общественности (и особенно молодых поколений)¹³.

Штаб руководит учрежденной сентябре 1969 г. полугосударственной Ассоциацией по проблеме «северных территорий» (北方領土問題対策協会), имеющей статус самостоятельного юридического лица, квазиобщественными (полуправительственными) организациями – базирующимся в Саппоро Союзом за возвращение Северных территорий (北方領土復帰期成同盟)¹⁴, Союзом жителей островов Тисима и Хабомаи (千島齒舞諸島居住者連盟)¹⁵, а также Координационным комитетом Движения за возвращение «северных территорий» (北方領土返還要求運動連絡評議会). Кроме того, Штаб тесно координирует свою деятельность с муниципальными структурами: властями города Нэмуру на Хоккайдо (по причине его географической близости к Южным Курилам, а также наличию там исторической традиции активного участия в общественных движениях в силу наличия там большого количества выходцев с Южных Курил) и подразделениями ОМС по всей Японии, занимающимися проблемой «северных территорий».

С целью максимально широкого распространения в обществе нарратива о «северных территориях» японское государство проводит целенаправленные информационно-пропагандистские кампании, которые реализуются через интернет-сайты и печатные информационные каналы органов центрального правительства и местной администрации, радио и телевидение, газеты и журналы различных уровней, учебную и научно-популярную литературу, культурные и просветительские мероприятия и т.д.

Среди пропагандистских материалов особое место занимает изданная японским МИД брошюра «Наши “северные территории”», в которой излагается японский взгляд на данную проблему и содержится исчерпывающий список документов, связанных с проблемой пограничного размежевания с Россией. Она помещена на сайт МИД Японии¹⁶ и издана массовым тиражом отдельной брошюрой (рис. 1).

Большое значение в деле распространения нарратива о «северных территориях» имеют учебники начальной, средней и старшей школы. Данная тема затрагивается в соответствующих разделах учебников по морали, обществознанию, истории, географии и государственной политике, где излагается официальный нарратив о «северных территориях» и особо подчеркивается, что Япония добивается решения проблемы исключительно мирными средствами.

¹³ 令和6年度沖縄・北方関係予算 [Бюджет на политику в отношении проблем Окинавы и «северных территорий» в 2024 фин.г.] // 立法と調査 [Риппо: то тэ:са]. 2024. 2. No.463. P.176 https://www.sangiin.go.jp/japanese/annai/chousa/rippou_chousa/backnumber/2024pdf/20240207166.pdf (дата обращения 11.03.2024). (На японском языке).

¹⁴ Признан в России нежелательной организацией.

¹⁵ Признан в России нежелательной организацией.

¹⁶ われらの北方領土 2022年版. 外務省 [Наши «северные территории». Ежегодник 2022. Министерство иностранных дел Японии]. Токуо: Gaimushō. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/pr/pub/pamph/hoppo6.html> (дата обращения 11.03.2024). (На японском языке).

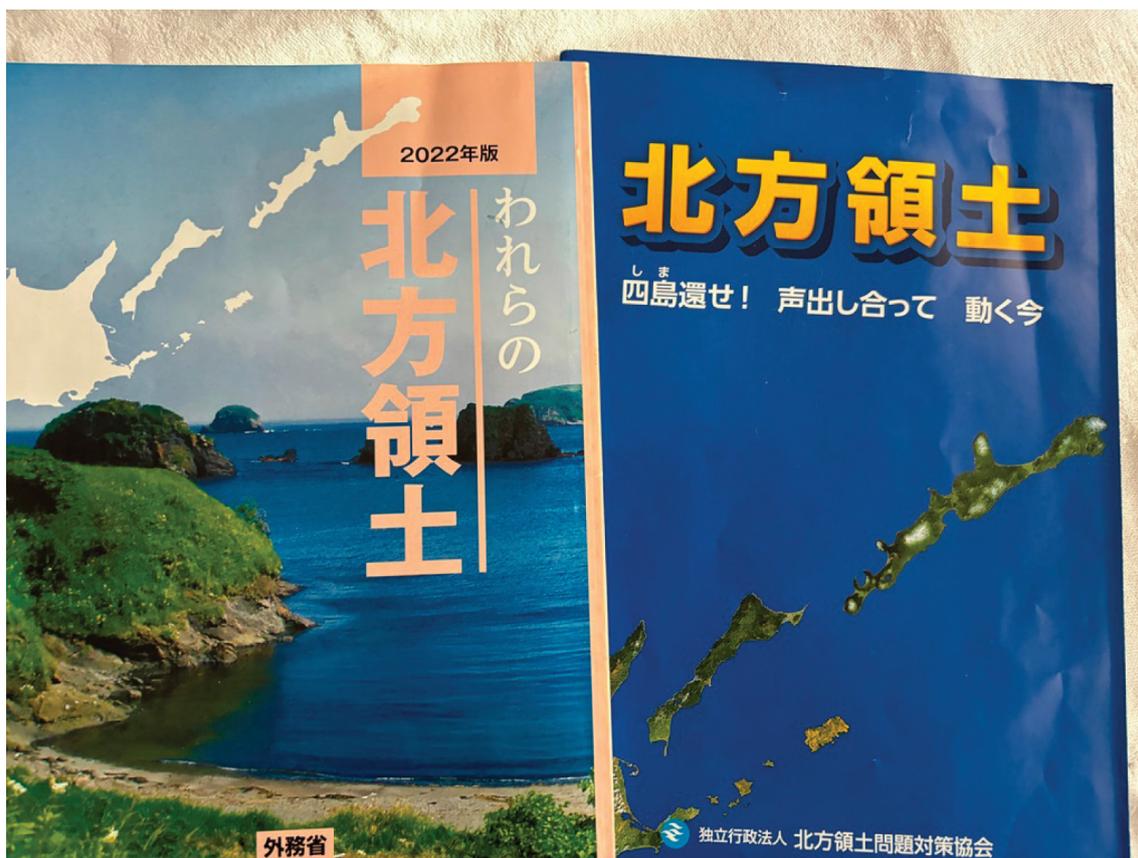

Рис. 1. Пропагандистские брошюры МИД Японии и Ассоциации по проблеме «северных территорий». Фото автора

С 2021 г. министерство образования Японии приняло решение о том, что все школы должны преподавать официальную точку зрения (такого обязательства ранее зафиксировано не было, хотя изложенная ранее в учебниках версия практически никогда не отличалась от официальной). В учебниках теперь должен звучать тезис о том, что «северные территории» являются «исконными территориями» Японии¹⁷. Кроме того, обязательным для всех учебников стало включение тезис о «незаконной оккупации» (不法占拠 *фухо: сэнкё*) «северных территорий». В некоторых учебниках ранее просто говорилось о том, что Россия лишь осуществляет «административный контроль» (実効支配 *дзикко: сихай*, 事実上統治 *дзидзицудзё: то:ти*) в отношении этих территорий, теперь же «ошибку» было предписано исправить. Комментарии министерства содержат утверждение о том, что если оставить эти формулировки, у учеников может создаться «ложное понимание» сути проблемы¹⁸.

Среди прочих же инструкций министерства образования следует отметить предписание помещать в учебниках карты с японскими названиями всех четырех островов, а также убрать из них даже упоминание о том, что решения проблемы границы на основе Совместной декларации 1956 г. так и не удалось достичь (рис. 2). В комментариях министерства говорится

¹⁷ 北方領土、竹島、尖閣「固有の領土」明記定着 小学校教科書検定 [Требование включить тезис об «исконных территориях» в отношении «северных территорий», островов Такэсима и Сэнкаку] // Санкэй симбун 28.03.2023. <https://www.sankei.com/article/20230328-37YB6YUPR5NOLCGLTJXP2QTNHI/> (дата обращения 11.03.2024). (На японском языке).

¹⁸ 高校教科書検定 産経「自虐史観を拭えず」 [Сертификация учебников старшей школы]. 7.04.2021. <https://www.sankei.com/article/20210407-W5ORXM3W7RISTFYO6HXV4URURQ/2/> (дата обращения 11.03.2024) (In Japanese). См. также https://www.youtube.com/watch?v=mKj_NV3YqFs. (дата обращения 11.03.2024).

Рис. 2. Разделы школьных учебников, касающиеся проблемы «северных территорий». *Источники:* сайт President online. 07.04.2021. <https://president.jp/articles/-/44911?page=1>; сайт газеты Санкэй симбун. 28.03.2023. <https://www.sankei.com/article/20230328-37YB6YUPR5NOLCGLTJXP2QTNHI/> (дата обращения 11.03.2024)

о том, что это сделано специально, чтобы у школьников не создавалось впечатления, будто Япония ведет сейчас переговоры на основе формулы «передачи двух островов»¹⁹.

Другой способ распространения нарратива о «северных территориях» – историко-культурные объекты: музеи, мнемонические комплексы и мемориалы. В Японии имеется несколько музейно-исторических объектов, посвященных проблеме «северных территорий», с помощью которых государство ведет активную популяризацию официальной трактовки проблемы «северных территорий».

Наиболее крупным из них является музейно-мнемонический комплекс в Нэмуру – небольшого города на востоке Хоккайдо, граничащего с грядой Хабомаи. Неподалеку от города, на мысе Носаппу, примыкающему к островам Хабомаи, имеется Музей «северных территорий» (北方領土資料館 *Хоппо: рё:до сирё:кан*), повествующий об истории заселения, природе Южных Курил и быте японских колонистов. Особый упор делается на события 1946–1948 гг., когда японцам пришлось жить на островах совместно с советскими переселенцами, а затем уезжать в Японию. Нарратив о «жестокости “советских захватчиков”» подчеркивается специально подобранными визуальными и картографическими материалами, свидетельствующими о советском «вторжении» на острова, включая 10-минутный мультфильм «Остров Джованни», где эти события представлены глазами японского мальчика.

¹⁹ 「固有の領土」記述求める [Требование включения в учебники тезиса об «исконных территориях»] // Jiji.com. 30. 03.2021. <https://www.jiji.com/jc/article?k=2021033000815> (дата обращения 11.03.2024).

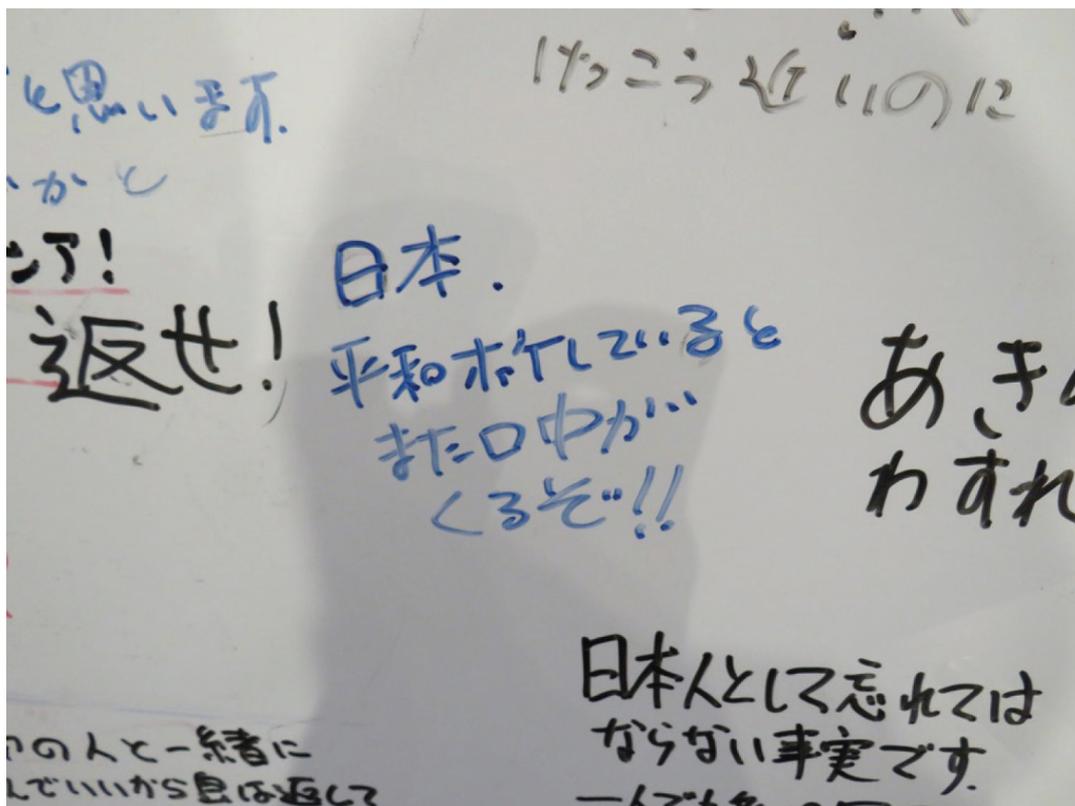

Рис. 3. Фрагмент «доски впечатлений» в Музее «северных территорий» на мысе Носаппу, г. Нэмуру. Фото автора

При выходе из музея находится большая белая доска, на которой фломастером можно написать свои впечатления об увиденном (рис. 3). Помимо стандартных пожеланий скорейшего «возвращения» островов «в родную гавань», там имеются и отклики на сложившуюся после 2022 г. геополитическую ситуацию в мире, например, пожелания к Японии побыстрее покончить с «помешанностью на пацифизме».

На мысе Носаппу имеется также Павильон обозрения «северных территорий» (北方館 *Хонпо:кан*), где посетители могут обозреть в бинокль расположенные всего в нескольких километрах острова Хабомаи и получить при выходе «свидетельство о посещении “северных территорий”». На том же мысе в 1981 г. был построен 35-метровый мемориал в виде символического моста (арки), соединяющего Японию с ее «северными территориями», у подножия которого горит вечный огонь, символизирующий, как сказано в путеводителях, «мольбу японского народа о воссоединении с исконными территориями» (рис. 4)²⁰.

На все побережье мыса различными организациями, в основном правого толка, установлено множество памятных стел и памятных знаков на тему «мольбы о “северных территориях”» (рис. 5).

Нарратив о «северных территориях» популяризуется также с помощью сувенирной продукции (маек, брелоков, стикеров, значков, кружек и т.д. с изображением контуров островов, которые обозначены с японскими названиями), а также рекламных щитов на улицах Нэмуру и других городов Японии (рис. 6, 7).

²⁰ 北方領土返還運動のシンボル像の建設 建設 Строительство символического объекта Движения за возвращение «северных территорий»] // Betsukai.jp https://betsukai.jp/gyosei/seisaku/4island/4island_mondai_toha/hopposhinboru (дата обращения 11.03.2024).

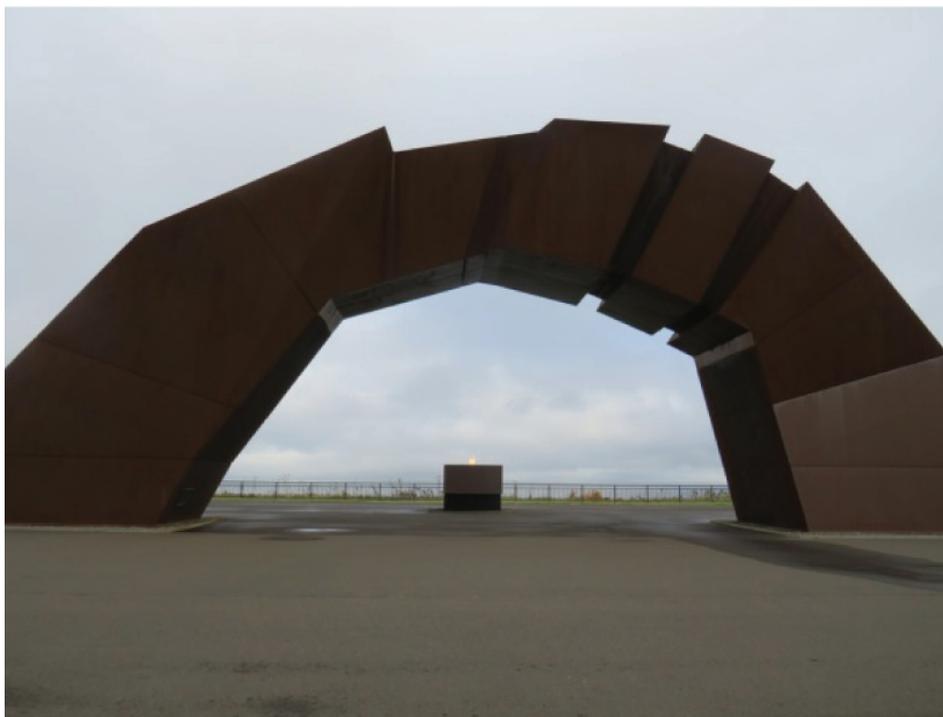

Рис. 4. Арка, призванная символизировать связь Японии с «северными территориями». Фото автора

Рис. 5. Одна из стел «мольбы о “северных территориях”». Фото автора

Рис. 6. Сувенирная продукция с призывами к возвращению «северных территорий».
Фото автора

Рис. 7. Билборд на улицах города Нэмуру с требованием «вернуть острова».
Фото автора

Рис. 8. Информационно-агитационные материалы в Музее территорий и суверенитета.
Фото автора

В Нэмуру также находится созданный в феврале 2000 г. Хоккайдский префектуральный центр по связям с «северными островами» («*Нихоро*»). Центр располагает выставочной экспозицией с видеоматериалами, «комнатой русской культуры», «комнатой японской культуры», смотровой площадкой, откуда в ясные дни можно наблюдать о. Кунашир, а также учебными классами.

В свою очередь, в токийском Музее территорий и суверенитета (領土・主権展示館 *Pē:do сюэн тэндзикан*) представлены в основном политические события и документы, касающиеся японских территориальных споров с соседями. В разделе, посвященном «северным территориями», представлены основные события истории, связанные с темой формирования границы между Японией и Россией, в их японской официальной интерпретации (*рис. 8*).

Помимо Нэмуру, имеются музеи и специальные «кабинеты исторического просвещения» по проблеме «северных территорий» еще и в поселках Сибэцу и Раусу на о. Хоккайдо, а также в городе Куробэ преф. Тояма на о. Хонсю, где проживает особенно много переселенцев с островов и их потомков.

Музейные объекты получают щедрые дотации за свою просветительскую деятельность из бюджетов центрального правительства, префектуры Хоккайдо и местных властей. Нескончаемым потоком следуют сюда экскурсионные автобусы с японскими школьниками и туристами.

Следует отметить креативность этих объектов – там представлена не только текстовая информация, но и видео- и фотоматериалы, а также иные визуальные экспонаты. Например, в 2024 г. был обнародован план реорганизации экспозиции Музея национальных территорий и суверенитета. Согласно новой концепции музея, в рамках которой предлагается использовать технологии проекционного картографирования (где изображения проецируются на стены, потолок и пол), посетители должны будут чувствовать себя так, будто они летают над морем

и ныряют под воду, глядя на мир с точки зрения животных, связанных с каждым видом территорий, ставших объектом споров с соседями. Например, для «северных территорий» это будет *этопирика* (хохлатый буревестник)²¹.

При поддержке властей в стране развернуто Движение за возвращение «северных территорий», которое проявляется в проведении массовых митингов, демонстраций, агитационных караванов, лекций и выставок, которые организуются по всей стране. Для детей в школах и на базе существующих муниципальных и государственных объектов культуры проводятся различные конкурсы сочинений и устных выступлений на тему «северных территорий», а также лекции и викторины. Большое количество мероприятий с ориентацией на молодое поколение планируется в виде информационных и агитационных кампаний с использованием СМИ и социальных сетей, включая Facebook и Twitter. Для придания еще большей привлекательности среди молодежи организаторы привлекают имиджи персонажей мультфильмов и иные «раскрученные» бренды массовой культуры.

Особенно много мероприятий реализуется в рамках Месячников борьбы за возвращение «северных территорий», которые традиционно проводятся в феврале и августе каждого года. Эти месячники были учреждены в 1986 г. с целью более активного разворачивания движения по всей стране.

Для придания дополнительного импульса движению кабинетом Дз. Судзуки в январе 1981 г. была установлена специальная памятная дата – День «северных территорий», который отмечается ежегодно 7 февраля. Именно в этот день в 1855 г. был подписан исторический Симодский трактат, по которому острова признавались за Японией. Официальные документы подчеркивают особый политический смысл этой памятной даты: Япония впервые получила тогда новые территории в результате дипломатических переговоров, а не военных действий. И хотя некоторые организации, когда решался вопрос об учреждении даты, предлагали объявить таким днем 3 сентября, когда советские войска заняли острова, японский премьер, предполагая, что острова «вернутся» в Японию в результате мирных переговоров с СССР, предложил именно эту дату, рассчитывая, что она станет одной из памятных дат советско-японской дружбы [Uda 1984, p. 64].

Однако в реальности ее празднование превратилось в демонстрацию откровенно антисоветских/антироссийских настроений. Каждый год в День «северных территорий» проводится национальный митинг с требованием их возвращения, в котором принимают участие премьер-министр, государственный министр по делам Окинавы и «северных территорий», представители политических партий, бывшие жители островов и другие активисты. Перед российским посольством в Токио и иными дипломатическими представительствами России в Японии в этот день проходят шумные демонстрации и митинги правых организаций. На митинге с участием правительственных чиновников, проведенном 7 февраля 2024 г., было принято заявление, в котором российское управление четырьмя островами квалифицируется как «незаконная оккупация» (на подобных мероприятиях до 2023 г. использовалась более мягкая формулировка «оккупация без законных оснований»)²².

Другой формой деятельности является сбор подписей (*рис. 9*), призывающих к возвращению «северных территорий», который проводится по всей стране с начала 1980-х гг.

²¹ 北方領土へ足を運んだ感覚、プロジェクションマッピングで味わう…政府が東京の展示館を改装へ[Испытайте ощущение посещения Северных территорий с помощью проекционного картографирования. Правительство отремонтирует выставочный зал в Токио] // Ёмиури Симбун. 07.02.2024. <https://www.yomiuri.co.jp/politics/20240207-OYT1T50073/>(дата обращения 11.03.2024). (На японском языке).

²² PM Kishida says Japan-Russia ties are "difficult" amid Ukraine war// Kyodo news. 7.02.2024. <https://english.kyodonews.net/news/2024/02/e02081d057a4-pm-kishida-says-japan-russia-ties-are-difficult-amid-ukraine-war.html> (дата обращения: 07.03.2024).

Рис. 9. Пункт сбора подписей «за возвращение “северных территорий”» во время «Снежного фестиваля» (г. Саппоро). Фото автора

Он проводится во время проведения образовательных, культурных и научных мероприятий, различных съездов и митингов. Собранные подписи ежегодно представляются в парламент страны в форме петиции. В последнее время в соответствии с новой редакцией Закона о петициях стало возможным подать и электронную подпись. Поскольку японцы в целом поддерживают основной посыл данной кампании, неудивительно, что к декабрю 2008 г. было собрано более 80 млн подписей²³ – т.е. почти всего взрослого населения страны.

Активно муссируется тема «северных территорий» и в японских СМИ. Особый акцент делается на теме страданий бывших островитян, которым при их жизни не суждено вернуться на свою родину. Постепенно нарратив о страданиях бывших островитян стал занимать особое, если не центральное, место при освещении темы «северных территорий». Например, большой резонанс имел показанный в национальных новостях NHK 16 декабря 2016 г. сюжет о передаче японским премьером президенту В.В. Путину письма нескольких бывших жителей островов, в котором содержалась «мольба побыстрее решить вопрос с островами». Один из авторов письма, Кодама Тайко, бывший житель острова Хабомаи и общественный активист, объяснил инициативу его составления следующими словами: «Мы хотим более свободно, чем сейчас, посещать острова, и иметь возможность просыпаться там по утрам» [Iwashita 2019, p. 117].

Эмоциональный подтекст данного меседжа находит значительный отклик в японском обществе, где русофобские настроения развиваются во многом на фоне сочувствия к «коренным островитянам». Японские политические лидеры безошибочно уловили, что японцы склонны видеть в этой проблеме прежде всего человеческое, а не политическое измерение. Неслучайно 7 февраля 2024 г. премьер Ф. Кисида, выступая на митинге по случаю «Дня “северных

²³ Деятельность, направленная на возвращение «северных территорий» // Сайт губернатора Хоккайдо. <https://www.pref.hokkaido.lg.jp/sm/hrt/hopporyodo/rosia6.html> (дата обращения 11.03.2024).

территорий”», сделал особый акцент на том, что правительство Японии «требуется от российской стороны возобновления практики посещения могил»²⁴, которая была приостановлена в сентябре 2022 г. в ответ на присоединение Японии к антироссийским санкциям.

Отношение к проблеме «северных территорий» в японском обществе

Государственная политика приносит свои плоды: в контексте официального нарратива о «северных территориях» Россия предстает перед японскими гражданами как чуждое Японии государство, совершившее в отношении ее народа непростительные злодеяния и не желающее признать свою неправоту, как страна, продолжающая оставаться источником вопиющих несправедливостей и страданий японского народа.

Освещение японскими СМИ ситуации на Украине существенно добавило негатива в уже достаточно мрачный образ России в Японии. Предложенная СМИ картина легла на «унавоженную» почву: для большинства японцев, воспитанных на нарративах о «северных территориях», пришедшие с Украины вести в том виде, каком их подавали японские СМИ, не вызвали большого удивления – «что еще можно ожидать от этих русских»? При этом многие обозреватели подчеркивают заикленность японских СМИ на украинском конфликте. Исследование, проведенное институтом медиа-исследований Global News View, показало, что в первой половине 2022 года 94,7% японских СМИ, освещающих международные конфликты, были сосредоточены на войне в Украине. Некоторые эксперты критиковали СМИ за то, для повышения своей прибыли они намеренно распространяют украинские версии событий, привлекающие внимание антироссийски и проукраински настроенной общественности, что в свою очередь еще больше усиливает общественные настроения в пользу Украины [Kamata 2023].

Во многих репортажах, равно как и в реакции политической власти, проявилось желание связать российские действия на Украине с политикой России по вопросу границы с Японией: это, мол, является звеньями одной цепи, отдельными частями политики «агрессивного» и «не признающего закон» государства. Например, 28 февраля 2022 г. представитель Министерства иностранных дел Японии Уяма Хидэки, выступая в парламентском комитете, сравнил действия России на Украине с оккупацией островов: «Я понимаю, что международному праву противоречит и то, что Россия оккупирует «северные территории», и российское военное вторжение на Украину»²⁵.

Масла в огонь подлила ситуация вокруг практики визитов российских официальных лиц на Южные Курилы, которая продолжалась и после 2014 г., когда Япония присоединилась к антироссийским санкциям в связи с крымскими событиями. В марте 2022 г. российское правительство объявило, что в ответ на санкции оно приостанавливает переговоры по мирному договору с Японией, а в сентябре того же года – и соглашение о безвизовых поездках на острова. Еще одним сильным раздражителем для японского общественного мнения стало публичное обещание президента В.В. Путина посетить Южно-Курильские острова, данное им в Хабаровске во время встречи с бизнес-сообществом 11 января 2024 г. В ответ последовал очередной всплеск антироссийских настроений. Например, проведенным по заказу Канцелярии кабинета министров в сентябре – октябре 2023 г. опросом общественного

²⁴ 前年踏襲、響かぬ首相の演説 元島民「政府の関心低い」 領土返還大会 [После прошлогодней речи премьер-министра, которая не вызвала общественного резонанса, бывшие островитяне отмечают «низкий интерес правительства» к проблеме «северных территорий»] // Хоккайдо симбун. 07.02.2024. <https://www.hokkaido-np.co.jp/article/972906/> (дата обращения 11.03.2024). (На японском языке).

²⁵ Isabel Reynolds, “How Ukraine War Fuels Japan’s Island Feud With Russia,” Bloomberg, March 3, 2022. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-03-03/how-ukraine-war-fuels-japan-s-island-feud-with-russia-quicktake> (date of access 07.03.2024).

мнения было выявлено, что доля тех, кто «с симпатией» или «в какой-то степени с симпатией» относится к России, упала в Японии до рекордно низкого уровня – 4,1%, снизившись за год на 0,9%, а процент относящихся «без симпатии» в совокупности составил 95,3%²⁶. Особенно этот сдвиг разителен в сравнении, например, с ситуацией октября 2018 г., когда совокупный процент японцев, относящихся к России в той или иной степени с симпатией, составлял 20,8%²⁷.

Вместе с тем следует признать, что, несмотря на все усилия правительства, японское общественное мнение в реальности оказывается информированным о проблеме «северных территорий» далеко не в той степени, на которую рассчитывают организаторы пропагандистских кампаний. В целом в обществе имеется достаточно высокая осведомленность о проблеме как таковой, однако ее деталей большинство японцев не знает. При этом уровень осведомленности с годами падает.

Это подтверждают опросы общественного мнения. С 2008 г. Канцелярией кабинета министров каждые 5 лет проводится опрос об «осведомленности» жителей относительно проблемы «северных территорий». Интересно посмотреть данные последнего из них, который проводился в ноябре 2023 г.²⁸ Опрос, в котором участвовала выборка из 1624 респондентов, представляющих разные возрастные категории и регионы Японии, показал, что значительная часть японцев (почти 36% опрошенных) либо не понимают смысла данной проблемы, либо вообще ничего о ней не слышали. Хорошо знают о ней лишь 10% опрошенных, еще 54,1% знают о ней «в какой-то степени». Особенно обращает на себя внимание то, что процент неосведомленности гораздо выше среди молодых возрастов. Так, вариант ответа «О проблеме слышал, но сути ее не понимаю» выбрали 47,0% опрошенных в возрасте 18–29 лет и 49,1% опрошенных в возрасте 30–39 лет. Наибольшую осведомленность о проблеме показали лица старших возрастов: о своей «неосведомленности» поведали только 29,0% респондентов старше 70 лет (рис. 10).

Показательно изменение уровня интереса японцев к данной проблеме в исторической динамике. Например, данные того же опроса, проведенного 10 лет назад, в октябре 2013 г., показали, что степень осведомленности тогда была существенно выше. Первые два варианта ответов («Хорошо осведомлен» и «В какой-то степени осведомлен») выбрало 81,5% респондентов, тогда как варианты «слышал, но сути не понимаю» и «вообще ничего не слышал» – 17,9%²⁹. Иными словами, степень осведомленности упала за 10 лет более чем на 17%. Кроме того, существенно увеличивается и процент молодежи, почти ничего не знающей о «северных территориях» – например, в 2018 г. процент респондентов, выбравших ответ «слышал, но сути не понимаю», составил для категории 18–29 лет 42,0%, (в 2023 г. уже 47,0%), в категории 30–39 лет – 43,2% (в 2023 г. – 49,1%)³⁰.

²⁶ 「外交に関する世論調査」の概要.令和6年1月[Опрос общественного мнения по отношениям Японии с зарубежными странами. Январь 2024 г.]. <https://survey.gov-online.go.jp/r05/r05-gaiko/gairyaku.pdf> С. 11 (дата обращения 11.03.2024). (На японском языке).

²⁷ 「外交に関する世論調査」の概要.令和6年1月[Опрос общественного мнения по отношениям Японии с зарубежными странами. Январь 2024 г.]. <https://survey.gov-online.go.jp/r05/r05-gaiko/gairyaku.pdf> С. 13 (дата обращения 11.03.2024). (На японском языке).

²⁸ 「北方領土問題に関する世論調査」の概要.令和6年1月[Опрос общественного мнения по проблеме «северных территорий». Январь 2024 г.].<https://survey.gov-online.go.jp/hutai/r05/r05-hoppou/gairyaku.pdf> (дата обращения 11.03.2024). (На японском языке).

²⁹ 「北方領土問題に関する世論調査」の概要.令和6年1月(Опрос общественного мнения по проблеме «северных территорий». Январь 2024 г.) С. 2. <https://survey.gov-online.go.jp/hutai/r05/r05-hoppou/gairyaku.pdf> (дата обращения 11.03.2024). (На японском языке).

³⁰ 「北方領土問題に関する世論調査」の概要.平成30年12月(Опрос общественного мнения по проблеме «северных территорий». Декабрь 2018 г. С. 1. <https://survey.gov-online.go.jp/hutai/h30/h30-hoppou.pdf>. (дата обращения 11.03.2024). (На японском языке).

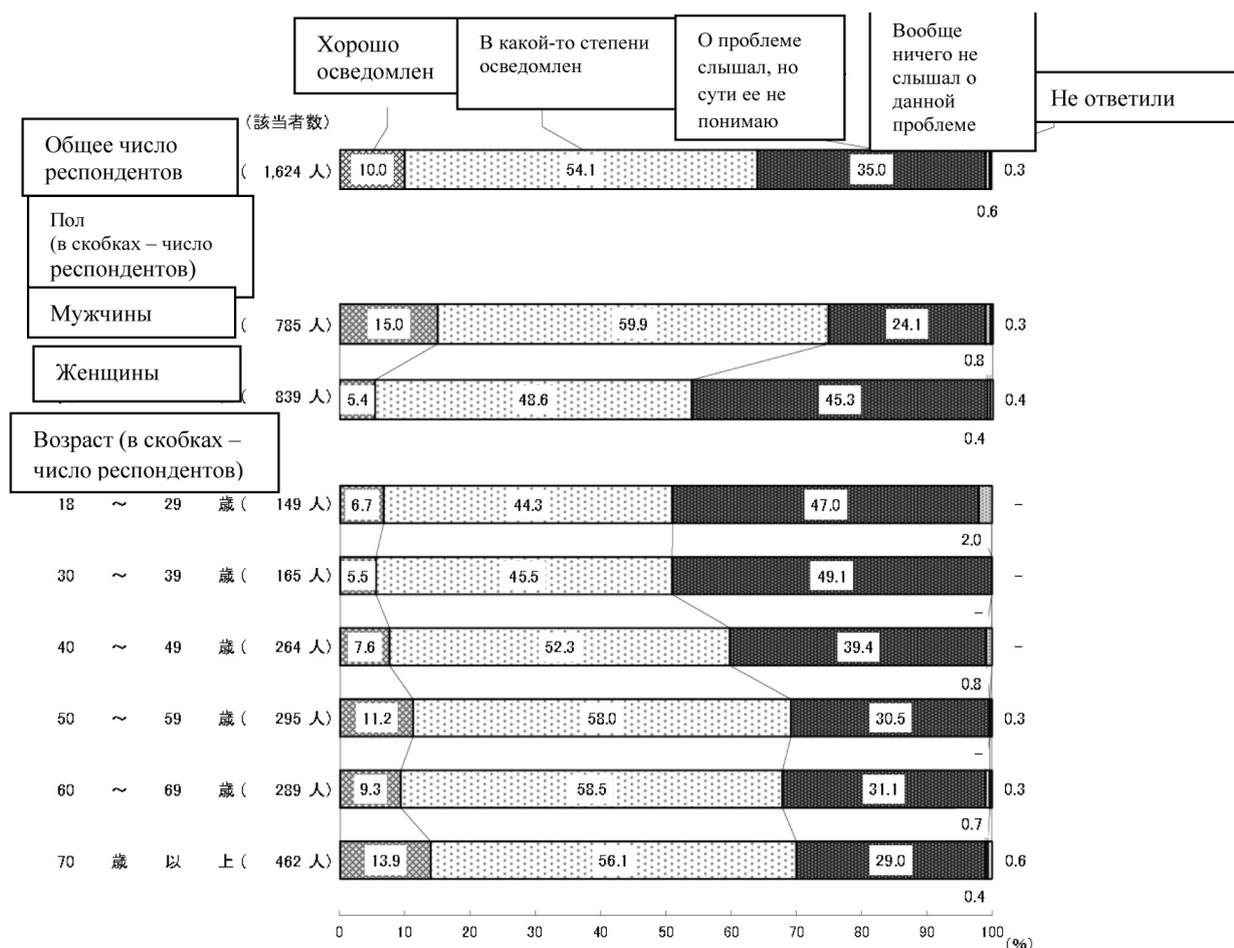

Рис. 10. Степень осведомленности японцев проблемой «северных территорий», материалы опроса Канцелярии кабинета министров в ноябре 2023 г.

Источник: 「北方領土問題に関する世論調査」の概要. 令和6年1月

[Опрос общественного мнения по проблеме «северных территорий». Январь 2024 г.]

<https://survey.gov-online.go.jp/hutai/r05/r05-hoppou/gairyaku.pdf> С. 1

Опросы показали, что основная часть японцев достаточно равнодушно относится к участию в кампаниях «за возвращение островов». 62,4% опрошенных в 2023 г. заявили об отсутствии желания принимать в них участие, при этом наиболее значительная часть опрошенных – 45,7% – на вопрос, почему они не участвуют в этих кампаниях, ответили, что от их личного участия «северные территории» Японии не вернутся³¹.

Кроме того, среди японцев растет конформизм и склонность к компромиссу в подходе к решению данной проблемы. Например, еще в ноябре 2016 г., перед приходом В.В. Путина в Японию, большинство респондентов в ходе опроса общественного мнения, проведенного газетой «Майнити»³², заявили, что Япония должна реагировать на территориальный спор с Россией «гибко». 57% опрошенных заявили, что Японии не следует настаивать на возвращении всех четырех спорных островов, в то время как бескомпромиссный вариант ответа выбрали только 25% респондентов.

³¹ 北方領土問題に関する世論調査」の概要.令和6年1月(Опрос общественного мнения по проблеме «северных территорий». Январь 2024 г.) С. 6, 8. <https://survey.gov-online.go.jp/hutai/r05/r05-hoppou/gairyaku.pdf> (На японском языке).

³² Majority say Japan shouldn't insist on return of all disputed Northern Territories islands: poll. The Mainichi, November 7, 2016. <https://mainichi.jp/english/articles/20161107/p2a/00m/0na/019000c> (дата обращения 11.03.2024).

Таким образом, со сменой поколений острота данной проблемы в японском общественно-политическом дискурсе постепенно снижается. Наряду с общим сокращением общественного интереса к теме «северных территорий» среди молодых возрастных категорий идет процесс осознания бесперспективности сохранения жесткой линии в подходе правительства к ее решению. Наибольший общественный резонанс вызывает гуманитарный аспект, связанный с посещениями могил бывшими островитянами и членами их семей, но и он, как показывают итоги опросов, имеет ограниченный эффект на общественное мнение. С этой точки зрения провозглашенная цель обеспечения широкой и активной общественной поддержки японской позиции на переговорах с Россией по вопросу мирного договора оказывается с течением времени все более труднодостижимой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ким И.П. Репатриация японцев с Южного Сахалина в послевоенные годы // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 26–30. <https://doi.org/10.5922/2223-2095-2009-12-4> (дата обращения 11.03.2024).
- Кузьминков В.В. Курилы – земля российская. О несостоятельности территориальных претензий Японии к России // Свободная мысль. 2013. № 4 (1640). С. 117–130.
- Курилы – острова в океане проблем / под ред. Ю.В. Георгиева Москва: Росспэн. 1998.
- Тураев В.А. Этническая история айнов Сахалина и Курильских островов в контексте российско-японских территориальных размежеваний // Россия и АТР. 2018. № 2 (100). С. 213–230. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-00028> (дата обращения 11.03.2024).
- Черевко К.Е. Территориально-пограничные вопросы в отношениях России и СССР с Японией. Диссертация на соискание степени доктора исторических наук. Москва: Институт российской истории РАН. 1992.
- Чугров С.В. Образ России в Японии и образ Японии в России: Рабочая тетрадь 33/2016 / [С.В. Чугров]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: НП РСМД. 2016.

REFERENCES

- Cherevko, K. (1992). *Territorial'no-pogranichnyye voprosy v otnosheniyakh Rossii i SSSR s Yaponiei* [Territorial and Border Issues in Relations Between Russia and the USSR With Japan]. Doctor of Sciences (History) Dissertation. Moscow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Chugrov, S. (2016). *Obraz Rossii v Yaponii i obraz Yaponii v Rossii, Rabochaya tetrad' 33* [The Image of Russia in Japan and the Image of Japan in Russia, Working Paper 33]. Moscow, NPMP RIAC. (In Russian).
- Georgiev, Yu. V. (ed.). (1998). *Kurily – ostrova v okeane problem* [The Kurils – Islands in an Ocean of Problems]. Moscow: Rosspen. (In Russian).
- Kim, I. (2009). Repatriatsiya yapontsev s Yuzhnogo Sakhalina [Repatriation of Japanese From Southern Sakhalin]. *Immanuel Kant Baltic Federal University Bulletin*, 12, 26–30. (In Russian). <https://doi.org/10.5922/2223-2095-2009-12-4>
- Kuz'minkov, V. (2013). Kurily – zemlya rossiiskaya. O nesostoyatel'nosti territorial'nykh pretenzii Yaponii k Rossii [The Kurils are Russian Land. On the Insolvency of Japan's Territorial Claims against Russia]. *Svobodnaya mysl'*, 4 (1640), 117–130. (In Russian).
- Turayev, V. (2018). Etnicheskaya istoriya ainov Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov v kontekste rossiisko-yaponskikh territorial'nykh razmezhevaniy [The Ethnic History of the Ainu of Sakhalin and the Kuril Islands in the Context of Russian-Japanese Territorial Delimitations]. *Rossiya i ATR*, 2 (100), 213–230. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-00028>

* * *

- Fujiu, Shōji. (2020). Hoppō ryōdo-o meguru [koyū-no ryōdo]ron (jō). Kokkai rongi, seifu shiryō oyobi kokusaihō-no kanten-kara-no seiri [The Theory of *Koyu-no Ryodo* (“Inherent Territories”) on the Issue of the Northern Territories (Part 1). Diet Debate. Arrangement from the Viewpoint of Government Materials and International Law]. *Rippō to chōsa*, 10 (428), 158–171. Retrieved March 7, 2024, from https://www.sangiin.go.jp/japanese/annai/chousa/rippou_chousa/backnumber/2020pdf/20201001158s.pdf (In Japanese).
- Iwashita, Akihiro. (2019). Abe’s Foreign Policy Fiasco on the Northern Territories Issue: Breaking with the Past and the National Movement. *Eurasia Border Review*, 1(10), 111–133. <https://doi.org/10.14943/ebr.10.1.111>
- Kamata, Jio. (2023). The Invasion of Ukraine Turned Japan’s Russia Policy on Its Head. From attempts at flattery and concerted diplomacy in 2014, Tokyo has pivoted to sanctions in lockstep with the rest of the G-7. *The Diplomat*. February, 23. Retrieved March 7, 2024, from <https://thediplomat.com/2023/02/the-invasion-of-ukraine-turned-japans-russia-policy-on-its-head/>
- Sarkisov, K. (1997). The Northern Territories Issue After Yeltsin’s Re-election: Obstacles to a Resolution From a Russian Perspective. *Communist and Post-Communist Studies*, 4(30), December, 353–363.
- Shimotomai, Nobuo. (2011). *Nihon reishenji* [The History of Cold War for Japan]. Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).
- Streltsov, D. (2019). The Territorial Issue in Russian-Japanese Relations: An Overview. In D. Streltsov, N. Shimotomai (eds.), *A History of Russo-Japanese Relations. Over Two Centuries of Cooperation and Competition* (pp. 577–606). Brill’s Japanese Studies Library (Volume 66). Leiden, Boston: Brill.
- Tanaka, Toshiaki. (1991). Chishima rettō to nihon koyū no ryōdo: kunashiri, etorofu wa Chishima rettō-no ichibu [The Kuril Islands and the Inherent Territories of Japan: Kunashir and Iturup are Part of the Kurile Islands]. *Studies in Languages and Cultures*, 2, 49–62. (In Japanese). <https://doi.org/10.15017/4271>
- Uda, Fumio. (1984). Policy and Public Image in Japanese-Soviet Relations: Diplomatic Strains and Declining Popularity. *Journal of Northeast Asian Studies*, 3 (summer), 43–65.

Поступила в редакцию: 14.03.2024

Received: 14 March 2024

Принята к публикации: 02.07.2024

Accepted: 02 July 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-86-97

Врач Китасато Сибасабуру: достижения и посмертное почитание в синтоизме

В.А. Горшков-Кантакузен

Аннотация. В 2024 г. мировое медицинское сообщество отмечает важную дату – 130 лет со дня открытия возбудителя чумы, который был независимо выделен японским врачом Китасато Сибасабуру (1853–1931) и французским врачом Александром Йерсенем (1863–1943). Хотя первый сделал это на несколько дней раньше, в результате недопонимания и подлога честь открытия была отдана А. Йерсену, и род, к которому отнесена бактерия, был назван в его честь. Так получилось, что в европейской науке Китасато почти неизвестен, а некоторые его достижения и прорывы в науке приписываются другим исследователям. В настоящей статье впервые в русскоязычной научной литературе подробно рассматривается жизнь ученого и его достижения. Выдающийся врач выделил чистую культуру столбнячной палочки (*Clostridium tetani*), первым в мире предложил сывороточную терапию, выделил чумной микроб (*Yersinia pestis*), воспитал целую плеяду выдающихся врачей и явился одним из основателей современного японского здравоохранения (государственного санитарно-эпидемиологического надзора), своевременно предотвратив закрепление чумного микроба на японских островах. Его заслуги перед японской и мировой медициной поистине огромны. Не менее интересно и его посмертное почитание в синтоизме, которое оказалось соединенным с почитанием немецкого врача Роберта Коха (1843–1910) – учителя и старшего друга Китасато Сибасабуру. Обожествление ученых – явление неординарное и представляет собой значимый культурологический феномен. Вместе с тем следует отметить, что культ Коха – Китасато является местным и фактически ограничен Институтом Китасато, в котором ученые почитаются в качестве покровителей Института. Интересно, что другой первооткрыватель чумного микроба, Александр Йерсен, обожествлен в рамках вьетнамского буддизма махаяны и в качестве духа-покровителя местности (вьет. *thành hoàng*) в рамках вьетнамской народной религии, что парадоксальным образом объединяет посмертную судьбу этих ученых.

Ключевые слова: синтоизм, бактериология, Китасато Сибасабуру, Роберт Кох.

Автор: Горшков-Кантакузен Владимир Александрович, индивидуальный исследователь, врач-бактериолог, специальный сотрудник Японского красного креста. ORCID: 0000-0002-4691-4719; E-mail: cantacuzene.patent@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Горшков-Кантакузен В.А. Врач Китасато Сибасабуру: достижения и посмертное почитание в синтоизме // Японские исследования. 2024. № 3. С. 86–97. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-86-97

Physician Kitasato Shibasaburō: Achievements and posthumous veneration in Shintō

V.A. Gorshkov-Cantacuzene

Abstract. In 2024, the medical community celebrates an important date – 130 years since the discovery of the causative agent of plague, which was independently isolated by the Japanese physician Kitasato Shibasaburō (1853–1931) and the French physician Alexandre Yersin (1863–1943). Although the former had done so a few days earlier, as a result of misunderstanding and forgery, the honor of the discovery was given to A. Yersin, and the genus to which the bacterium is assigned is named in his honor. As it happened, Kitasato is almost unknown in European science, and some of his achievements are attributed to other researchers. In this article, for the first time in the Russian-language scientific literature, his life and achievements are discussed in detail. The outstanding physician isolated a pure culture of *Clostridium tetani*, was the first in the world to propose serum therapy, isolated *Yersinia pestis*, educated a galaxy of outstanding physicians and was one of the founders of modern Japanese public health (state sanitary and epidemiological supervision), preventing the establishment of plague in the Japanese islands. His services to Japanese and world medicine are truly immense. No less interesting is his posthumous veneration in Shinto, which was combined with the veneration of the German physician Robert Koch (1843–1910), a teacher and senior friend of Kitasato Shibasaburō. The deification of scientists is an extraordinary practice and represents a significant cultural phenomenon. It should be noted, however, that the cult of Koch-Kitasato is local and actually confined to the Kitasato Institute, where scholars are honored as patrons of the Institute. Interestingly, the other discoverer of the plague microbe, Alexandre Yersin, is deified within Vietnamese Mahayana Buddhism and as a god-patron (thành hoàng) within Vietnamese folk religion, which paradoxically unites the posthumous fate of these scientists.

Keywords: Shintoism, bacteriology, Kitasato Shibasaburō, Robert Koch.

Author: Gorshkov-Cantacuzene Vladimir A., individual researcher, bacteriologist, special employee of the Japanese Red Cross. ORCID: 0000-0002-4691-4719; E-mail: cantacuzene.patent@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Gorshkov-Cantacuzene, V.A. (2024). Vrach Kitasato Sibasaburo: dostizheniya i posmertnoe pochitanie v sintoizme [Physician Kitasato Shibasaburō: Achievements and posthumous veneration in Shintō]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 3, 86–97. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-86-97

Первые годы профессиональной деятельности

Китасато Сибасабуру родился 29 января 1853 г. в селе Окуни провинции Хиго (ныне – город Огуни-мати в префектуре Кумамото) в семье потомственных деревенских старост. Он был в семье старшим сыном. В 1871 г., в возрасте 18 лет, Китасато поступил в медицинскую школу и больницу Кодзё (ныне – медицинский факультет университета Кумамото), где в скором времени стал ассистентом и переводчиком голландского Китасато Константа Георга ван Мансвельдта (1832–1912). В скором времени Китасато в числе пяти лучших студентов был рекомендован для прохождения практики в больницу в Осаке, о чем он написал в письме родителям (рис. 1). Однако врач остался в Кумамото, чтобы ассистировать не знавшему японский язык Мансвельдту. Тот оценил таланты молодого студента и в 1874 г. рекомендовал его для поступления в Токийскую медицинскую школу (ныне – медицинский факультет Токийского университета). К апрелю 1874 г. Китасато сформулировал свою основную доктрину, состоящую в том, что *в основе медицины лежит профилактика, а миссией врача является предотвращение болезней* (рис. 2).

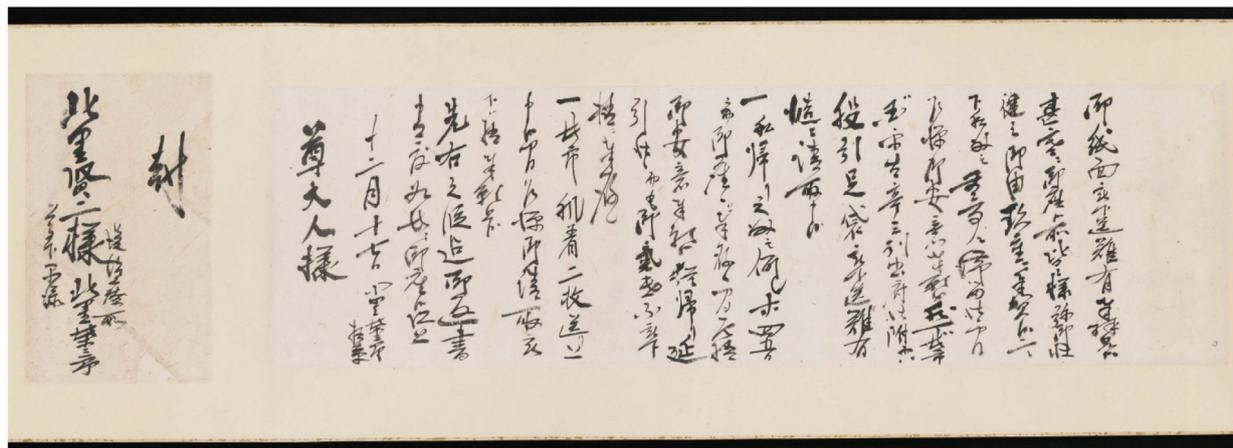

Рис. 1. Письмо Китасато родителям. Любезно предоставлено Мемориальным музеем Образовательной корпорации Института Китасато (инв. № K00795_06)

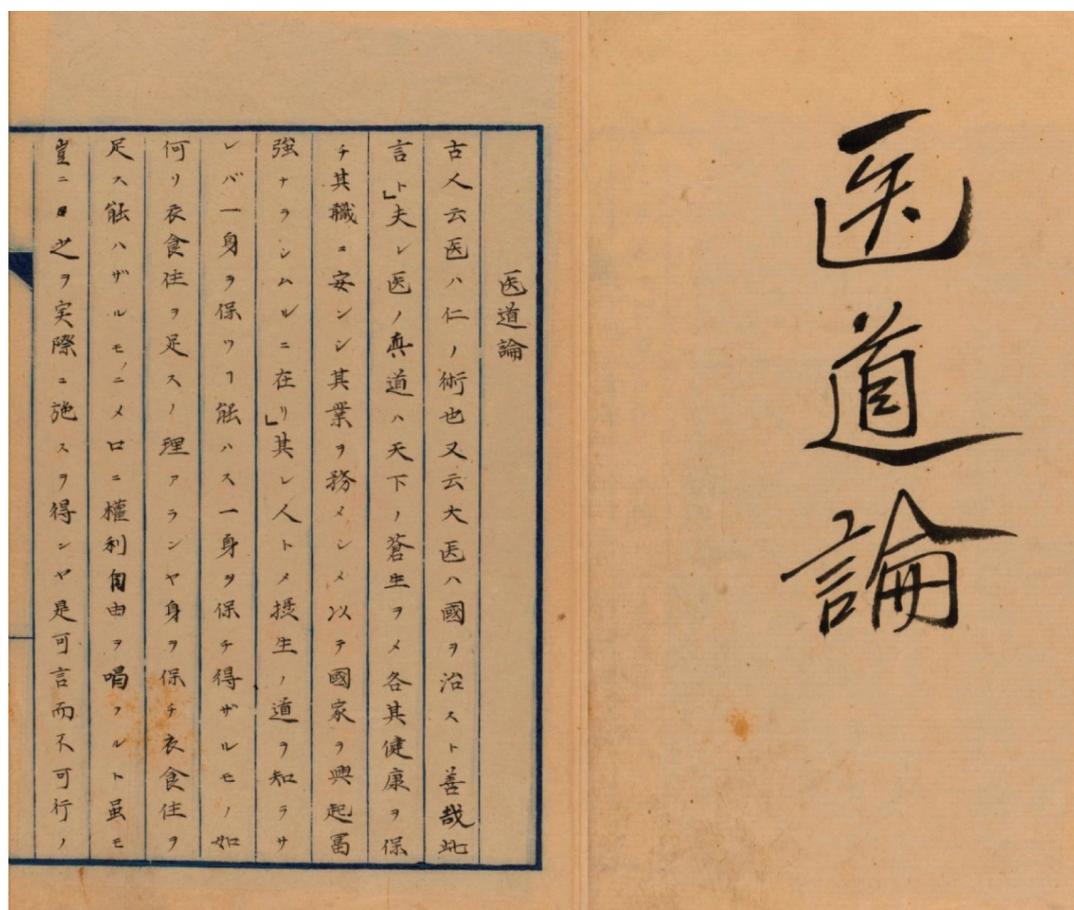

Рис. 2. Титульная и первая страницы рукописи речи «Медицинская теория». Любезно предоставлено Мемориальным музеем Образовательной корпорации Института Китасато (инв. № K00135_001 и № K00135_002)

После выпуска в 1883 г. Китасато устроился на работу в инспекционный отдел санитарного бюро министерства внутренних дел, где занимался переводами иностранной литературы и экспертизой медицинской практики. Однако уже 4 февраля 1885 г. он присоединяется к бактериологическим исследованиям недавно вернувшегося из-за границы врача Огата Масанори (1853–1919), с которым в стенах испытательного центра стал изучать холеру

и дизентерию. В том же году Китасато отправили исследовать вспышку холеры в Нагасаки, где он добивается больших успехов в выделении холерных вибрионов, за что управление здравоохранения поощрило его стажировкой у Роберта Коха (1843–1910) в Германии.

Стажировка в Германии

Стажировка в Берлине у Роберта Коха стала поворотным событием в жизни 33-летнего Китасато, поскольку во время нее он смог обрести не только учителя и друга, но и мировую известность¹. В 1889 г. он впервые в мире выделил чистую культуру возбудителя столбняка – анаэробную бактерию *Clostridium tetani*, что стало возможным благодаря созданию прибора (рис. 3), состоящего из последовательно соединенных аппарата Киппа (получение водорода), склянки Дрекслея (очистка следовых количеств сероводорода и кислорода) и чашек Петри в модификации Китасато (имеют большую площадь поверхности питательной среды, контактирующей с водородом).

На следующий год Китасато выделил антитела к столбнячному токсину и предложил инновационный для того времени метод лечения – сывороточную терапию, заключающуюся во введении пациентам сыворотки, полученной из крови иммунизированных животных. Совместно с Эмилем фон Берингом (1854–1917) были получены столбнячная, а затем и дифтерийная сыворотки [Behring 1890], за которую, однако, только фон Беринг был удостоен Нобелевской премии (1901). Дело в том, что фон Беринг опубликовал также собственную статью [Behring 1890 (*Untersuchungen...*)], ввиду чего Нобелевский комитет рассудил, что сама идея создания сывороточной терапии принадлежит именно ему, а не Китасато Сибасабуро.

Рис. 3. Прибор для культивирования *Clostridium tetani*, разработанный Китасато Сибасабуро. Любезно предоставлено Мемориальным музеем Образовательной корпорации Института Китасато

¹ Стажировка должна была длиться три года. Однако по запросу Коха срок был продлен еще на два года (финансирование обеспечивало министерство императорского двора).

Возвращение в Японию и конфликты с коллегами

По окончании стажировки Китасато получил множество приглашений на работу из различных стран мира, но, желая избавить соотечественников от бремени инфекционных заболеваний, 28 мая 1892 г. он возвращается в Японию. Однако дорога в Токийский университет (в то время единственное место, где можно было продолжить исследования) оказалась для него закрыта. Это объясняется тем, что еще во время стажировки в Германии он имел острые дискуссии со своими коллегами Комото Дзюдзиро (1859–1938), Аояма Танэмита (1859–1917), Мори Огай (1862–1922) и Огата Масанори (1853–1919) по поводу того, что вызывает болезнь бери-бери². Эти ученые во главе с Огата предполагали бактериальную природу заболевания, а Китасато резко критиковал эту точку зрения. Хотя Огата и Китасато были одногодками, Огата являлся до стажировки своего рода учителем Китасато, поэтому его критика воспринималась в Токийском университете как неуважение к учителю, что было для тогдашней Японии суровым обвинением. Истина при этом отодвигалась на второй план. Като Хироюки (1836–1916), президент Токийского университета, назвал Китасато Сибасабуру «тем, кто не понимает пути мастера и ученика» [Tanihara Hidenobu 2013, p. 3]. И хотя в частной жизни Китасато и Огата оставались друзьями, путь Китасато в Токийский университет оказался закрыт, а самого его стали воспринимать как отщепенца.

Однако благодаря финансовой поддержке выдающегося просветителя и основателя первого в Японии частного университета Кэйо Фукудзава Юкити (1835–1901) и других меценатов, высоко ценивших таланты Китасато, в Токио был основан первый частный научно-исследовательский институт инфекционных заболеваний, а на следующий год – первая в стране противотуберкулезная больница. В 1899 г. они были переданы государству и вошли в юрисдикцию министерства внутренних дел. Именно с Института инфекционных заболеваний начинается история санитарной охраны Японии, а сам институт являлся консультативным органом при правительстве [Kitasato 1906, P.8]. Из его стен вышла целая плеяда выдающихся ученых. Так, Сига Киёси (1871–1957) в 1897 г. выделил возбудитель бактериальной дизентерии (*Shigella dysenteriae*), а позже токсин, названный в его честь. Эндо Сигэру (1870–1937) в 1904 г. создал питательную среду, известную теперь как «среда Эндо». Хата Сахатино (1873–1938) в 1909 г. в составе исследовательской группы выделил «соединение 606», проявляющее антибиотические свойства и выпускавшееся под торговым названием «сальварсан». Сальварсан использовался для лечения сифилиса, широко распространенного в Японии. Судзуки Умэтаро (1874–1943) выделил в 1910 г. из рисовых отрубей некое вещество, позволившее лечить больных бери-бери. Однако в немецком переводе оригинальной японской статьи [Suzuki 1911] не было указано, что выделено новое вещество, поэтому приоритет в его открытии до сих пор принадлежит польскому биохимику Казимиру Функу (1884–1967), назвавшему вещество тиамин и предложившему термин «витамин». Тем не менее, мы должны констатировать, что несмотря на позднее приобщение Японии к западной цивилизации, японские медики достаточно быстро сумели оказаться на передовом крае мировой науки.

Открытие возбудителя чумы

В начале июня 1894 г. в Гонконге произошла вспышка неизвестной болезни, похожей на чуму, считавшуюся в то время вымершей. Поскольку Япония вела с Гонконгом активную торговлю, для исследования болезни была отправлена специальная миссия из шести человек во главе с Китасато, которая уже 12 июня прибыла в Гонконг.

² На сегодняшний день установлено, что ее вызывает дефицит тиамина (витамина В1).

Ситуация осложнялась тем, что несмотря на многочисленные смерти, местные обычаи запрещали вскрытие трупов. Поэтому японским врачам удалось выполнить патологоанатомические исследования только трех тел, причем тайно, чтобы избежать массовых волнений. При этом вскрытия проводились спустя 11 часов после смерти пациентов, ввиду чего образцы тканей были контаминированы (загрязнены) посторонней микрофлорой и, соответственно, выделение возбудителя (этиологического агента эпидемии) не представлялось возможным. Тогда Китасато предложил иную стратегию: исследуя причину неизвестного инфекционного заболевания, следует сначала сравнить его с известными болезнями и определить, на какое из них оно больше всего похоже. И поскольку при данном заболевании имеет место воспаление селезенки, то оно больше всего похоже на сибирскую язву, возбудитель которой лучше всего выделяется из крови. Логика Китасато оказалась верной, и уже 20 июня возбудитель чумы был выделен из крови пациентов, а 7 июля черновик статьи, опубликованной в августе на английском языке в журнале *The Lancet* [Kitasato 1894], был вместе с культурами отправлен в Берлин Роберту Коху (рис. 4).

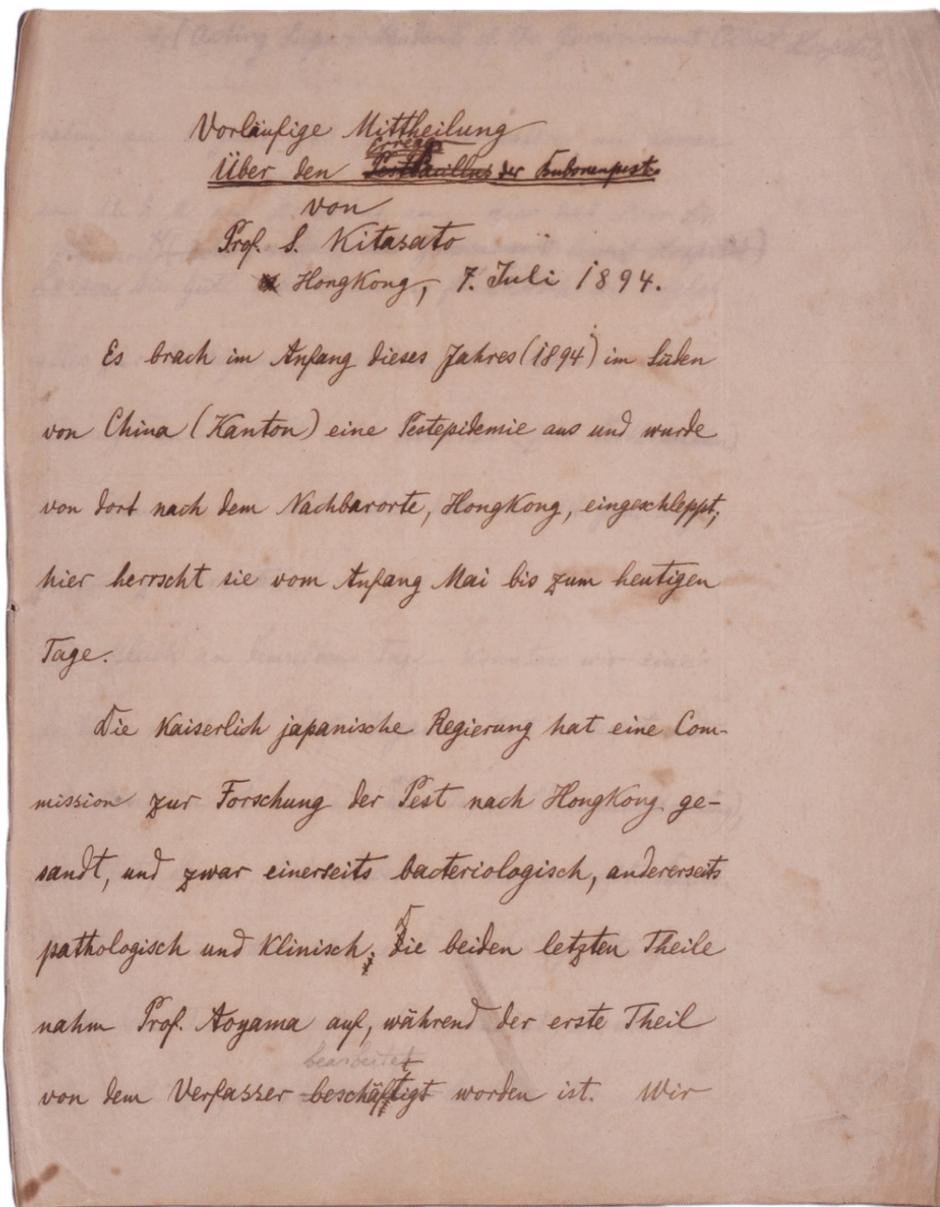

Рис. 4. Фрагмент черновика статьи Китасато Сибасабуру. Любезно предоставлено Мемориальным музеем Образовательной корпорации Института Китасато

Французский врач Александр Йерсен (1863–1943) прибыл в Гонконг на несколько дней позже Китасато и имел сложности с допуском в медицинские учреждения. Сложно сказать, была ли в этом замешана японская миссия или препятствия чинила британская администрация города, которая углядела в работе француза нежелательное вмешательство извечной соперницы Великобритании. Йерсену пришлось работать в неподготовленной для исследований хижине, но он все-таки сумел изолировать культуру чумного микроба из содержимого бубона всего на несколько дней позднее Китасато, а также показать роль крыс в передаче инфекции. Результаты этой работы были опубликованы на французском языке в журнале *Annales de l'Institut Pasteur* [Yersin 1894].

Следует заметить, что стратегия Китасато позволяет получать образцы, причиняя минимум дискомфорта пациентам, однако требует высокого содержания бактерий в крови, что бывает только на последних стадиях заболевания. В этом смысле исследование содержимого бубона, осуществленное Йерсеном, надежнее и именно оно является приоритетным до настоящего времени. Однако поскольку даже прикосновение к бубону (не говоря о пункции) чрезвычайно болезненно, путь, выбранный Китасато, является более гуманным.

В научных работах того времени Китасато и Йерсен упоминаются как первооткрыватели чумного микроба. Однако в 1926 г. французский врач Эмиль Лагранж (?–?) публикует статью [Lagrange 1926], в которой ложно указал, что Китасато якобы отказался считать себя первооткрывателем. Сам же Китасато не предпринимал попыток добиться справедливости, считая это недостойным. В итоге его имя постепенно забылось, а роду, к которому принадлежит чумной микроб, было присвоено имя Йерсена – *Yersinia*.

Нельзя не отметить и ту важную роль, которую сыграл Китасато Сибасабуру в развитии санитарной охраны Японии. В своем докладе «Вспышка и искоренение чумы в Японии» он пишет: «Япония не знала о чуме до тех пор, пока в 1896 г. болезнь не была впервые завезена на одном из торговых кораблей из Гонконга³. С тех пор этот агент проникал в страну 36 раз» [Kitasato 1906, p.1]. Однако сколько-то крупные вспышки были зафиксированы только в Кобе (1899), Иокогаме (1902) и Токио (1905), а с 1929 г. случаи инфицирования не регистрировались. Чтобы понимать масштаб этого достижения, следует сказать, что, например, во Вьетнаме, куда чумной микроб впервые «прибыл» примерно в это же время, достичь аналогичного результата смогли только к 2005 г.

Успех Японии в борьбе с чумой стал возможен благодаря организации противоэпидемических мероприятий. Китасато Сибасабуру утверждал, что «в борьбе с чумой нельзя полагаться только на карантин в портах, каким бы строгим и полным он ни был, поэтому необходимо совершенствовать общие меры обеспечения против инфекционных болезней по всей стране» [Kitasato 1906, p. 7–9]. В каждом муниципалитете или префектуре были созданы советы по здравоохранению, отвечающие за все вопросы инфекционного профиля, изолированные больницы и лаборатории. Проводились профилактические мероприятия, включающие дезинфекцию и истребление крыс. Последняя мера поддерживалась путем выкупа пойманных крыс у населения: за одну крысу предлагалась награда в размере 5 сэн. Миска гречневой лапши (собы) стоила тогда 2 сэна. На ликвидацию одной вспышки выделялись значительные суммы – от 14 600 до 352 500 иен (т.е. до 17 млн мисок собы). Кроме того, была организована подготовка врачей по особо опасным инфекциям, и уже к 1906 г. было подготовлено 1293 специалиста, которые работали по всей стране [Kitasato 1906, p.9].

³ Речь идет о заводе на острове Формоза (совр. Тайвань), который по результатам японо-китайской войны отошел Японской империи. Непосредственно японских островов чумной микроб достиг только в 1899 г. (порт Кобе).

Визит Роберта Коха и его почитание в Японии

В апреле 1906 г. Китасато избрали президентом Японской объединенной медицинской ассоциации, а в 1908 г. он организовал путешествие по Японии своего учителя Роберта Коха (рис. 5). За время этого 74-дневного путешествия он побывал в Токио, Камакуре, Исэ, Нара, Киото, Кобе, Осаке, Нагое, Хиросиме и Иокогаме. Посетил святилища Исэ, Ицукусима (рис. 6), Футами Окитана и Никко Тосёгу, храмы Хорюдзи, Якусидзи, Тион-ин, Кодайдзи и Киёмидзудэра. Особенно Коху понравилось в Камакуре, где он много рыбачил, хотя о посещении им знаменитых храмов Камакуры нам ничего не известно. Именно здесь он познакомился с Мураки Хана, которая по просьбе Китасато, отправилась в Берлин в качестве горничной, поскольку последний беспокоился о здоровье своего учителя [*Friend...* 2018].

Рис. 5. Роберт Кох и его вторая жена Хедвиг Фрайберг (1872–1945). Съемка 22 августа 1906 г. в студии Маруки Риё в Токио. Любезно предоставлено Институтом Роберта Коха

Рис. 6. Роберт Кох и Китасато Сибасабуру в святилище Ицукусима. Любезно предоставлено Мемориальным музеем Образовательной корпорации Института Китасато

Изначально планировалось, что Кох с супругой пробудут в Японии до сентября, откуда отправятся в Китай, но приглашение Коха на международную конференцию по туберкулезу в Вашингтоне помешало этим планам. Кох покинул Японию 24 августа. В своем письме врачу Бернгарду Проскауэру (1851–1915) от 2 октября 1908 г. Китасато Сибасабуру написал: «Я думаю, что они [супруги Кохи] были вполне счастливы в Японии» [Kitasato 1908].

Через два года, 27 мая 1910 г., Роберт Кох скончался в Баден-Бадене. Опечаленный этим известием, Китасато на территории возглавляемого им Института построил в память о почившем учителе святилище (рис. 7). В качестве «символа божества» (*синтай*) он поместил туда прядь его волос, скрытно взятых у цирюльника во время путешествия Коха по Японии [Kunihiro 2016, p. 59; *The Philosophy...* 2021, p. 26]. Святилище предназначалось для почитания Коха, как покровителя Института.

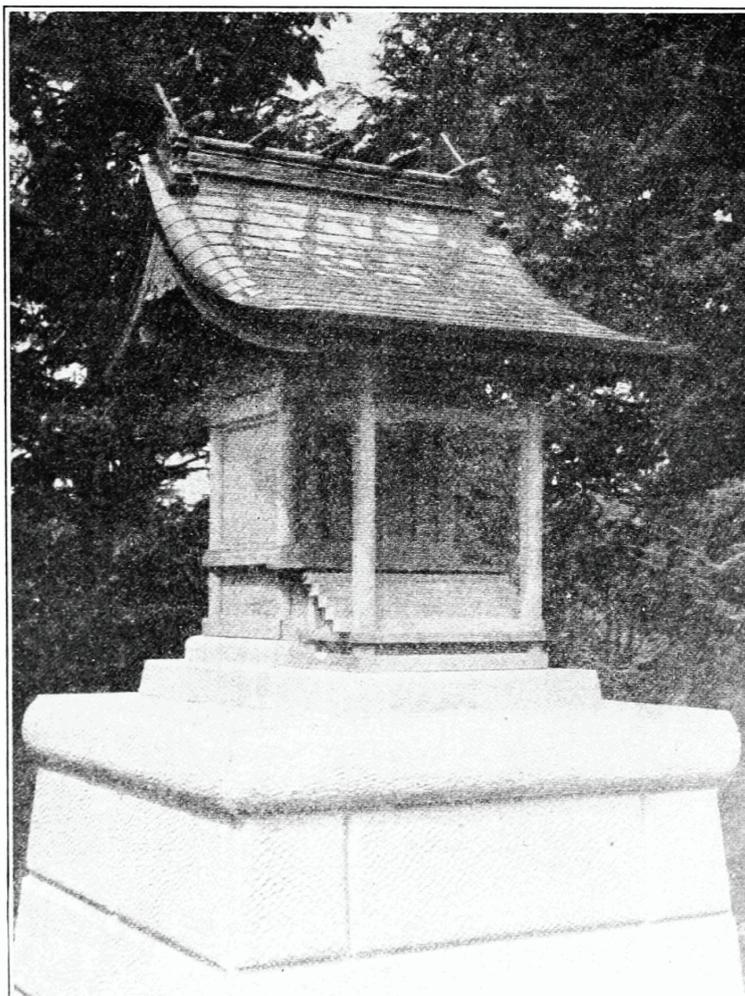

Рис. 7. Святилище Коха в 1912 г. Изображение приводится по [The Popular... 1912, p.311]

В связи с этим уместно упомянуть случай, который произошел во время поездки Коха в храм Якусидзи (Нара), известном своей статуей Якуси-нёрай – Будды-целителя. В газете «Осака майнити симбун» читаем: «[Н]екотрые [японцы] заявили, что изваяние Якуси с множеством маленьких Будд на его ореоле олицетворяет Коха и множество врачей, равняющихся на него. Когда Кох спросил, что они имеют в виду, все засмеялись. Кто-то пояснил, что Кох – словно живой Будда-целитель, обучающий врачей по всему миру»⁴ [Osaka... 1908].

Научно-исследовательский институт Китасато

В 1913 г. Китасато основал и стал президентом Японской ассоциации по борьбе с туберкулезом. В ноябре следующего года возглавляемый им Институт инфекционных болезней был передан в ведение Министерства просвещения и подчинен Токийскому университету (с потерей функции санитарного органа). При этом надо понимать, что, хотя со времени скандала между Токийским университетом и Китасато прошел уже 21 год, и на посту президента университета сменилось уже семь человек, Китасато все еще был отщепенцем в медицинском мире и поэтому он был вынужден уйти с поста директора института. После этого он основал

⁴ Осака Асахи симбун, 06.08.1908.

первый частный медицинский институт, получивший название Китасато кэнкюдзё – Научно-исследовательский институт Китасато. Именно в нем он сможет полноценно реализовать те принципы медицинской теории, которые провозгласил еще в студенческие годы.

Церемония открытия Института Китасато состоялась 11 декабря того же года, в день рождения Роберта Коха. Даже построенное здание внешне напоминало Институт инфекционных болезней в Берлине, ныне носящий имя Роберта Коха, где Китасато проходил стажировку [*Kinda i Nihon...* 2022]. Символом нового института стали две барабанные палочки (схематичное изображение *Clostridium tetani*), окруженные двумя лавровыми ветвями. Сюда же перенесли и святилище Коха.

В апреле 1917 г. Китасато создал медицинский факультет в университете Кэйо, а в ноябре 1923 г. основал и стал первым президентом Японской медицинской ассоциации. Через три года скончалась его жена, а 13 июня 1931 г., от кровоизлияния в головной мозг, в возрасте 78 лет, скончался и сам Китасато Сибасабуро. Его похоронили на кладбище Аояма в Токио.

Святилище Китасато

Сотрудники Института Китасато построили рядом со святилищем Коха и святилище в память о Китасато. Однако во время Второй мировой войны, в марте 1945 г., оно сгорело, и два святилища объединили в одно. С тех пор оно несколько раз переносилось и обновлялось. На своем нынешнем месте на территории кампуса Сироканэ в Токио оно находится с 27 мая 2015 г., а последнее обновление состоялось 26 марта 2019 г. (рис. 8). В 1994 г. на территории кампуса Китамото был открыт филиал святилища Коха – Китасато. Он больше по площади и даже имеет собственные *тории* (рис. 9). Оба ученых почитаются как ками – хранители Объединенной корпорации Института Китасато. В качестве храмовых праздников установлено две даты: 27 мая (день рождения Роберта Коха) и 13 июня (день кончины Китасато Сибасабуро) [*The Philosophy...* 2021, p.26].

Рис. 8. Святилище Коха – Китасато на территории кампуса Сироканэ в Токио, обновленное в 2019 г. Любезно предоставлено Эндо Руми, куратором Мемориального музея Образовательной корпорации Института Китасато

Рис. 9. Тории филиала святилища Коха-Китасато на территории кампуса Китамото.
Любезно предоставлено Эндо Руми, куратором Мемориального музея
Образовательной корпорации Института Китасато

Культ Китасато Сибасабуру интересен еще и тем, что второй первооткрыватель чумного микроба, Александр Йерсен, прославлен в качестве бодхисаттвы в рамках вьетнамского буддизма махаяны и в качестве духа – покровителя местности (*thành hoàng*) в рамках вьетнамской народной религии, что было относительно недавно обнаружено Еленой Витальевной Гордиенко [Гордиенко 2021]. Учитывая, что в Японии долгое время существовал синкретизм синтоизма и буддизма, который в том или ином виде существует и в наши дни, можно сказать, что посмертная судьба обоих ученых оказалась весьма схожа, хотя при жизни они виделись лишь однажды и не поддерживали общения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гордиенко Е.В. Европейец во вьетнамском пантеоне: культ бактериолога Александра Йерсена (1863–1943) в современном Вьетнаме // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. №9. С.25–48. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2021-9-25-48>

REFERENCES

Gordienko, E.V. (2021). *Evropeets vo v'etnamskom panteone: kul't bakteriologa Aleksandra Iersena (1863–1943) v sovremennom V'etname* [A European in the Vietnamese Pantheon: The Cult of Bacteriologist Alexandre Yersin (1863–1943) in Modern Vietnam]. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedeniye. Yazykoznaniiye. Kul'turologiya"*, 9, 25–48. (In Russian).

* * *

Behring, E. (1890). Untersuchungen über das Zustandekommen der Diphtherie-Immunität bei Thieren. *Dtsch Med Wochenschrift*, 50, 1145–1148. (In German).

- Behring, E., Kitasato, S. (1890). Über das Zustandekommen der Diphtherie-Immunität und der Tetanus-Immunität bei Thieren. *Dtsch Med Wochenschrift*, 49, 1113–1114. (In German).
- Bibel, D.J., Chen, T.H. (1976). Diagnosis of plague: an analysis of the Yersin-Kitasato controversy. *Bacteriology Reviews*, 40(3), 633–651. <https://doi.org/10.1128/br.40.3.633-651.1976>
- Friend and Ally – Shibasaburo Kitasato and Robert Koch*. (2018). Robert Koch Institute. Retrieved April 11, 2024, from https://www.rki.de/EN/Content/Institute/History/rk_kitasato.html
- Kindainihon igaku no senkaku-sha* [Pioneer of Modern Japanese Medicine]. (2022). Retrieved April 11, 2024, from <https://www.web-cata.com/kitasato/senkakusha/book/index.html#page=1> (In Japanese).
- Kitasato, S. (1894). The Bacillus of Bubonic Plague (Preliminary Notice). *The Lancet*, 1, 428–430.
- Kitasato, S. (1906). *Fighting plague in Japan. Reprinted from the New York Medical Journal for July 7*. A.R. Elliot Publishing Co. Manuscript K00233 from the collection of the Gakkō hōjin Kitasato kenkyūjo Kitasato Shibasaburō kinen hakubutsukan.
- Kitasato, S. (1906). *Nippon ni okeru pesuto no manen oyobi bokumetsu*. Manuscript K00094 from the collection of the Gakkō hōjin Kitasato kenkyūjo Kitasato Shibasaburō kinen hakubutsukan.
- Kitasato, S. (1908). *Autograph letter signed to Bernhard Proskauer, enclosing a photograph of Robert Koch in Japanese dress*. From the ZVAB collection. Retrieved April 11, 2024, from <https://www.zvab.com/Autograph-letter-signed-Bernhard-Proskauer-enclosing/31680420228/bd>
- Kolle, W. (1897). Zur Bacteriologie der Beulenpest. *Dtsch Med Wochenschr*, 23(10), 146–148. <https://doi.org/10.1055/s-0029-1204897>
- Kunihiro, M. (2016). Kohho-Kitasato jinja [Koch-Kitasato Shrine]. *Isotope News*, 741, 59. (In Japanese).
- Lagrange, E. (1926). Concerning the Discovery of the Plague Bacillus. *Journal of Tropical Medicine*, 29, 299–303.
- Mariko, O. (2003). *Robert Koch's 74 Days in Japan*. Mori-Ōgai-Gedenkstätte der Humboldt-Universität zu Berlin.
- Nakase, Y. (1995). *Kitasato Shibasaburo ni yoru pesuto kin hakken to sono shuhen* [Discovery of Kitasato Shibasaburo of the best bacteria and its surroundings]. *Nihon saikin-gaku zasshi* [Japanese Journal of Bacteriology], 50(3), 637–650. (In Japanese).
- Suzuki, U., Shimamura, T. (1911). *Nuka-chu no ichi yuko seibun ni jiute* [Active constituent of rice grits preventing bird polyneuritis]. *Tokyo kagaku kaishi* [Tokyo Chemical Society Journal], 32(1), 4–17. (In Japanese).
- Tanihara, H. (2013). *Mori ogai to Kitasato Shibasaburo, Komoto Jujiro: Gakumon-teki tairitsu to gakubatsu, soshite yujo ni tsuite* [Ogai Mori, Shibasaburo Kitasato, and Jujiro Kawamoto: On academic conflict, academic cliques, and friendship]. *Ganka* [Ophthalmology], 55(1), 1–4. (In Japanese).
- The Philosophy of the Kitasato Institute*. (2021). Kitasato Institute. Retrieved April 11, 2024, from <https://www.kitasato.ac.jp/jp/albums/abm.php?f=abm00036659.pdf&n=%E5%AD%A6%E6%A0%A1%E6%B3%95%E4%BA%BA%E5%8C%97%E9%87%8C%E7%A0%94%E7%A9%B6%E6%89%80%E3%80%80%E6%B3%95%E4%BA%BA%E3%83%91%E3%83%B3%E3%83%95%E3%83%AC%E3%83%83%E3%83%88.pdf>
- The Popular Science Monthly. Volume 81*. (1912). New York: Popular Science Pub. Co. Retrieved April 11, 2024, from <https://archive.org/details/popularsciencemo81newy>
- Yersin, A. (1894). La peste bubonique a Hong-Kong. *Ann Inst Pasteur (Paris)*, 8, 662–667. (In French).

Поступила в редакцию: 11.04.2024

Received: 11 April 2024

Принята к публикации: 02.07.2024

Accepted: 02 July 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-98-112

Опыт Японии в организации и стимулировании раздельного сбора твердых бытовых отходов (ТБО)

А.Н. Ларионова

Аннотация. В статье рассматриваются японская система обработки и утилизации твердых бытовых отходов (ТБО), а также работа с населением в сфере экологического просвещения. Проанализированы роли и ответственность сторон в деле обращения с ТБО. В Японии, в отличие от других стран, наблюдается активное участие государства в данном процессе. Обработка, сортировка и утилизация твердых бытовых отходов происходят на уровне муниципалитетов, что обусловлено особенностями исторического развития японского общества. Расширенная ответственность производителей предполагает их участие с момента разработки товара до его утилизации, а потребители обязаны сотрудничать с ними и органами местного управления путем правильной утилизации ТБО.

Нормативно-правовая база в сфере обращения с ТБО строится вокруг Основного закона о содействии формированию общества с устойчивым материальным циклом (ОУМЦ) и Закона о содействии эффективному использованию ресурсов, в котором сформулирована так называемая стратегия 3R, направленная на сокращение образуемых отходов, их повторное использование и переработку (Reduce, Reuse, Recycle). Анализ недавно принятых документов, в частности Закона о содействии обороту пластиковых отходов, демонстрирует, что в рамках концепции 3R особое внимание уделяется первым двум пунктам (2R): сокращению отходов и их повторному использованию, что успешно достигается благодаря высокому уровню экологической сознательности японских граждан и продуманной и многоаспектной просветительской работе с населением.

За последнее десятилетие в Японии наблюдается стабильное сокращение объемов твердых бытовых отходов, тем не менее, оставаясь одним из мировых лидеров в сфере обращения с ТБО, в данный момент она сталкивается с рядом сложностей, таких как низкий уровень переработки и значительный объем сжигаемых отходов. Делается вывод, что дальнейший прогресс в данной сфере невозможен без более четкого целеполагания по объему переработки ТБО, которое бы отвечало современным мировым стандартам.

Ключевые слова: циркулярная экономика, обращение с твердыми бытовыми отходами (ТБО), уровень переработки, 3R, общество с устойчивым материальным циклом (ОУМЦ).

Автор: Ларионова Алевтина Николаевна, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 11). ORCID: 0000-0001-7459-9763; E-mail: alevtina.n.larionova@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ларионова А.Н. Опыт Японии в организации и стимулировании раздельного сбора твердых бытовых отходов (ТБО) // Японские исследования. 2024. № 3. С. 98–112. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-98-112

Japan's experience in organizing and promoting separate accumulation of municipal solid waste (MSW)

A.N. Larionova

Abstract. The article considers the Japanese system of municipal solid waste management as well as work with the population in the field of environmental education. The roles and responsibilities of the parties in the management of municipal solid waste are analyzed. In Japan, unlike other countries, the state is deeply involved in the process. Sorting and disposal of waste occur at the municipal level due to the historical characteristics of the Japanese society. Extended producer responsibility requires their participation from product development to disposal, and consumers are required to cooperate with them and local authorities by properly disposing solid waste.

The regulatory framework in the field of MSW management is built around the Basic Act on Establishing a Sound Material-Cycle Society and the Law for Promotion of Effective Utilization of Resources, which formulates the 3R strategy, aimed at Reducing, Reusing, and Recycling of waste. An analysis of recently adopted documents, the Plastic Resource Circulation Act of 2021 in particular, demonstrates that special emphasis is placed on 2R: waste reduction and reuse, which is successfully achieved thanks to the high level of environmental awareness of Japanese citizens and thoughtful and multifaceted educational work with the population.

Over the past decade, Japan has seen a steady reduction of municipal solid waste. However, while remaining one of the world leaders in the field, it is currently faced with a number of difficulties, such as a low recycling rate and a significant volume of incinerated waste. It is concluded that significant progress in this area is impossible without clearer goal setting for the volume of solid waste processing that would meet modern world standards.

Keywords: circular economy, municipal solid waste (MSW), recycling rate, 3R, sound material-cycle society

Author: Larionova Alevtina N., PhD Candidate, HSE University (address: 11, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7459-9763; E-mail: alevtina.n.larionova@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Larionova, A.N. (2024). Opyt Yaponii v organizatsii i stimulirovanii razdel'nogo sbora tverdykh bytovykh otkhodov (TBO) [Japan's experience in organizing and promoting separate accumulation of municipal solid waste (MSW)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 3, 98–112. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-98-112

Введение

Проблема сортировки и переработки твердых бытовых отходов (ТБО) остается крайне актуальной во всем мире. По данным ООН, человечество ежегодно производит от 2,1 до 2,3 млрд т твердых бытовых отходов, из которых подконтрольно утилизируются только 61–62%¹. Во многом такие низкие показатели утилизации ТБО связаны со сложностью организации процесса сортировки и привлечения к этому широких слоев населения.

¹ International Day of Zero Waste 30 March // United Nations. <https://www.un.org/en/observances/zero-waste-day> (дата обращения: 09.07.2024).

Для Японии проблема утилизации отходов стоит особенно остро, так как сравнительно небольшая пригодная для проживания площадь при высокой концентрации на ней населения вкупе с влажным и теплым климатом практически не позволяют производить на территории страны мусорные захоронения [Тихоцкая 2016, с. 59]. В связи с этим ей пришлось пройти долгий и сложный путь, чтобы стать одним из современных лидеров в области управления отходами².

Различные аспекты экологической политики Японии исследовались отечественными учеными: И.С. Тихоцкой, Э.В. Молодяковой, И.Л. Тимониной и др. Отдельно рассматривались вопросы разработанной в Японии системы рециклирования ресурсов [Тихоцкая 2010, Тихоцкая 2015] и эволюции концепции циркулярной экономики [Тихоцкая 2010, Рязанова 2023]. Ряд исследований посвящены непосредственно проблемам переработки отходов [Тихоцкая 2013, Анищенко 2020] и системе обращения с ТБО, но в определенных японских регионах [Вишняков 2020].

Немаловажными в контексте рассматриваемой темы представляются работы, посвященные концепции японской бережливости «моттайнай» [Усанов Г.И. 2022], проблемам экологической этики [Насибулина 2023] и экологического образования [Алиев 2018], рассматривающие экологическое законодательство Японии [Скипин 2023].

В настоящей статье рассматривается система обращения с твердыми бытовыми отходами в Японии как краеугольный камень создания циркулярной экономики, или экономики замкнутого цикла, предполагающей изменение схемы производства и потребления с целью минимизации отходов и загрязнения окружающей среды.

Нормативно-правовая база раздельного накопления отходов в Японии

Япония впервые столкнулась с проблемой утилизации бытового мусора в послевоенный период, когда в результате стремительного экономического развития и высоких темпов урбанизации количество отходов стало ощутимо расти [Haddad 2019, p. 788]. В целях эффективного решения данной проблемы в Японии в 1954 г. был принят Закон об [общественной] уборке (*Сэйсо:хо:*), который был затем пересмотрен в 1966 г. Помимо утверждения традиционной системы сбора и утилизации отходов муниципалитетами, этот закон также обязал правительство и префектуры оказывать финансовую и технологическую поддержку муниципалитетам, а жителей – сотрудничать с районными властями в сборе и утилизации отходов.

Развитие производства вкупе с увеличением доходов населения способствовало окончательному переходу японского общества к модели массового потребления, которая подразумевала также значительное увеличение количества отходов. В целях разработки основ системы контроля над образованием отходов, разграничения обязанностей сторон и введения стандартов переработки, правительство Японии в 1970 г. инициировало значительные изменения в Закон об [общественной] уборке, которые нашли отражение в Законе об утилизации отходов (*Хайкибуцу сёрихо:*). Все отходы были разделены на две основные группы: промышленные и коммунальные, ответственность за обращение с бытовыми отходами, как это и было ранее, ложилась на муниципалитеты, в то время как утилизация промышленных отходов стала полностью обязанностью производителей.

В результате увеличения потребления и дальнейшего расширения производства периода конца 1980-х – начале 1990-х гг., получившего название «экономика мыльного пузыря», количество отходов в Японии продолжало увеличиваться [Haddad 2019, p. 788]. Кроме

² Global Waste Index 2022 // Sensoneo. <https://sensoneo.com/global-waste-index/> (дата обращения: 15.04.2024).

того, номенклатура товаров, подлежащих утилизации, была расширена, в том числе за счет крупногабаритной бытовой техники, а также использования большого количества упаковочных материалов. Из-за роста объемов отходов особо остро встала проблема нехватки свалок. С целью комплексного решения данных проблем правительство Японии приняло решение сместить акцент с утилизации на сокращение образования отходов, что было закреплено в очередной редакции Закона об утилизации отходов 1991 г.

Закон о содействии использованию вторично переработанных ресурсов (*Сайсэй сигэнриё: сокусинхо:*), который также был принят в 1991 г., обязал предприятия учитывать экологический фактор на этапах проектирования и производства товаров, а также установил правила для самостоятельного сбора и переработки отходов производителями. Цель этих правил состояла в том, чтобы обеспечить эффективное использование ресурсов, уменьшить образование отходов и защитить окружающую среду.

Кроме того, осознание необходимости отказа от экономической системы, основанной на массовом производстве, массовом потреблении и массовом образовании отходов, выразилось в принятии в 2000 г. Основного закона о содействии формированию общества с устойчивым материальным циклом (*Дзюнкангата сякай кэйсэй суйсин кихонхо:*). Под ОУМЦ понимается общество, в котором «потребление природных ресурсов и ущерб, наносимый окружающей среде, могут быть сведены к возможному минимуму» [Тихоцкая 2010, с. 61]. В нем в первую очередь четко разграничивалась ответственность государства, региональных и местных властей, производителей и потребителей в рамках природоохранной деятельности. Также давалось определение устойчивому материальному циклу, состоящему из пяти этапов: 1) сокращение отходов; 2) повторное использование; 3) переработка; 4) переработка отходов в энергоресурсы; и 5) надлежащая утилизация.

В 2000 г. был также пересмотрен Закон о содействии использованию вторично переработанных ресурсов и принят новый Закон о содействии эффективному использованию ресурсов (*Сигэн ю:ко:риё: сокусинхо:*). В нем впервые была сформулирована так называемая стратегия 3R, названная так по трем первым буквам английских слов: Reduce (сокращение образуемых отходов), Reuse (повторное использование товаров) и Recycle (переработка отходов и превращение их в сырье для производства новых товаров). Концепция 3R заменила существовавшую ранее концепцию 1R, согласно которой главной целью была только переработка полученных отходов, а не предотвращение их массового образования.

В 2003 г. был сформулирован Базовый план по созданию общества с устойчивым материальным циклом (*Дзюнкангата сякай кэйсэй суйсин кихон кэйкаку*) – пятилетняя программа, разработанная национальным правительством с целью согласования стратегии развития общества устойчивого материального цикла в соответствии с основным рамочным законом. В первом Плане 2003 г. была дана характеристика общества устойчивого материального цикла, подробно описаны роли всех заинтересованных сторон – государства, граждан, производителей и НКО – в его создании, а также введены количественные показатели для оценки прогресса³. Во втором Плане 2008 г. в связи с повышением важности снижения выбросов углеродов в атмосферу была предпринята попытка объединения трех рамочных концепций: ОУМЦ, общества с низким уровнем выбросов углеродов и общества, сосуществующего с природой⁴. В третьем Плане 2013 г. было уделено внимание проблеме утилизации отходов, образующихся в результате стихийных бедствий, что было связано с последствиями Великого

³ Junkangata shakai keisei suishin kihon keikaku (Heisei 15-nen sangatsu) [Fundamental Plan for Establishing a Sound Material-Cycle Society (March 2003)] // Ministry of the Environment. <https://www.env.go.jp/recycle/circul/keikaku/index.html> (дата обращения: 15.04.2024).

⁴ Junkangata shakai keisei suishin kihon keikaku (Heisei 20-nen sangatsu) [Fundamental Plan for Establishing a Sound Material-Cycle Society (March 2008)] // Ministry of the Environment. <https://www.env.go.jp/content/900532573.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

восточно-японского землетрясения, произошедшего в 2011 г.⁵ В четвертом Плане 2018 г. был введен ряд новых количественных индикаторов, а также подробно рассмотрен жизненный цикл различных ресурсов: пластика, металлов, биомасс и пр.⁶

Следует отметить, что с каждым новым Планом число аспектов при рассмотрении проблем, связанных с утилизацией твердых бытовых отходов, увеличивалось, в частности все больше внимания уделялось изменению общественного сознания и экологическому просвещению населения. В 2024 г. планируется принятие пятой редакции Базового плана по созданию общества с устойчивым материальным циклом, в котором предполагается сделать акцент на региональную и международную кооперацию в сфере обращения с отходами⁷.

Помимо рамочной концепции по обращению с ТБО и соответствующих нормативно-правовых актов, в Японии действует специализированное законодательство:

- Закон о переработке контейнеров и упаковки (*Ё:ки хо:со: рисайкурухо:*) 1995 г. определяет роль и ответственность сторон, устанавливает схему сортировки использованной тары потребителями, отдельный сбор ее муниципалитетами и утилизацию полученных отходов производителями. Также Закон стимулирует стороны проводить мероприятия по сокращению образования отходов. Наиболее важной характеристикой Закона об утилизации тары и упаковки было то, что в нем впервые в стране была юридически закреплена концепция расширенной ответственности производителя, согласно которой они несут юридическую и финансовую ответственность за переработку отходов, образовавшихся в результате использования произведенных ими товаров.
- Закон об утилизации бытовых приборов (*Кадэн рисайкурухо:*) 1998 г. предписывает потребителям доставлять использованную бытовую технику в магазины и оплачивать ее переработку розничным продавцам, которые, в свою очередь, доставляют принятые к переработке отходы производителям или импортерам.
- Закон о переработке строительных материалов (*Кэнсэцу рисайкурухо:*) 2000 г. определяет обязанности подрядчиков и заказчиков при сносе или строительстве зданий, в том числе при сортировке строительного мусора и утилизации строительных отходов.
- Закон о переработке пищевых продуктов (*Сёкухин рисайкурухо:*) был также принят в 2000 г. с целью сокращения образования пищевых отходов и их переработки, в первую очередь в корма и удобрения.
- Закон об утилизации автомобилей (*Дзидо:ся рисайкурухо:*) 2002 г. обязал автовладельцев заранее оплачивать производителям переработку определенных запчастей автомобиля, а тех, в свою очередь, принять их и должным образом утилизировать.
- Закон о переработке мелкой бытовой техники (*Когата кадэн рисайкурухо:*) 2012 г. регулирует схему сбора и переработки отходов, предполагающую восстановление полезных металлов, содержащихся в этих устройствах, и их дальнейшее использование, а также определяет особый способ утилизации опасных веществ, содержащихся в технике.
- В 2021 г. в связи с ужесточением проблем мировой экологии из-за утилизации пластика (в частности, загрязнения вод микропластиком и глобального потепления в результате его сжигания) был принят отдельный Закон о содействии обороту пластиковых отходов

⁵ Junkangata shakai keisei suishin kihon keikaku (Heisei 25-nen gogatsu) [Fundamental Plan for Establishing a Sound Material-Cycle Society (May 2013)] // Ministry of the Environment. <https://www.env.go.jp/content/900532574.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

⁶ Junkangata shakai keisei suishin kihon keikaku (Heisei 30-nen rokugatsu) [Fundamental Plan for Establishing a Sound Material-Cycle Society (June 2018)] // Ministry of the Environment. <https://www.env.go.jp/content/900532575.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

⁷ Aratana junkangata shakai keisei suishin kihon keikaku no sakutei jōkyō ni tsuite [Status of formulation of the new Fundamental Plan for Establishing a Sound Material-Cycle Society] // Ministry of the Environment. https://www.env.go.jp/council/content/i_02/000173190.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

(*Пурасутикку сигэн дзюнкан сокусинхо*:). В данном случае более уместным кажется перевод слова *дзюнкан* (循環), используемого в термине «общество устойчивого материального цикла», как «оборот», так как акцент делается не на конечной переработке пластиковых отходов, а на повторном использовании товаров из пластика на протяжении всего их жизненного цикла, от проектирования до переработки.

Также японским правительством рассматриваются возможности внедрения переработки отдельных групп ТБО, например, мобильных телефонов или одноразовых подгузников, и проводятся точечные кампании по привлечению к этому населения.

Система раздельного накопления ТБО и ответственность сторон

Обязанности по обработке отходов в Японии распределяются между различными участвующими субъектами: центральным правительством, региональными и местными органами власти, производителями и потребителями. Правительство собирает и анализирует информацию об отходах, принимает законы и подзаконные акты, разрабатывает национальные стратегии и оказывает поддержку префектурам (региональный уровень) и муниципалитетам (местный уровень). Префектуры помогают муниципалитетам, выдают разрешение на строительство мусороперерабатывающих заводов, следят за утилизацией промышленных отходов на их территории.

Муниципальные органы власти в Японии отвечают за сбор, обработку и утилизацию твердых бытовых отходов в районах, находящихся под их юрисдикцией. В целом система управления отходами в Японии глубоко укоренена в принципе местной самодостаточности [Watanabe 2014, p. 5]. В связи с этим инструкции по сортировке ТБО не одинаковы по всей Японии и варьируются от города к городу. Сбор, утилизация и переработка мусора преимущественно реализуются локальными операторами, так как для транспортировки отходов в другие районы потребуется разрешение местных органов власти, и данные инициативы могут столкнуться с недовольством со стороны их жителей.

Действует концепция «расширенной ответственности производителя», которая предполагает контроль за товаром с момента его производства до утилизации [Тихоцкая 2010, с. 43]. Производители товаров обязаны разрабатывать продукцию и упаковку для нее, которая легко поддается переработке, снабжать их маркировкой, чтобы покупатель мог определить, к какой категории отходов они относятся. Производители бытовой техники должны собирать и перерабатывать произведенную или импортированную ими бытовую технику. Средние и малые предприятия, которые произвели или импортировали менее определенного количества единиц товаров, могут возложить эту ответственность на специализированные органы, например, Ассоциацию производителей бытовой электротехники (Association for Electric Home Appliances – АЕНА), которая также перерабатывает бытовые приборы, произведенные предприятиями, которые больше не представлены на рынке или не могут быть идентифицированы.

Потребители, как и производители, несут ответственность за утилизацию отходов и обязаны сотрудничать с центральными и местными органами управления путем правильной утилизации ТБО. Весь бытовой мусор разделяется домохозяйствами по системе, которая предлагается их муниципальными властями. Частота вывоза бытового мусора также зависит от муниципалитета. Все виды отходов вывозятся в строго определенные для них дни согласно разработанному в каждом муниципалитете расписанию. Домохозяйства очищают твердые бытовые отходы от органических остатков и раскладывают их в пакеты, которые затем обрабатываются на мусоросборочных станциях.

Пример Токийской метрополии

Система сортировки отходов в Японии отличается от общемировой практики и зачастую различается в зависимости от региона. Например, в Токийской метрополии, включающей 23 района, выделяются четыре основные группы ТБО: сжигаемые (*моэру*) и не сжигаемые (*моэнай*), перерабатываемые (*рисайкуру*) и крупногабаритные (*содай*) отходы. Сжигаемый мусор включает отходы, которые не подлежат вторичной переработке, например, пищевые отходы, и подлежат утилизации путем сжигания. Не сжигаемые не перерабатываемые отходы, например, бывшая в использовании керамика или металлические изделия, проходят сортировку, и часть из них перерабатывается, но основная масса также сжигается или утилизируется путем захоронения на полигонах. Перерабатываемые отходы, такие как стекло, бумага, ПЭТ-бутылки, пластик и т.д., утилизируются отдельно. Сбор и переработка твердых бытовых отходов за исключением крупногабаритных предметов и вышедшей из употребления бытовой электротехники бесплатны в объемах до 10 кг в день. Крупногабаритные отходы не могут быть утилизированы в обычном порядке, граждане обязаны запросить муниципалитет об их вывозе и заплатить за эту услугу⁸.

Каждый район Токийской метрополии отвечает за сбор и хранение твердых бытовых отходов проживающих там жителей, а их переработка осуществляется совместными усилиями под контролем столичных властей [Вишняков 2020, с. 3]. Каждый из муниципалитетов делится на подрайоны, в каждом из которых существует собственное расписание вывоза отходов по дням недели. Мусор необходимо подготовить для сбора и выложить в указанном месте утром в день сбора (делать это накануне не разрешается). Мусор вывозится ежедневно (за исключением новогодних праздников) в любую погоду (кроме тайфунов).

Услугу утилизации крупногабаритных отходов жителям необходимо заказывать заранее, а за сбор данного вида мусора взимается плата. После оформления бронирования в Центре приема крупногабаритных отходов (подача заявок для вывоза некоторых из них стала доступна и через Интернет) необходимо прикрепить полученные после оплаты услуги бирки к отходам и поместить их в положенное место в день сбора. Существуют программы снижения пошлин по утилизации крупногабаритного мусора для жертв стихийных бедствий и социально незащищенных лиц.

Четыре основных предмета бытовой техники: кондиционеры, телевизоры, холодильники (морозильные камеры) и стиральные (сушильные) машины для белья не относятся к крупногабаритным отходам и должны быть утилизированы в соответствии с Законом об утилизации бытовых электроприборов. В случае замены этих товаров на новые производители электроприборов предлагают данную услугу в момент покупки. В случае окончательной утилизации гражданам необходимо передать технику производителю. При необходимости можно через муниципалитет обратиться за услугой вывоза или же оплатить услугу транспортировки и утилизации.

Система оплаты за утилизацию товара после его использования обусловлена двумя причинами. Во-первых, это позволяет производить сборы за утилизацию крупногабаритных товаров, которые были проданы до принятия закона. Во-вторых, система постоплаты позволяет учитывать длительные периоды использования некоторых товаров, во время которых могут измениться стоимость сбора и переработки, отражая тем самым истинную стоимость данной услуги.

Помимо сбора, организуемого муниципалитетами, жители также имеют возможность бесплатно привезти свой мусор в пункты сбора, установленные в муниципальных учреждениях

⁸ Waste Report 2023. Towards a recycling-oriented society // Clean Authority of Tokyo. <https://www.union.tokyo23-seisou.lg.jp/seiso/seiso/pamphlet/report/documents/english.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

(обычно для определенных видов отходов, таких как, например, текстиль) или принять участие в групповом сборе (волонтеры собирают и передают вторсырье перерабатывающим компаниям). В таких общественных местах, как парки, возле торговых автоматов или в магазинах можно встретить частные контейнеры для мусора. Такие отходы не собираются муниципалитетами, а передаются на переработку арендаторами, предоставляющими реализуемые на месте товары или услуги. Они же настоятельно просят не использовать подобные контейнеры для личных отходов, не относящихся к их бизнесу. Общественные мусорные контейнеры как таковые исчезли с улиц страны в 1995 г. в качестве меры по борьбе с терроризмом после атаки в Токийском метро. Среди граждан принято нести ответственность за свои отходы и либо сразу отдавать упаковку товара продавцу, либо приносить мусор с собой домой с улицы для дальнейшей сортировки.

Информационная работа с населением и экологическое просвещение

В японской концепции ОУМЦ важное место занимает изменение мировоззренческих установок общества [Рязанова 2023, с. 6]. В то время как во многих странах большую роль в экологическом просвещении населения играют некоммерческие и негосударственные акторы, а также СМИ, в Японии правительственные структуры не только отвечают за нормативно-правовое регулирование и обеспечивают условия для сортировки и раздельного сбора ТБО, но и принимают непосредственное участие в продвижении этих инициатив. На государственном уровне пропагандируется раздельный сбор мусора посредством выпуска пояснительных материалов и распространения их среди населения. Муниципалитеты несут ответственность за продвижение мер по сокращению количества отходов среди своих жителей. Представители муниципальных органов проводят собрания, где подробно рассказывают о необходимости раздельного сбора мусора, законодательной базе и основных правилах сортировки твердых бытовых отходов. Вся необходимая справочная информация размещается в Интернете в соответствующих разделах сайтов муниципалитетов.

Правительство всячески стимулирует население к реализации концепции 3R в повседневной жизни. Чтобы уменьшить количество твердых бытовых отходов, граждан призывают покупать только те товары, которые им необходимы, по возможности использовать многоразовые сумки и контейнеры (в каждом магазине предоставляется возможность переложить в них купленные товары и оставить одноразовую упаковку производителю для утилизации). Платный вывоз крупногабаритного мусора и бытовой техники стимулирует японцев сдавать их для повторного использования в специальные муниципальные пункты приема и со своей стороны бережно обращаться с имуществом, приобретать бывшие в употреблении товары или оборудование с переработанными деталями.

Считается, что философия *моттаинай* (бережливости) традиционно присуща японцам, однако за достаточно продолжительный период экономического роста общество почти полностью переключилось на модель массового потребления [Тихоцкая 2013, с. 53]. В силу таких особенностей менталитета, как педантичность и внимание к деталям, японцы привыкли к индивидуально упакованным товарам, в связи с чем многие продукты продаются в избыточной упаковке, зачастую пластиковой. В связи с этим вступление в силу Закона о содействии обороту пластиковых отходов сопровождалось разъяснительной кампанией, а к широко пропагандируемым принципам 3R добавилось еще одно английское слово: Renewable, означающее, с одной стороны, призыв к многократному использованию пластиковых изделий, а с другой – замену их на более экологичные материалы. Согласно Закону, со стороны производителей пластмассовых изделий предполагается разработка более экологичного дизайна товара для его многоразового использования, а со стороны потребителей – отказ

от использования таких пластиковых изделий, как пакеты, одноразовые приборы (всего 12 наименований), которые теперь не предоставляются при приобретении товаров или услуг бесплатно.

Правила обращения с твердыми бытовыми отходами внедрены в школьную программу как часть реализации концепции «образования в целях устойчивого развития» (Education for Sustainable Development, ESD) – глобальной инициативы ООН по повышению уровня экологического сознания людей с целью достижения целей устойчивого развития (ЦУР). Для детей выпускаются специальные учебники и видеоролики, посвященные концепции 3R, где в форме игры объясняется необходимость и основные принципы раздельного сбора ТБО. Во время дежурств в школе ученики сами разбирают и сортируют мусор, который остается после обедов, тем самым получая навыки, которые пригодятся им в дальнейшей жизни.

На мусороперерабатывающих заводах проводятся образовательные экскурсии, в первую очередь для школьников. Сами заводы выглядят привлекательно, рядом с ними открывают парки и строят бассейны, где по возможности используется вырабатываемая при сжигании мусора электроэнергия.

В Японии даже существует специальная награда, которая присуждается отдельным лицам, группам лиц, школам, компаниям и т.д., проявившим особую оригинальность или усердие в деле продвижения концепции 3R. Организаторами выступают Совет по сокращению, повторному использованию и переработке, а также семь смежных министерств, включая Министерство экономики, торговли и промышленности, Министерство финансов, Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий, Министерство здравоохранения, труда и благосостояния, Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства, Министерство земельных ресурсов, инфраструктуры, транспорта и туризма, а также Министерство окружающей среды.

Наказания за нарушение требований по раздельному накоплению и переработке отходов определяются национальным законодательством и единообразны для всех муниципалитетов. Согласно Закону об утилизации отходов, предусматривается максимальное наказание за незаконную утилизацию отходов для физических лиц – до 5 лет лишения свободы или штраф в размере до 10 млн иен (наказания могут быть применены одновременно), для юридических лиц – штраф в размере до 300 млн иен. Тем не менее штрафы применяются преимущественно за незаконную утилизацию в крупных размерах, а разовое правонарушение или даже систематическое игнорирование правил сортировки и утилизации ТБО станет, скорее, предметом общественного порицания [Шевелева 2014, с. 58].

Муниципалитеты принимают превентивные меры против незаконной утилизации твердых бытовых отходов. Они включают повышение осведомленности граждан посредством использования плакатов и листовок и создание системы патрулирования и отчетности на основе сотрудничества между муниципальной администрацией и гражданами. Если сотрудник управляющей компании обнаружит несоответствие в классификации выброшенных отходов или во времени их утилизации, он может отказаться от сбора мусора и выписать соответствующее уведомление домовладельцам.

Современная ситуация с образованием и переработкой отходов

Министерство окружающей среды Японии ежегодно публикует отчет, где обобщает результаты анализа состояния сбора и переработки отходов по всей стране. 28 марта 2024 г. был опубликован отчет Об объеме муниципальных отходов и ситуации с их переработкой за 2022 фин. г. (1 апреля 2021 – 31 марта 2022 гг.). Как видно из графика ниже, в целом за последнее десятилетие в Японии наблюдается стабильное сокращение количества отходов, в том числе ТБО (рис. 1).

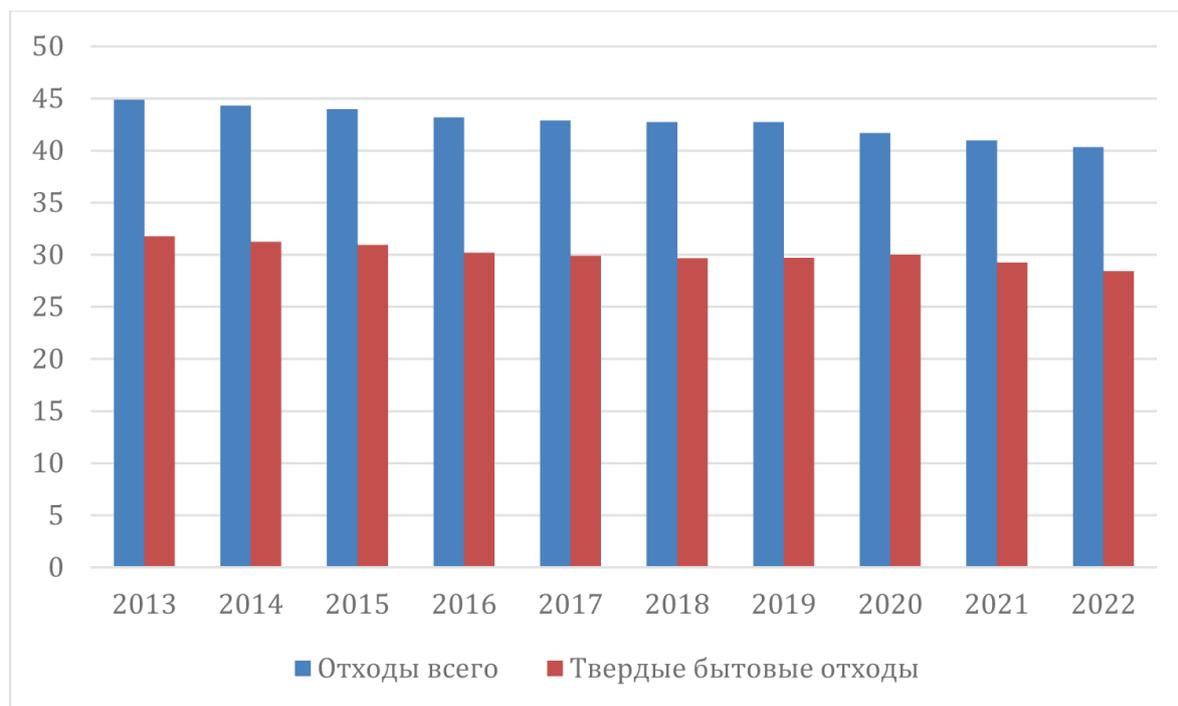

Рис. 1. Динамика объема отходов в Японии по годам (млн тонн)

Составлено автором на основе: Ippan haikibutsu shori jigyo jittai chosa no kekka (reiwa 4-nendo) ni tsuite [About municipal solid waste generation and disposal in FY2022] // Ministry of the Environment. <https://www.env.go.jp/content/000123409.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

Общее количество отходов в 2022 фин. г. составило 40,34 млн т, что на 1,5% меньше, чем годом ранее. Объем твердых бытовых отходов составил 28,41 млн т, что также демонстрирует снижение на 2% по сравнению с 2021 фин. г. При этом данные отходы (*сэйкацукэй гоми*) включают не только отходы домохозяйств (*катэй гоми*), но также часть отходов, возникающих в ходе предпринимательской деятельности (например, остатки еды сотрудников компаний, использованная писчая бумага и пр.), которые при этом не относятся к категории промышленных отходов (*дзигё:кэй гоми*) и также утилизируются силами муниципалитетов.

На фоне сокращения объема отходов наблюдается также стабильное уменьшение ТБО на человека в день (рис. 2), что, учитывая ежегодную убыль населения страны⁹, может говорить об эффективности политики по стимулированию населения к сокращению производства отходов и твердых бытовых отходов, в частности.

Из общего объема собранных отходов в Японии 99,1% были полностью или частично обработаны (посредством сортировки, компостирования)¹⁰, что представляет собой очень высокий показатель. В то же время коэффициент переработки, или коэффициент рециркуляции, в Японии, который отражает отношение переработанных отходов к общему объему отходов, в 2022 фин. г. составил всего 19,6%¹¹. Для стран ОЭСР, соответствующих Японии по уровню социально-экономического развития (а, значит, также в целом и по объему потребления),

⁹ Jinko suikei 2024-nen (Reiwa 6-nen) sangatsu ho [Population Estimates – March 2024 Report] // Statistics Bureau of Japan. <https://www.stat.go.jp/data/jinsui/pdf/202403.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁰ Ippan haikibutsu shori jigyo jittai chosa no kekka (reiwa 4-nendo) ni tsuite [About municipal solid waste generation and disposal in FY2022] // Ministry of the Environment. <https://www.env.go.jp/content/000123409.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

¹¹ Ibid.

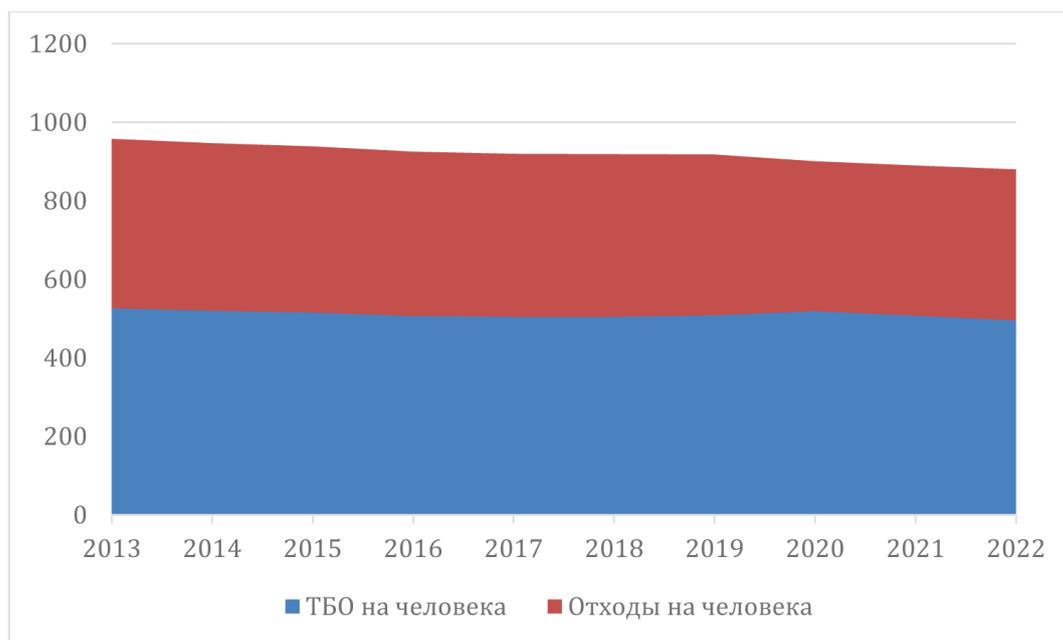

Рис. 2. Удельные показатели отходов и ТБО на человека (граммы в день)

Составлено автором на основе: *Irpan haikibutsu shori jigyo jittai chosa no kekka (reiwa 4-nendo) ni tsuite* [About municipal solid waste generation and disposal in FY2022] // Ministry of the Environment. <https://www.env.go.jp/content/000123409.pdf>. (дата обращения: 15.04.2024).

это довольно низкий показатель¹². Более 80% отходов в Японии продолжает сжигаться¹³, а количество мусоросжигающих заводов за последнее десятилетие сократилось не столь значительно – всего на 156 единиц, или порядка 13% (табл. 1).

Таблица 1. Число мусоросжигательных заводов в Японии

Фин. г.	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Единиц	1172	1162	1141	1120	1103	1082	1070	1056	1027	1016

Составлено автором на основе: *Irpan haikibutsu shori jigyo jittai chosa no kekka (reiwa 4-nendo) ni tsuite* [About municipal solid waste generation and disposal in FY2022] // Ministry of the Environment. <https://www.env.go.jp/content/000123409.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

С одной стороны, такой низкий уровень рециркуляции при почти стопроцентной обработке отходов может быть связан с особенностями японского общества, где принято следовать закрепившимся практикам в случае, если они сохраняют свою эффективность. Тем временем подобная приверженность традициям в данном случае может стать серьезным сдерживающим фактором для внедрения новых стандартов обращения с отходами, принятых в мире [Рязанова 2023, с. 6].

¹² Recycling rate of packaging in Japan in fiscal year 2021, by material // Statista. <https://www.statista.com/statistics/1182829/japan-recycling-rate-by-material/#:~:text=Recycling%20rates%20remain%20low%20in%20Japan&text=However%2C%20the%20overall%20recycling%20rate,recycling%20rates%20among%20OECD%20countries> (дата обращения: 15.04.2024).

¹³ *Irpan haikibutsu shori jigyo jittai chosa no kekka (reiwa 4-nendo) ni tsuite* [About municipal solid waste generation and disposal in FY2022] // Ministry of the Environment. <https://www.env.go.jp/content/000123409.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

С другой стороны, был отмечен следующий парадокс: японские муниципалитеты с избыточными мусоросжигательными мощностями перерабатывают меньше отходов, чем муниципалитеты без избыточных мусоросжигательных мощностей, в связи с чем стагнация переработки отходов в Японии, как и в других развитых странах, может быть связана с увеличением количества сжигаемого мусора [Kinnaman 2023, p. 2].

Концепция ОУМЦ также предполагает использование получаемой от сгорания отходов энергии, хотя в обществе и научных кругах ведутся дискуссии о целесообразности продолжения данной стратегии [Malinauskaite 2017].

В итоге объем отходов, подлежащих захоронению (включая не перерабатываемый мусор и золу от сжигания и прочие продукты переработки), составил 3,37 млн т, или всего 8,7% от изначального объема отходов¹⁴. Таким образом, в случае Японии можно говорить, что практически решена именно проблема недостатка свободных для захоронения отходов территорий, а не снижения вреда окружающей среде, в частности от их сжигания. Частично это может быть связано с децентрализованной системой сбора отходов, которая менее приспособлена для достижения целей устойчивого развития, чем централизованная система, принятая в других странах [Watanabe 2014, p. 7].

Заключение

В Японии в связи с географическими особенностями местности, которые не позволяют производить массовое захоронение отходов, меры по продвижению политики сортировки ТБО и их правильной утилизации были приняты раньше, чем в других странах. На законодательном уровне еще в конце прошлого века был определен курс страны на сохранение экологии, в том числе в деле борьбы с отходами. Принят рамочный Закон о содействии формированию общества с устойчивым материальным циклом, на регулярной основе разрабатываются и принимаются планы по его реализации, отвечающие современным вызовам, стоящим перед страной и миром.

Четко регламентирована ответственность сторон в деле обращения с твердыми бытовыми отходами. Расширенная ответственность производителя предполагает его вовлеченность на протяжении всего жизненного цикла товаров. Расходы на переработку также ложатся и на потребителя в виде дополнительной стоимости утилизации, заложенной в товар, и сборов за вывоз негабаритных отходов. Муниципалитеты при поддержке региональных властей (префектур) и государства реализуют отдельный сбор и переработку ТБО. Система сортировки зависит от методов утилизации, процесс регламентируется в каждом отдельном муниципальном образовании.

С населением с ранних лет ведется разъяснительная работа. Широко пропагандируются принципы устойчивого развития, у людей создаются прочные позитивные ассоциации, связанные с отдельным сбором отходов. Экопросветительская деятельность реализуется успешно, наблюдается постепенное снижение количества ТБО на человека в день. В обществе действует эффективная формальная и неформальная система контроля за правильной утилизацией ТБО со стороны властей и граждан.

В концепции 3R, принятой в Японии согласно Закону о содействии эффективному использованию ресурсов и предполагающей сокращение отходов, их повторное использование и переработку (Reduce, Reuse, Recycle), особое внимание уделяется первым двум пунктам (2R).

¹⁴ Ippan haikibutsu shori jigyō jittai chōsa no kekka (reiwa 4-nendo) ni tsuite [About municipal solid waste generation and disposal in FY2022] // Ministry of the Environment. <https://www.env.go.jp/content/000123409.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

Новые инициативы правительства, в частности Закон о содействии обороту пластиковых отходов, направлены преимущественно на сокращение образования твердых бытовых отходов, а не на их переработку.

В итоге Японии удалось добиться значительного сокращения образования ТБО и наблюдаются крайне низкие показатели по объему захоронений. В то же время уровень переработки, а именно отношение объема переработанных отходов к их общей массе, сравнительно низкий по сравнению с другими развитыми странами. Сжигание остается ключевым способом утилизации, что уже не отвечает современным мировым стандартам в деле обращения с отходами.

Чтобы оставаться в числе лидеров по переработке твердых бытовых отходов, Японии требуется более решительное изменение курса. Возможно, стоит задать более четкие показатели по уровню переработки, как это было сделано, например, в странах Европы, где поставлены цели отправлять на повторное использование или переработку не менее половины ТБО.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алиев Р.А.* Экологическое образование и образование в интересах устойчивого развития в Японии // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 8 (43). С. 80–83.
- Анищенко А.Э.* История трансформации механизмов утилизации и переработки отходов на примере японского опыта // Хроноэкономика. 2020. № 6 (27). С. 5–9.
- Вишняков Я.Д., Канунников А.О.* Анализ системы обращения с твердыми бытовыми отходами города Токио // Интернет-журнал «Отходы и ресурсы». 2020. № 2. <https://resources.today/PDF/03ECOR220.pdf> (дата обращения: 15.04.2024). <https://doi.org/10.15862/03ECOR220>
- Насибулина А.С.* Особенности экологической этики Японии // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2023. № 2. С. 77–82. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-3-77-82>
- Рязанова О.Е., Емельянова О.Н., Золотарева В.П.* От циркулярной экономики к обществу замкнутого типа: опыт Японии // Мировое и национальное хозяйство: электронный журнал. 2023. № 1 (61). С. 2–18. <https://mirec.mgimo.ru/2023/2023-01/from-circular-economy-to-closed-society-japan-experience> (дата обращения: 27.06.2023).
- Скипин Н.С.* Развитие инвайронментализма и экологической политики Японии, Франции и США в 1950–2000 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 98. С. 138–149.
- Тихоцкая И.С.* Экологические проблемы в Японии: между прошлым и будущим // Японские исследования. 2016. № 1. С. 59–71.
- Тихоцкая И.С.* Экономико-географические проблемы утилизации отходов в Японии: к обществу с устойчивым материальным циклом // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2010. № 4. С. 40–53.
- Тихоцкая И.С.* Япония: инновационный подход к управлению ТБО // Твердые бытовые отходы. 2013. № 6. С. 52–57.
- Тихоцкая И.С.* Японская инновационная концепция рециклирования ресурсов // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2010. № 4. С. 61–66.
- Тихоцкая И.С.* Японская инновационная концепция рециклирования ресурсов и создание общества с устойчивым материальным циклом // Региональные исследования. 2015. № 2 (48). С. 117–127.
- Усанов Г.И., Усанов М.Г.* Японская философия «моттайнай» и ее вклад в формирование общемировой мультикультуры ресурсосбережения // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2022. № 4 (60). С. 74–78.
- Шевелева О.В.* Раздельный сбор отходов по-японски // Твердые бытовые отходы. 2014. № 6. С. 58–59.

REFERENCES

- Aliev, R. (2018). Ekologicheskoe obrazovanie i obrazovanie v interesakh ustoichivogo razvitiya v Yaponii [Environmental Education and Education for Sustainable Development in Japan]. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*, 8 (43), 80–83. (In Russian).
- Anishchenko, A. (2020). Istoriya transformatsii mekhanizmov utilizatsii i pererabotki otkhodov na primere yaponskogo opyta [The History of the Transformation of Waste Disposal and Recycling Mechanisms Using the Japanese Experience as an Example]. *Khronoekonomika*, 6 (27), 5–9. (In Russian).
- Nasibulina, A. (2023). Osobennosti ekologicheskoi etiki Yaponii [Features of Japanese Environmental Ethics]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*, 2, 77–82. (In Russian). <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-3-77-82>.
- Ryazanova, O., Emel'yanova, O., Zolotareva, V. (2023). Ot tsirkulyarnoi ehkonomiki k obshchestvu zamknutogo tipa: opyt Yaponii [From a Circular Economy to a Closed Society: The Japanese Experience]. *Mirovye i natsional'noe khozyaistvo: ehlektronnyi zhurnal*, 1 (61), 2–18. Retrieved June 27, 2023, from <https://mirec.mgimo.ru/2023/2023-01/from-circular-economy-to-closed-society-japan-experience> (In Russian).
- Sheveleva, O. (2014). Razdel'nyi sbor otkhodov po-yaponski [Separate Waste Collection in the Japanese Way]. *Tverdye bytovye otkhody*, 6, 58–59. (In Russian).
- Skipin, N. (2023). Razvitie invarimentalizma i ekologicheskoi politiki Yaponii, Frantsii i SShA v 1950–2000 gg. [Development of Environmentalism and Environmental Policy in Japan, France, and the US in 1950–2000]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 98, 138–149.
- Tikhotskaya, I. (2010). Ekonomiko-geograficheskie problemy utilizatsii otkhodov v Yaponii: k obshchestvu s ustoichivym material'nym tsiklom [Economic-Geographic Issues of Waste Management in Japan: Towards the Sound Material Cycle Society]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 4, 40–53. (In Russian).
- Tikhotskaya, I. (2010). Yaponskaya innovatsionnaya kontseptsiya retsiklirovaniya resursov [Japanese Innovative Concept of Resource Recycling]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 4, 61–66. (In Russian).
- Tikhotskaya, I. (2013). Yaponiya: innovatsionnyi podkhod k upravleniyu TBO [Japan: An Innovative Approach to Solid Waste Management]. *Tverdye bytovye otkhody*, 6, 52–57. (In Russian).
- Tikhotskaya, I. (2015). Yaponskaya innovatsionnaya kontseptsiya retsiklirovaniya resursov i sozдание obshchestva s ustoichivym material'nym tsiklom [Japanese Innovative Concept of Resources Recycling and Formation of the Sound Material Cycle Society]. *Regional'nye issledovaniya*, 2 (48), 117–127. (In Russian).
- Tikhotskaya, I. (2016). Ehkologicheskie problemy v Yaponii: mezhdru proshlym i budushchim [Ecological Problems in Japan: Between Past and Future]. *Japanese Studies in Russia*, 1, 59–71. (In Russian).
- Usanov, G., Usanov, M. (2023). Yaponskaya filosofiya «mottainai» i ee vklad v formirovanie obshchemirovoi mul'tikul'tury resursoberezheniya [Japanese Mottainai Philosophy and Its Contribution to the Worldwide Multi-Culture of Resource Saving]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 4 (60), 74–78. (In Russian).
- Vishnyakov, Ya., Kanunnikov, A. (2020). Analiz sistemy obrashcheniya s tverdymi bytovymi otkhodami goroda Tokio [Analysis of Tokyo's Municipal Solid Waste Management System]. *Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling*, 2 (7). Retrieved April 15, 2024, from <https://resources.today/PDF/03ECOR220.pdf> (In Russian). <https://doi.org/10.15862/03ECOR220>

* * *

- Haddad, M.A. (2019). WASTE: Consuming Postwar Japan by Eiko Maruko Sinawer (Review). *Pacific Affairs*, 92 (4), 787–789.
- Kinnaman, T., Yamamoto, M. (2023). Has Incineration Replaced Recycling? Evidence from OECD Countries. *Sustainability*, 15 (4), 3234. <https://doi.org/10.3390/su15043234>
- Malinauskaite, J., Jouhara, H., Czajczyńska, D., Stanchev, P., Katsou, E., Rostkowski, P., Thorne, R.J., Colón, J., Ponsá, S., Al-Mansour, F., Anguilano, L., Krzyżyńska, R., López, I.C., Vlasopoulos, A., Spencer, N. (2017). Municipal solid waste management and waste-to-energy in the context of a circular economy and energy recycling in Europe. *Energy*, 141, 2013–2044. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2017.11.128>
- Watanabe, K., Adnan, H., Rosli, M., Kwa, M. (2014). Waste Management in Japan and Malaysia: Centralise or De-Centralise? *Institute of Strategic and International Studies*, 5–9.

Поступила в редакцию: 17.04.2024

Received: 17 April 2024

Принята к публикации: 02.07.2024

Accepted: 02 July 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-113-132

Политика Юн Сок Ёля в отношении Японии: причины изменения подхода и перспективы

К.В. Асмолов, О.С. Пугачева

Аннотация. В мае 2022 г. президентом Республики Корея (Южная Корея, РК) стал Юн Сок Ёль, представляющий консервативные политические силы. Он выступил за скорейшую нормализацию отношений с Японией, отдавая приоритет прагматичному сотрудничеству двух стран. Консервативные правящие круги в Южной Корее демонстрируют ориентированность на развитие и углубление сотрудничества со странами коллективного Запада, включая Японию, разделяющими ценности либеральной демократии. Президент Юн Сок Ёль считает Японию «партнером», с которым можно противостоять общим угрозам, в частности в лице Северной Кореи (Корейская Народно-Демократическая Республика, КНДР). Основную ставку его администрация делает на расширенное сдерживание северного соседа, в реализации которого признается роль Японии в рамках трехстороннего формата сотрудничества РК – США – Япония. При этом администрация Юн Сок Ёля подчеркивает стремление развивать с Токио отношения, ориентированные на будущее, выражая готовность не поднимать спорные вопросы исторического прошлого. Вместе с тем, проблема оценки колониального прошлого РК и вопросы выстраивания отношений с Японией являются крайне чувствительным вопросом южнокорейской внутривластной жизни. В связи с этим актуальным представляется проследить влияние внутренней политики на курс РК в отношении Японии.

В статье показано, что японское направление политики Юн Сок Ёля – часть внутренней борьбы за формирование исторической памяти, в то время как противостояние консервативных сил дискурсу прогрессистов служит в том числе цели легитимизации политического курса действующей администрации в отношении Японии. По мнению авторов, пропагандистско-исторический нарратив президента Юн Сок Ёля свидетельствует о попытке отхода от антияпонизма как ключевого элемента идеологии. Авторы рассматривают ключевые характеристики японского дискурса президента Юн Сок Ёля, а также причины, определившие его политику нормализации и укрепления отношений с Токио. В заключение представлены оценки относительно перспектив японо-корейского курса Юн Сок Ёля и отношений Сеула и Токио, в том числе в свете итогов парламентских выборов, которые прошли в РК 10 апреля 2024 г.

Ключевые слова: Республика Корея, Япония, исторические споры, политика памяти, дискурс Юн Сок Ёля в отношении Японии, южнокорейско-японские отношения.

Авторы:

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-1584-2748; E-mail: asmolov@iccaras.ru

Пугачева Оксана Сергеевна, научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-1031-9085; E-mail: pugacheva@iccaras.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Асмолов К.В., Пугачева О.С. Политика Юн Сок Ёля в отношении Японии: причины изменения подхода и перспективы // Японские исследования. 2024. № 3. С. 113–132. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-113-132

Yoon Suk Yeol's policy towards Japan: Reasons for changing approach and prospects

K.V. Asmolov, O.S. Pugacheva

Abstract. In May 2022, Yoon Suk Yeol, representing conservative political forces, became the President of the Republic of Korea (ROK, South Korea). He advocated the speedy normalization of relations with Japan, giving priority to pragmatic cooperation between the two countries. The conservative ruling circles in South Korea are focused on developing and deepening cooperation with the countries of the collective West, including Japan, which share the values of liberal democracy. President Yoon considers Japan a “partner” with whom it is possible to counter common threats, in particular North Korea (Democratic People's Republic of Korea, DPRK). His administration aims at the extended deterrence of its northern neighbor, the implementation of which recognizes the role of Japan within the trilateral format of cooperation between the ROK, the United States, and Japan. On the other hand, Yoon's administration emphasizes its intention to develop future-oriented relations with Tokyo, expressing its readiness not to raise controversial issues of the historical past. However, the issue of assessing the colonial past of the ROK as well as ones of building relations with Japan are an extremely sensitive matter in South Korean domestic political life. In this regard, it is relevant to trace the influence of domestic politics on the ROK's course towards Japan.

The article shows that Yoon Suk Yeol's Japanese policy is part of the internal struggle for the formation of historical memory, while the opposition of conservative forces to the discourse of progressives also serves the purpose of legitimizing the political course of the current administration towards Japan. According to the authors, the propaganda-historical narrative of President Yoon indicates an attempt to move away from anti-Japanese sentiment as a key element of the South Korean ideology. The authors examine the key characteristics of the Japanese discourse of President Yoon Suk Yeol, as well as the reasons that determined his policy of normalizing and strengthening relations with Tokyo. In conclusion, assessments are presented regarding the prospects for Yoon's pro-Japanese course and relations between Seoul and Tokyo, including in light of the results of the parliamentary elections that took place in the ROK on April 10, 2024.

Keywords: Republic of Korea, Japan, historical disputes, politics of memory, Yoon Suk Yeol's discourse regarding Japan, South Korean-Japanese relations.

Authors:

Asmolov Konstantin V., Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow of the Center for Korean Studies of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS; address: Russia 117997, Moscow, Nakhimovsky Pr., 32). ORCID: 0000-0003-1584-2748; E-mail: asmolov@iccaras.ru

Pugacheva Oksana S., Research Fellow of the Center for Korean Studies of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS; address: Russia 117997, Moscow, Nakhimovsky Pr., 32). ORCID: 0000-0003-1031-9085; E-mail: pugacheva@iccaras.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Asmolov, K.V., Pugacheva, O.S. (2024). Politika Yun Sok Elya v otnoshenii Yaponii: prichiny izmeneniya podkhoda i perspektivy [Yoon Suk Yeol's policy towards Japan: Reasons for changing approach and prospects]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 3, 113–132. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-113-132

Введение

Отношения между Южной Кореей и Японией до сих пор отягощены грузом спорных вопросов колониального прошлого, в числе которых принудительная трудовая мобилизация корейцев на японские предприятия, шахты и судостроительные верфи в период колониальной оккупации, проблема «женщин для утешения» – корейнок, которые были вынуждены работать в японских полевых борделях времен Второй мировой войны, ассимиляционная политика японских властей в Корее, вопросы интерпретации в Японии корейской истории. В 1965 г. на фоне установления дипломатических отношений Сеул и Токио подписали ряд соглашений, предусматривавших урегулирование претензий¹. В соответствии с договоренностями Япония предоставила РК пакет экономической помощи в качестве компенсации за 35-летнюю оккупацию Кореи. РК, в свою очередь, соглашалась не поднимать вопросы компенсации в будущем. Соответственно, Япония считает, что все требования о компенсациях по имуществу, правам физических и юридических лиц должны считаться окончательно урегулированными. Однако южнокорейская общественность и жертвы японской оккупации не согласны с подобной позицией Токио, настаивая на праве индивидуальных компенсаций и требуя, чтобы Япония признала ответственность за колонизацию Кореи, которую в РК, в отличие от Японии, считают нелегитимной.

При южнокорейской прогрессивной администрации Мун Чжэ Ина (2017–2022) отношения между двумя странами достигли самой низкой точки за весь период после установления дипломатических отношений в 1965 г. Мун Чжэ Ин еще в ходе предвыборной кампании обещал пересмотреть соглашение² по «женщинам для утешения»³, заключенное между двумя странами в 2015 г. и призванное «необратимо решить» данную проблему, в то время как Токио высказался категорически против пересмотра соглашения. Токио выполнил свои обязательства касательно взноса 1 млрд иен в созданный фонд для поддержки бывших «женщин для утешения». Но в РК соглашение подверглось резкой критике, инициированной релевантными негосударственными организациями (НГО), которые в случае выполнения южнокорейской стороной своих обязательств оказались бы сняты с госфинансирования. В декабре 2017 г. в обзоре рабочей группы Министерства иностранных дел РК, изучившей документы переговоров, приведших к заключению соглашения 2015 года между Сеулом и Токио, было сказано о том, что «несмотря на соглашение, проблема остается в значительной степени «нерешенной», поскольку жертвы еще не восприняли ее как форму извинения». Общественные организации и некоторые жертвы требовали признания Японией юридической ответственности за совершенные преступления, однако после заключения соглашения Токио заявил, что фонд не связан с какой-либо юридической ответственностью, и отказывался признавать официальную юридическую ответственность за свои действия, поскольку считал, что проблема с «женщинами для утешения» уже решена в рамках «сделки»⁴.

¹ Agreement Between Japan and the Republic of Korea Concerning the Settlement of Problems in Regard to Property and Claims and Economic Cooperation (with Protocols, Exchanges of Notes and Agreed Minutes). Signed at Tokyo, on 22 June 1965. <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20583/volume-583-I-8473-English.pdf> (дата обращения: 18.04.2024).

² Announcement by Foreign Ministers of Japan and the Republic of Korea at the Joint Press Occasion // Ministry of Foreign Affairs of Japan. December 28, 2015. https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page4e_000364.html (дата обращения: 18.04.2024).

³ Стоит отметить, что в силу непопулярности соглашения 2015 г. в обществе все кандидаты в ходе президентских выборов 2017 г. заявили о намерении его пересмотреть [Дьячков 2019, с. 78].

⁴ Jung Min-kyung. Park administration kept parts of ‘comfort women’ agreement secret // Korea Herald. December 17, 2017. <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20171227000797> (дата обращения: 18.04.2024).

После прихода к власти в мае 2017 г. Мун Чжэ Ина Сеул в итоге фактически отказался выполнять свою часть обязательств. В июле 2019 г. созданный по соглашению 2015 года фонд был закрыт, хотя к этому времени около половины из 1 млрд иен (почти 9 млн долларов США), полученных из Токио, были потрачены⁵, включая выплаты 34 из 47 выживших вианбу [Hein 2020, p. 60].

В 2018 г. Верховный суд РК предписал двум японским компаниям выплатить компенсации жертвам принудительной трудовой мобилизации Японией в период Второй мировой войны, тем самым вновь подняв вопросы, которые, согласно позиции Токио, уже были урегулированы двусторонним договором об основах отношений 1965 г. При принятии решения южнокорейский суд исходил из того, что урегулирование вопроса между государствами не отменяет право корейцев, привлекавшихся к принудительному труду, подавать индивидуальные иски на компенсации, которые непосредственно они так и не получили⁶. Однако Токио полагал, что поскольку правительство РК уже получило компенсации в соответствии с договором 1965 г., то оно и должно выплачивать их своим потерпевшим гражданам.

В ответ на решение Верховного суда РК правительство Японии усложнило процедуры для экспорта в РК фторированного полиимида, фторорезиста и фтороводорода, ключевых материалов для производства полупроводников, и исключила Южную Корею из списка стран, которым предоставлен режим наибольшего благоприятствования (РНБ). Сеул ответил зеркально, лишив Японию статуса государства с РНБ. Кроме того, РК подала иск во Всемирную торговую организацию в связи с предпринятыми Японией мерами экспортного контроля и была готова не продлевать с Японией истекавшее соглашение об обмене разведывательными данными (JSOMIA), но в последний момент под давлением США объявила об отсрочке выхода из соглашения, обусловив окончательное решение по этому вопросу требованием отмены японских экономических ограничений⁷. Таким образом, разногласия по вопросам колониального прошлого привели к понижению уровня торговых связей РК и Японии и фактически к замораживанию двусторонних отношений.

Стоит отметить, что «торговая война» между Сеулом и Токио носила достаточно ограниченный характер в силу взаимозависимости двух стран в полупроводниковой индустрии и их интеграции в глобальные цепочки поставок полупроводниковой продукции [Kim 2021, p. 113]. Эта «война» скорее была призвана придать убедительности позициям по историческим вопросам, будучи рассчитана на внутреннюю аудиторию. Глубокая взаимозависимость двух стран в области производства микроэлектроники служила фактором, сдерживающим эскалацию не только торговых противоречий, но и трений по историческим вопросам. В частности, среди южнокорейской политической элиты в независимости от партийной принадлежности сложился консенсус о необходимости не допустить ликвидации японских активов⁸, так как это могло бы привести к новым ограничениям со стороны Японии. В связи с этим стоит отметить, что «[в] среднем в месяц РК импортировала соответствующие химические вещества на сумму 33,6 млн долл., а экспортировала полупроводники и детали дисплеев, производство которых зависит от этих импортных химикатов, на сумму 8,4 млрд долл.» [Goodman 2019, p. 22].

⁵ Правительство РК возместило фонду выплаченные компенсации, с тем чтобы не использовать японские средства [Дьячков 2019, с. 79].

⁶ Japan to lift restrictions on export of 3 chip components to Korea // Ministry of Foreign Affairs of the ROK. March 22, 2023. https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5674/view.do?seq=320788 (дата обращения: 18.04.2024).

⁷ Kim Min Joo, Denyer S. Under U.S. Pressure, South Korea Holds off Ending Intelligence Pact with Japan // The Washington Post. November 22, 2019. https://www.washingtonpost.com/world/asia-pacific/under-us-pressure-south-korea-holds-off-ending-intelligence-pact-with-japan/2019/11/22/14aadaf0-0d09-11ea-8054-289aef6e38a3_story.html (дата обращения: 18.04.2024).

⁸ South Korea has broad 'consensus' to avoid Japan asset sale: ambassador. Interview by Yun Duk-min, South Korea's ambassador to Japan, to Nikkei on Aug. 9. // Nikkei Asia. August 10, 2022. <https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/South-Korea-has-broad-consensus-to-avoid-Japan-asset-sale-ambassador> (дата обращения: 18.04.2024).

В мае 2022 г. президентом РК стал Юн Сок Ёль, представляющий консервативные политические круги. Он выступил за скорейшую нормализацию отношений с Японией, отдавая приоритет прагматичному сотрудничеству двух стран. Действующий президент занимает ультраправую позицию в отношении КНДР. Основную ставку его администрация делает на расширенное сдерживание, в реализации которого признается роль Японии в рамках трехстороннего формата сотрудничества РК – США – Япония⁹. Консервативные правящие круги в Южной Корее демонстрируют ориентированность на развитие и углубление сотрудничества со странами коллективного Запада, включая Японию, разделяющими ценности либеральной демократии. В новогоднем обращении к нации 1 января 2023 г. президент РК Юн Сок Ёль заявил, что «солидарность на основе универсальных ценностей – самый стратегический выбор в нынешней дипломатической ситуации»¹⁰.

Стремясь восстановить отношения с Токио, в марте 2023 г. администрация Юна предложила план, призванный решить вопрос о выплате компенсаций 15 корейцам, которые выиграли судебные иски против японских фирм, обвиняемых в использовании принудительного труда корейцев во время Второй мировой войны. План предусматривает выплату компенсаций за счет пожертвований южнокорейских компаний, которые в прошлом воспользовались японскими грантами и займами в соответствии с двусторонним договором об основах отношений 1965 года. Данный подход был положительно воспринят Токио, и в течение 2023 г. Сеулу и Токио удалось нормализовать отношения, урегулировать «торговый спор», возобновить «челночную дипломатию» лидеров двух стран и активизировать сотрудничество двух стран в области безопасности в рамках трехстороннего формата под руководством США.

Администрация Юн Сок Ёля подчеркивает стремление развивать с Токио отношения, ориентированные на будущее, выражая готовность не поднимать спорные вопросы исторического прошлого. В качестве основы и отправной точки для нормализации двусторонних отношений администрация Юн Сок Ёля взяла совместную декларацию о примирении бывшего президента-прогрессиста Южной Кореи Ким Дэ Чжуна и бывшего премьер-министра Японии Обути Кэйдо¹¹. В этой декларации стороны пообещали преодолеть прошлое и строить «новое японо-корейское партнерство на пути к XXI веку», в то время как Токио выразил раскаяние и принес извинения за преступления в период японского колониального правления¹². Таким образом Декларация Ким Дэ Чжуна – Обути Кэйдо выступила символом позитивного общего прошлого двух стран. Стоит отметить, что декларация была принята прогрессивным президентом и используется консервативными кругами РК для легитимизации проводимой политики в отношении Японии и парирования критики со стороны оппозиции¹³. При этом апелляции к ранее достигнутым договоренностям, в том числе к данной декларации, ранее были нередки для японского правительства, обвиняющего Сеул в том, что он постоянно «двигает ворота» [Harold 2019, p. 41–48].

Вместе с тем проблема оценки колониального прошлого РК и вопросы выстраивания отношений с Японией являются крайне чувствительным вопросом южнокорейской

⁹ The Yoon Suk Yeol Administration's National Security Strategy. P. 10. https://overseas.mofa.go.kr/eng/brd/m_25772/view.do?seq=16&page=1 (дата обращения: 18.04.2024).

¹⁰ New Year Address to Nation by President Yoon Suk Yeol. January 1, 2023. <https://eng.president.go.kr/speeches/rUtGA9YG> (дата обращения: 18.04.2024).

¹¹ Address by President Yoon Suk Yeol on Korea's 77th Liberation Day. August 15, 2022. <https://eng.president.go.kr/speeches/k4bSEz3J> (дата обращения: 18.04.2024).

¹² Japan-Republic of Korea Joint Declaration. A New Japan-Republic of Korea Partnership towards the Twenty-first Century. October 8, 1998. <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/joint9810.html> (дата обращения: 18.04.2024).

¹³ [사설] 민주당 식이면 김대중 전 대통령이 원조 친일, 굴종 외교 아닌가 [[От редакции] Если это стиль Демократической партии, то разве дипломатия бывшего президента Ким Дэ Чжуна не была прояпонской и раболопной?] // Chosun Ilbo. March 7, 2023. <https://www.chosun.com/opinion/editorial/2023/03/07/IBV24MITI5AMVF3NK7UCI3VBHBU/> (дата обращения: 18.04.2024).

внутриполитической жизни. В связи с этим актуальным представляется проследить влияние внутренней политики на курс РК в отношении Японии. По мнению авторов, пропагандистско-исторический нарратив президента Юн Сок Ёля свидетельствует о попытке отхода от антияпонизма как ключевого элемента внешнеполитической идеологии. Научную и практическую значимость имеет выделение основных причин, определивших смену подхода к Японии правительством Юн Сок Ёля. В заключении авторы дают оценки относительно перспектив прояпонского курса президента Юн Сок Ёля и отношений Сеула и Токио, в том числе в свете итогов парламентских выборов, которые прошли в РК 10 апреля 2024 г.

Политика в отношении Японии как часть внутриполитической жизни Республики Корея

По мере развития демократии в Южной Корее вопросы, связанные с политикой в отношении Японии, оценкой колониального прошлого и южнокорейской истории, превратились в фактор внутриполитической борьбы между прогрессистами и консерваторами [Glosserman 2015; Kimura 2019; Jo 2022]. Острая партийность в интерпретации корейской истории является следствием использования исторических вопросов в качестве средства внутренней политики как оппозицией, так и властью [Дьячков 2019, с. 80]. Каждый лагерь выстраивает свой пропагандистско-исторический нарратив, на который в том числе влияет и логика фракционной борьбы. При этом некоторые исследователи отмечают, что различные исторические нарративы политических сил свидетельствуют и об отсутствии среди политической элиты РК консенсуса относительно будущего страны и ее идентичности [Jo 2022, p. 767].

С конца XIX в. Япония представляла для Кореи «значимого другого» или даже, как считают некоторые исследователи, «онтологического врага», в антагонизме к которому развивалась и конструировалась корейская идентичность [Seo 2021]. При этом стоит отметить определенную дихотомию, связанную с колониальным прошлым обоих корейских государств. С одной стороны, политическая риторика об агрессивной и грабительской колониальной политике Японии в Корее и акцентирование на негативных аспектах колониального периода. С другой стороны, и на Севере, и на Юге из опыта Японии, вплоть до организации репрессивного аппарата, брали много.

Южнокорейские диктаторы, начиная с первого президента РК Ли Сын Мана [Cheong 1991, p. 142–143], использовали широко распространенные среди населения антияпонские настроения и националистические чувства для стабилизации своих авторитарных режимов и дистанцирования от прошлой метрополии с целью консолидации южнокорейского государства. При Ли Сын Мане антияпонизм был равен антикоммунизму, и в связке с национализмом они лежали в основе идеологии и внешней политики Сеула того времени. Южная Корея отказывалась идти на нормализацию отношений с Японией, выступая в том числе против американской трактовки мирного договора с Японией по вопросу о репарациях [Юнгблюд 2020]. Так, согласно Сан-Францисскому мирному договору, Корея не являлась «союзной державой», воевавшей против Японии, в связи с чем взаимные претензии должны были быть урегулированы в двустороннем порядке.

В РК при Ли Сын Мане не была проведена люстрация в отношении корейской коллаборационистской элиты – тех, кто работал в аппарате генерал-губернаторства, полиции, добровольно состоял на службе в японской армии [Иванов 2014; Ермолаева 2024]. Во-первых, по причине острой нехватки кадров, во-вторых, главным врагом был объявлен коммунизм [Асмолов 2015; Иванов 2014, с. 230]. Поэтому именно коллаборационисты («прояпонские элементы») составили костяк гражданской администрации при Ли Сын Мане: они имели управленческий опыт и были яркими антикоммунистами. С другой стороны, при Ли Сын Мане

начал формироваться исторический миф о тотальном сопротивлении корейцев японскому колониальному режиму [Иванов 2014, с. 230].

Переговоры о нормализации отношений между Республикой Корея и Японией заняли 14 лет. 22 июня 1965 г. Южная Корея подписала Базовый договор об отношениях между Японией и Кореей. Соглашения включали пакет финансовой помощи в размере 800 млн долл. США (200 млн долл. – государственные займы, 300 млн долл. – гранты и 300 млн долл. – коммерческие кредиты)¹⁴. Взвзвешивая ускоренный курс на нормализацию отношений с Японией Пак Чон Хи стремился за счет средств, полученных от Японии, обеспечить экономическое восстановление Южной Кореи, валовой национальный продукт которой в то время составлял 1/23 японского и 1/3 северокорейского [Ogawa 2024]. Пак Чон Хи считал, что у Республики Корея есть два врага: коммунизм в Северной Корее и антияпонские настроения, настаивая на том, что РК должна отдать приоритет получению средств из Японии путем переговоров [Ogawa 2024].

Правительство Пак Чон Хи отказалось от своих требований об индивидуальных компенсациях правительством Японии непосредственно конкретным жертвам японского колониального правления [Hein 2020, p. 60], вместо этого настояв на предоставлении Японией пакета экономической помощи, который южнокорейские власти впоследствии потратили на индустриализацию страны. Это одномоментное вложение, примерно равное по сумме годовому бюджету страны, внесло важный вклад в «Чудо на реке Ханган»¹⁵. Что касается компенсаций пострадавшим южнокорейским гражданам, то правительство Пак Чон Хи в 1975 г. выплатило семьям погибших жертв принудительной трудовой мобилизации компенсации на общую сумму 8,12 млн долл. США¹⁶, при этом были установлены сложная процедура и ограниченные временные рамки для подачи заявлений на получение компенсаций. В 1973 г. была создана Ассоциация семей погибших в войне на Тихом океане, члены которой выступили против предложенных южнокорейским правительством мер компенсации, раскритиковав в числе прочего полагающуюся к выплате мизерную сумму в размере 300 000 вон (268 долл. США) на человека [Hein 2020].

После демократизации РК многие бывшие принудительно мобилизованные Японией рабочие начали подавать иски с требованием компенсаций, сначала в японские суды, а с 2000 г. в суды Южной Кореи. Проблема принудительного труда времен японского колониализма и индивидуальных возмещений все больше превращалась в вопрос внутренней политики РК. Стоит отметить, что до президента Мун Чжэ Ина, предыдущие администрации РК – как консервативные, так и прогрессивные – придерживались позиции, что все претензии к Японии были урегулированы договором 1965 года [Hein 2020]. В августе 2005 г. при администрации Но Му Хёна РК озвучила свою позицию, согласно которой договор 1965 года разрешил все вопросы, за исключением компенсаций «женщинам для утешения», сахалинским корейцам и жертвам атомной бомбардировки¹⁷. Одновременно в том же 2005 г. под давлением общественности южнокорейское правительство опубликовало засекреченные документы периода японо-корейских переговоров 1963–1965 гг., которые свидетельствовали о том, что Пак Чон Хи сам отказался от предложений японцев выплатить индивидуальные компенсации напрямую жертвам принудительной мобилизации [Park 2007, p. 69].

¹⁴ Agreement Between Japan and the Republic of Korea Concerning the Settlement of Problems in Regard to Property and Claims and Economic Cooperation (with Protocols, Exchanges of Notes and Agreed Minutes). Signed at Tokyo, on 22 June 1965. <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20583/volume-583-I-8473-English.pdf> (дата обращения: 18.04.2024).

¹⁵ Одно из названий послевоенного экономического чуда Южной Кореи.

¹⁶ Park Byong-su. [Column] Japanese foreign minister's faulty understanding of forced labor ruling? // Hankyoreh. November 7, 2018. https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/869269 (дата обращения: 18.04.2024).

¹⁷ Park Byong-su. [Column] Japanese foreign minister's faulty understanding of forced labor ruling? // Hankyoreh. November 7, 2018. https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/869269 (дата обращения: 18.04.2024).

Администрация Но Му Хёна, признала, что вопрос компенсаций принудительного труда был урегулирован двусторонним договором с Японией, и перенесла ответственность за индивидуальные компенсации на южнокорейское правительство. В ноябре 2007 г. был принят закон, предусматривающий компенсацию жертвам трудовой повинности военного времени [Ререта 2008]. Правительство Но Му Хёна выплатило компенсации 66 985 жертвам принудительного труда и членам их семей по 20 млн вон (17 843 долл. США) на человека¹⁸.

Антаяпонские настроения в Южной Корее особенно усилились к середине 2000-х гг. в результате того, что прогрессисты, выступившие на авансцену южнокорейской политики, добились мобилизации коллективной памяти о колониальном прошлом [Jo 2022]. Посещение храма Ясукуни высокими должностными лицами Японии, положительные оценки японского колониального правления в Корее и соответствующее отражение военного периода в японских учебниках истории, учреждение Дня Такэсима (японское название островов Лианкур, которые находятся под контролем РК и по-корейски называются Токто) и т.д. – все это вызывало среди южнокорейского населения глубокие антаяпонские чувства, которые не могли не учитывать политические силы, в независимости от их партийной и идеологической принадлежности.

Апеллировали в политических целях к националистическим и антаяпонским настроениям избирателей не только прогрессисты, но и консерваторы, которые также подчеркивали, что Япония вступила на путь исторического ревизионизма. Однако антаяпонский национализм в большей степени был оружием в руках представителей прогрессивных политических кругов [Yang 2021], которые использовали его для дискредитации и делегитимизации консервативных политических сил и их политики, особенно в отношении Японии. Консерваторов в прогрессивном дискурсе все более настойчиво ассоциировали с авторитарными режимами прошлого.

Прогрессисты категорически осуждали корейских коллаборационистов, которые сотрудничали с метрополией в период колониального владычества Японии в Корее, так называемых *чхинильхва*. Ярлык *чхинильхва*, равнозначный «предателю нации», получили первый президент РК Ли Сын Ман, который не смог и не захотел провести люстрацию, а также «отец южнокорейского экономического чуда» Пак Чон Хи, бывший офицером японской армии в колониальный период [Park 2020, p. 178]. При этом на многих этот ярлык вешали некорректно, так как «прояпонской» их деятельность можно было назвать с большой натяжкой [Иванов 2014, с. 238].

Демократы начиная с времен президентства Но Му Хёна начали распространять нарратив, согласно которому значительная часть южнокорейской консервативной элиты является потомками «прояпонских элементов». Отчасти это делалось из желания «утопить» Пак Кын Хе, дочь бывшего диктатора Пак Чон Хи, которая была руководителем оппозиционной политической партии¹⁹. Собственно при Но Му Хёне были приняты законы с обратной силой – «Специальный закон о выявлении фактов прояпонской антинациональной деятельности в годы японской оккупации» 2004 г. и «Специальный закон о возвращении государству имущества прояпонских антинациональных деятелей» 2005 г., которые использовались как внутривнутриполитическое оружие против находившихся в оппозиции консерваторов [Иванов 2014, с. 235].

Прогрессисты критиковали как «прояпонские элементы», так и авторитарные режимы собственной страны, утверждая, что именно они несут ответственность за то, что Япония в послевоенный период так и не раскаялась за собственные исторические преступления.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Это не совсем соответствовало действительности, так как нынешнее поколение консерваторов «вышло из шинели» Ким Ен Сама, который вывел из политики как политиков-военных, так и консерваторов более старшего возраста. Но об этом демократы молчат, так как Ким был лидером системной оппозиции, а потом объединил партии с Ро Дэ У, чтобы стать его преемником.

В частности, Базовый договор 1965 года с Японией, подписанный Пак Чон Хи, представляется в прогрессивном политическом дискурсе нелегитимным на том основании, что он было заключен авторитарным лидером без учета воли и интересов народа. В связи с этим для многих южнокорейцев решение Верховного суда об индивидуальных компенсациях 2018 года «представляет собой восстановление прав после продолжительной борьбы с могущественными силами, включая их собственное правительство»²⁰.

Как отмечалось выше, первые иски подавались в японские суды, но они были проиграны истцами: суды постановили, что их претензии были урегулированы договором 1965 года. Поначалу этой же позиции придерживались и южнокорейские суды. Однако обнародование документов касательно южнокорейско-японских переговоров 1963–1965 гг. привело к созданию национальной комиссии, которая пришла к выводу, что договор не распространяется на «незаконные действия против человечества»²¹. Хотя правительство Но Му Хёна выплатило компенсации ряду жертв, многие ничего так и не получили. На этом фоне бывшие рабочие стали добиваться права требовать компенсаций непосредственно от японских компаний, на которые они работали в период военного времени.

Дело было не только в компенсациях, но и в том, чтобы заставить Японию взять на себя полную ответственность за колониальную оккупацию Кореи и принудительную мобилизацию корейцев в период войны на Тихом океане. Юридический спор между двумя странами касается того, было ли колониальное правление в Японии законным [Hein 2020; Lee 2016]. Решения Верховного суда РК 2012, а затем и 2018 г., не только подтвердили право южнокорейских граждан предъявить иски релевантным японским компаниям выплатить компенсации по делам о принудительном труде в период колониального правления Японии в Корею, но и признали, что японская колонизация Кореи была нелегитимной. Представитель МИД РК в 2019 г. следующим образом изложил позицию РК при Мун Чжэ Ине: «Корея добросовестно соблюдала соглашение 1965 года с Японией и не намерена его нарушать. Не отрицая соглашения, постановление Верховного суда указывает, что вопросы компенсации ущерба, понесенного жертвами принудительного труда в связи с незаконным колониальным правлением и агрессивной войной Японии, не были урегулированы данным соглашением, поскольку Япония в ходе длительных переговоров... отказалась принять на себя юридическую ответственность за колонизацию Кореи»²².

Внутренняя и внешняя политика администраций Ким Дэ Чжуна и Но Му Хёна, в частности откровенные перегибы при президентстве последнего в направлении «приватизации» националистического дискурса, привели к активизации в середине 2000-х гг. ультраправых сил [Yang 2021]. Как отмечает профессор социологии Университета Чунъян Син Чжин Ук, «новые правые» представляют собой ультраправое академическое и политическое движение, которое возникло как реакция на социально-политические изменения в РК после ее демократизации и которое становится с тех пор все более влиятельным²³.

²⁰ Choe Sang-Hun, Motoko Rich. The \$89,000 Verdict Tearing Japan and South Korea Apart // The New York Times. February 13, 2019. <https://www.nytimes.com/2019/02/13/world/asia/south-korea-slave-forced-labor-japan-world-war-two.html> (дата обращения: 18.04.2024).

²¹ Choe Sang-Hun, Motoko Rich. The \$89,000 Verdict Tearing Japan and South Korea Apart // The New York Times. February 13, 2019. <https://www.nytimes.com/2019/02/13/world/asia/south-korea-slave-forced-labor-japan-world-war-two.html> (дата обращения: 18.04.2024).

²² Kim In-chul. Japan Is Not Keeping Agreement With Korea -Korea has faithfully complied with the 1965 claims agreement with Japan and has no intention of breaking it // Ministry of Foreign Affairs of the ROK. September 6, 2019. https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5691/view.do?seq=319065&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1&titleNm= (дата обращения: 18.04.2024).

²³ Shin Jin-wook. [Column] Why is Yoon Crawling Further toward the Far Right? // Hankyoreh. October 9, 2023. https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/english_editorials/1111385 (дата обращения: 18.04.2024).

«Новые правые» выступают за более благоприятный взгляд на авторитарное прошлое страны и бывших авторитарных лидеров, они склонны занижать роль борцов антияпонского сопротивления и считать, что японский колониализм сыграл решающую роль в модернизации Кореи и установлении либеральной демократии в Южной Корее. В свою очередь благодаря либеральной демократии, согласно убеждению «новых правых», РК сохранилась как государство в ее конфронтации с Севером и смогла достичь экономического роста [Engel 2023]. Представители «новых правых» утверждали, что «просеверокорейская левая администрация Но Му Хёна нарушала легитимность и конституцию Кореи и подрывала ее рыночную экономику» [Dae 2017].

«Новые правые» инициировали дебаты о том, когда именно берет свое начало современная южнокорейская государственность: сначала в исторических кругах²⁴, затем с приходом к власти консерватора Ли Мен Бака спор об этом перешел в политическое поле. Значительная часть представителей консервативной элиты настаивает, что начало южнокорейской государственности следует отсчитывать с 1948 г., когда была основана Республика Корея. В свою очередь, прогрессивные политические круги склонны проследить корни корейской идентичности и государственности к 1919 г., когда в Шанхае было создано Временное корейское правительство. Прогрессисты аргументируют это отсылкой на преамбулу конституции РК, в которой говорится, что «корейский народ основал Республику Корея посредством Движения 1 марта»²⁵. С точки зрения левых кругов, позиция правых сил в отношении Дня основания Республики Корея равнозначна отрицанию ими легитимности Временного правительства и приуменьшению роли движения за независимость, что «обесцвечивает» период истории японского колониального правления. Споры по поводу дня основания южнокорейского государства и дня национального освобождения продолжились и при Пак Кын Хе, и при Мун Чжэ Ине [Park 2020; Kim 2020, p. 26–27].

При президентстве прогрессиста Мун Чжэ Ина (2017–2022) антияпонский национализм активно использовался и как политический инструмент против консервативной оппозиции, и как часть его северокорейского курса. Для прогрессистов именно империалистическая Япония ответственна за разделение корейской нации [Kim 2020], а потому она является естественным врагом корейского народа.

Логика политического размежевания по вопросам исторического прошлого играет важную роль в подходах прогрессистов и консерваторов к Северной Корее. И консервативные, и прогрессивные администрации придерживались позиции «поглощения Севера», однако логика фракционной борьбы требовала следования правилу «главное – не как у тех». Консервативные правительства склонны придерживаться жесткого курса в отношении КНДР, считая ее своим главным врагом. В то же время прогрессивные президенты действовали более мягкими методами, стремясь способствовать изменениям и реформам на Севере и присоединить Север к Югу путем политики вовлечения. Консерваторы отводили Японии более важную стратегическую роль, в то время как демократы занижали ее, так как приоритет отдавали межкорейским связям, а антияпонизм в их глазах служил фактором, способствующим сплочению двух корейских государств.

²⁴ После публикации профессором экономики Сеульского национального университета Ли Ён Хуном, который относился к «новым правым», колонки с предложением установить День основания государства РК. См.: 정치권 건국절 논란 1919 VS 1948...왜? [Политические споры о праздновании основания государства РК: 1919 VS 1948...В чем причины?] // KBS. August 17, 2017. <https://news.kbs.co.kr/news/mobile/view/view.do?ncd=3534698> (дата обращения: 18.04.2024).

²⁵ 정치권 건국절 논란 1919 VS 1948...왜? [Политические споры о праздновании основания государства РК: 1919 VS 1948...В чем причины?] // KBS. August 17, 2017. <https://news.kbs.co.kr/news/mobile/view/view.do?ncd=3534698> (дата обращения: 18.04.2024).

Оголтелый антияпонизм Мун Чжэ Ина, стремление левых «искоренить глубоко укоренившееся зло» в лице «прояпонских элементов»²⁶, к которым обычно относились их политические оппоненты, способствовали углублению политических противоречий и активизации консервативной части политической и интеллектуальной элиты, которая в свою очередь пыталась дистанцироваться от прогрессивных нарративов и продвигать собственную интерпретацию истории страны. Еще в 2013 г. вышла книга Пак Ю Ха «“Женщины комфорта” империи», в которой автор, основываясь на показаниях «женщин для утешения» (*вианбу*) и иных документальных свидетельствах, представила проблему *вианбу* в более нюансированном ключе: не отвергая случаи насильственного рекрутирования корейских женщин в японские бордели, автор показал и иные жизненные ситуации, в которых некоторые из них действовали по собственной воле, с целью таким образом прокормить семью [Yi 2023].

В 2019 г. была опубликована книга «Антыяпонский трайбализм», ставшая бестселлером. В ней утверждалось, что корейская историография исключительно негативных аспектов японского колониального правления, в том числе *вианбу*, основана на мифах антияпонски настроенных левых и националистических южнокорейских историков [Yang 2024]. В частности, авторы отрицали элемент принуждения в рекрутировании *вианбу*, утверждая, что большинство из них стали жертвами корейских «сутенеров», а некоторых даже продали их родственники²⁷. В южнокорейских консервативных газетах открыто критиковали антияпонский национализм и политизацию антияпонских настроений, в частности философ Юн Бён Чжун в статье 2019 г. под названием «Антыяпонский просеверокорейский национализм угрожает Республике Корея» настаивал на необходимости сотрудничества РК с Японией для того, чтобы выжить в сложных геополитических условиях и не допустить «экспансии гегемонии Китая» [Yang, Asahina 2024].

Таким образом, появляется все больше публикаций, которые ставят под сомнение националистический исторический нарратив по таким вопросам, как «женщины для утешения» и трудовая мобилизация корейцев японскими властями. На уровне лидеров общественного мнения точки зрения на проблемы колониального прошлого становятся более разнообразными, получает развитие альтернативный нарратив, и в конечном итоге это бросает вызов историческому мифу о тотальном сопротивлении корейцев японскому колониальному режиму, а также мифу о том, что колонизация Кореи императорской Японией была исключительно репрессивной.

Глубокая поляризация политических сил в РК и необходимость противостоять националистической риторике прогрессивного лагеря побуждают консерваторов прибегать к постнационалистическому неолиберальному дискурсу движения «новых правых» [Yang 2021], так как «старые» правые себя идейно дискредитировали. Примером тому стал пропагандистско-исторический нарратив Юн Сок Ёля, с приходом к власти которого наблюдается рост влияния «новых правых». Как прогрессисты, так некоторые консерваторы высказывают обеспокоенность по поводу крайне правой политики Юна, который к тому же поставил на важные государственные посты представителей «новых правых». В частности, на пост заместителя советника по национальной безопасности был назначен Ким Тхэ Хё, связанный с организациями «новых правых». Ким Кван Дон, который принимал участие в составлении «альтернативных» корейских учебников «новых правых» по современной и новейшей истории в 2008 г., стал главой Комиссии по установлению истины и примирению в декабре 2022 г. [Engel 2023]. Министром объединения Юн Сок Ёлем был назначен Ким Ён Хо, который в прошлом являлся председателем руководящего комитета аналитического центра «новых правых» New Right Think Net. Он также принимал активное участие в Textbook Forum,

²⁶ См., например: Kang Seung-woo. Anti-Japan nationalism taking hold in Korea // Korea Times. August 20, 2020. https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/08/356_294700.html (дата обращения: 18.04.2024).

²⁷ Editorial. What a shame! // Korea Times. August 26, 2019. https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2019/08/202_274590.html (дата обращения: 18.04.2024).

организации «новых правых», занимающейся историческими проблемами, которая была создана в 2005 г. [Engel 2023]. Другой пример – Ли Бэ Ён, председатель президентской национальной комиссии по образованию, который принимал участие в составлении авторизованного учебника истории во время президентства Пак Кын Хе. В 2023 г. председателем Корейской комиссии по коммуникациям был назначен Ли Дон Кван, который в 2004 г., будучи директором политического бюро газеты Dong-A Ilbo, продвигал взгляды «новых правых»²⁸.

В речах президента Юн Сок Ёля, произнесенных им по случаю двух знаменательных для южнокорейской истории и идентичности дат – 77-й годовщины освобождения Кореи²⁹ и 104-й годовщины Движения за независимость³⁰, четко прослеживается фрейм о том, что цель Движения за независимость – это построение демократического государства. Акцент делается на усилиях корейцев, главным образом южных, создать свободную и демократическую страну, а не на опыте борьбы за освобождение от японских колонизаторов. Значение движения за независимость расширяется, оно приравнивается к движению РК за свободу в целом – от времен начала Движения за независимость до наших дней. Тем самым одновременно принижается роль антияпонского сопротивления корейских партизан.

Внутриполитическая задача подобного дискурса заключается в том числе в стремлении снять клеймо прояпонских коллаборационистов с консервативных политических сил и реабилитировать в глазах общественности бывших авторитарных лидеров страны. Так, Юн Сок Ёль к числу «великих борцов за независимость», помимо «тех, кто принес высшую жертву, сражаясь против японских империалистов, и тех, кто проявлял благородство, помогая вооружать и обучать борцов за независимость», относит и «других борцов за независимость, которых мы никогда не должны забывать»: «тех, кто культивировал не только дух нации, но и ее способность строить либеральную демократию, сосредоточив внимание на образовательных и культурных программах в стране и за рубежом; тех, кто боролся с коммунистическим вторжением, защищая нашу свободу и демократию; как руководителей, так и рабочих, трудившихся над тем, чтобы заложить экономический фундамент, позволивший укоренить подлинную свободу; и давайте не будем забывать, что те, кто пожертвовал собой и посвятил себя институциональной демократии, также являются лидерами нашей независимости»³¹. Консерваторы позиционируют себя сторонниками примирения с прошлым – как колониальным, так и авторитарным, обвиняя прогрессивный лагерь в использовании антияпонского национализма во внутриполитических целях, в частности с целью дискредитации правящей администрации и ее политики в отношении Японии.

Вместе с тем политическая поляризация в РК не ослабевает. Отражением продолжающейся межпартийной борьбы посредством использования исторической политики при Юн Сок Ёле стали споры по поводу наследия первого президента РК Ли Сын Мана и намерения консервативных кругов возвести в его честь памятник³², а также разногласия относительно принятого в августе 2023 г. решения Корейской военной академии убрать со своей территории бюст борца за независимость Хон Бом До, партизанского командира,

²⁸ Kim Mi-na. Flying “new right” flag, Korea’s Yoon Suk-yeol charges toward ideological rule // Hankyoreh. September 7, 2023. https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/1107576 (дата обращения: 18.04.2024).

²⁹ Address by President Yoon Suk Yeol on Korea's 77th Liberation Day. August 15, 2022. <https://eng.president.go.kr/speeches/k4bSEz3J> (дата обращения: 18.04.2024).

³⁰ Address by President Yoon Suk Yeol on 104th March First Independence Movement Day. March 1, 2023. <https://eng.president.go.kr/speeches/lpuJ3C1r> (дата обращения: 18.04.2024).

³¹ Address by President Yoon Suk Yeol on Korea's 77th Liberation Day. August 15, 2022. <https://eng.president.go.kr/speeches/k4bSEz3J> (дата обращения: 18.04.2024).

³² [사설] 4·19 주역들의 이승만 재평가, 나라에 희망 주는 화해와 통합 [[От редакции] Переоценка Ли Сын Мана главными героями Апрельской революции, примирение и единство, дающие надежду стране] // Chosun Ilbo. March 28, 2023. <https://www.chosun.com/opinion/editorial/2023/03/28/4JMRY3TPSRBPFKDMOZMGNS4FNY/> (дата обращения: 18.04.2024).

сражавшегося в 1907–1922 гг. с японскими колонизаторами в Корее, Маньчжурии и на территории российского Дальнего Востока³³. Одновременно левая оппозиция выступает против проводимой администрацией Юн Сок Ёля политики в отношении Японии, называя ее «дипломатией унижения», которая идет вразрез с национальными интересами страны³⁴.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что разногласия среди политической элиты РК по поводу колониального и авторитарного прошлого страны служат существенным фактором, влияющим на современную южнокорейскую политику в отношении Японии. Японское направление политики Юн Сок Ёля – часть внутренней борьбы за формирование исторической памяти, в то время как противостояние консервативных сил дискурсу прогрессистов служит в том числе цели легитимизации политического курса действующей администрации в отношении Японии.

Отход Юн Сок Ёля от антияпонизма как основы южнокорейского политического нарратива

До недавнего времени государственный антияпонизм оставался важной частью южнокорейского политического нарратива, позволяя переключать внимание населения с внутривнутриполитических проблем на то, что «Токио до сих пор не извинился». И хотя, как отмечает И. В. Дьячков, спекуляции на исторических обидах были темой для неполиткорректной сатиры еще 16 лет назад³⁵, до прихода к власти Юн Сок Ёля каждый президент РК вносил свою лепту в рост напряженности в отношениях Сеула и Токио [Дьячков 2024]. Даже консервативные президенты использовали первоапрельскую риторику для того, чтобы добавлять определенные блоки обвинений и проблем. Ли Мён Бак актуализировал тему Токто, а Пак Кын Хе перенесла проблему «женщин для утешения» из публичного поля в политическое, что позволило заключить соглашение 2015 года.

Более того, в определенной мере первоапрельская тематика служила основой для межкорейских контактов, поскольку совместное обличение японского колониального ига было беспроблемным вариантом посадить северян и южан за один стол.

Однако в 2023 г. в своей речи по поводу 104-й годовщины движения³⁶ президент Юн прямо сказал, что «спустя столетие после начал Первоапрельского движения за независимость Япония превратилась из милитаристского агрессора прошлого в партнера, разделяющего с нами те же универсальные ценности», а «трехстороннее сотрудничество между Республикой Корея, Соединенными Штатами и Японией стало более важным, чем когда-либо, для преодоления кризисов в области безопасности, включая растущие ядерные угрозы Северной Кореи».

Отметим и то, что Юн внес существенные изменения и в трактовку событий, предшествовавших движению: «104 года спустя мы должны оглянуться назад на то время,

³³ Асмолов К. Ажиотаж вокруг бюста Хон Бом До как зеркало исторической политики РК // Новое восточное обозрение. 17.09.2023. <https://journal-neo.su/ru/2023/09/17/azhiotazh-vokrug-byusta-hon-bom-do-kak-zerkalo-istoricheskoy-politiki-rk/> (дата обращения: 18.04.2024).

³⁴ 이광길 [Ли Кван Гиль]. 야, “일본에 무슨 약점 잡혔기에 굴욕외교 거듭하나” [Оппозиция, «Какая слабость перед Японией, чтобы повторять унижительную дипломатию?»] // Tongil News. January 3, 2023. <https://www.tongilnews.com/news/articleView.html?idxno=206990> (дата обращения: 18.04.2024); 정은주 [Чон Ын Чжу]. “강제동원, 정부 ‘유력안’은 일본 전쟁범죄 면책해주는 방안” [«Принудительная мобилизация, “мощный план” правительства – это план по освобождению Японии от военных преступлений»] // Tongil News. December, 28, 2022. <https://www.tongilnews.com/news/articleView.html?idxno=206937> (дата обращения: 18.04.2024).

³⁵ Korean History Channel // JustKiddingFilms. <https://www.youtube.com/watch?v=Ptyzc4BQliY> (дата обращения: 18.04.2024).

³⁶ Full text of President Yoon Suk Yeol’s speech on 104th March 1 Independence Movement Day. March 1, 2023. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230301002300315?section=news> (дата обращения: 18.04.2024).

когда мы потеряли наш национальный суверенитет; время, когда наш народ страдал из-за того, что мы не смогли должным образом подготовиться к меняющемуся миру». Можно согласиться, что такая трактовка причин потери независимости ближе к объективной реальности, так как в предшествующие протекторату и аннексии годы правящий режим практически ничего не сделал для модернизации страны и ее возможности противостоять агрессии Японии. Таким образом, в плачевном положении Кореи есть вина не только Японии, но и самих корейцев.

Год спустя президент РК выступил в том же ключе³⁷: о классическом наборе исторических проблем не было упомянуто вовсе, зато Юн Сок Ёль отметил, что теперь Корея и Япония снова работают вместе, чтобы преодолеть болезненное прошлое: «Разделяя ценности свободы, прав человека и верховенства закона, две страны стали партнерами в достижении общих интересов глобального мира и процветания... Сотрудничество в области безопасности между двумя странами против ядерных и ракетных угроз Северной Кореи стало более прочным... Я надеюсь, что в следующем году 60-я годовщина нормализации дипломатических отношений между Кореей и Японией послужит возможностью вывести отношения на более продуктивный и конструктивный уровень». Говоря о конкретных областях сотрудничества Сеула и Токио, президент указал на совместную работу в области безопасности для борьбы с ядерными и ракетными угрозами КНДР, рост туристических обменов, составивший в 2023 г. 9,28 млн человек, а также взаимопомощь в спасении граждан на Ближнем Востоке и в Африке.

Нельзя сказать, что речь была встречена овациями даже в консервативном лагере. В оппозиционной президенту газете Korea Times тотчас отметили, что «в его речи мало что говорилось об уроках, которые нация должна извлечь из своего травмирующего прошлого» и «Юн был осторожен в прямом упоминании Японии как государства, ответственного за трагическое прошлое Южной Кореи»³⁸.

Однако, отмечает далее тот же автор, «Южная Корея ничего не выиграет, если ее связи с Японией снова испортятся в этот критический момент. Это может дорого обойтись на фронте безопасности из-за серьезных геополитических обстоятельств. В Восточной Азии нарастает напряженность, которую некоторые эксперты сравнили с новым противостоянием, похожим на холодную войну, между двумя блоками, каждый из которых состоит из трех стран – один представляет собой коалицию демократических стран, а именно Соединенных Штатов, Южной Кореи и Японии, а другой – авторитарное партнерство, установившееся между Китаем, Россией и КНДР. Если связи Сеула и Токио снова будут сдерживаться из-за споров по историческим вопросам, это окажет медвежью услугу их трехстороннему партнерству с США».

Таким образом, Юн Сок Ёль радикально меняет риторику, поскольку теперь Япония и Южная Корея вместе «дружат против Северной». По мнению президента РК, дух сотрудничества со странами, разделяющими «универсальные ценности» (точнее – ценности американского извода, которые пытаются выдавать за «общечеловеческие») – это «тот же самый дух, который призывал к свободе и независимости нашей нации 104 года назад». Поэтому сегодня верный способ почтить прошлое – не прекращать усилий «по защите и расширению нашей свободы, а также нашей непоколебимой веры в универсальные ценности».

Представляется, что изменение позиции Юн Сок Ёля связано не только (и не столько) с давлением США, сколько с его личной позицией. Для бывшего генерального прокурора очень важно, чтобы все осуществлялось «по правилам», и он исходит из того, что платить по счетам должен Сеул, а не Токио. Как отмечалось ранее, согласно рассекреченным документам касательно заключения договора об установлении дипломатических отношений между двумя странами 1965 года, во время переговоров японская сторона предлагала выплату компенсаций

³⁷ Full text of President Yoon Suk Yeol's speech on 105th March 1 Independence Movement Day// Yonhap News. March 1, 2024. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240301002100315?section=search> (дата обращения: 18.04.2024).

³⁸ Woo Jae-yeon. (EDITORIAL from Korea Times on March 4) // Korea Times. March 4, 2024. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240304000400315?section=news> (дата обращения: 18.04.2024).

конкретным жертвам, но Пак Чон Хи предпочел потратить все на скорейшую индустриализацию [Hein 2020, p. 60]. Именно поэтому, с точки зрения Токио, вопрос о выплатах жертвам закрыт и, видимо, Юн считает такую трактовку верной.

Есть и иные факторы, которые могут влиять на позицию Сеула³⁹. Во-первых, это «глобальная турбулентность», усиление противостояния США и стран Запада с Китаем и Россией, трансформация архитектуры глобальной безопасности, которые приводят к складыванию новой блоковой системы [Бабаев 2023]. А то, что сторонники «общечеловеческих ценностей» должны держаться вместе, для президента РК – не фигура речи, а часть мировоззрения. Юн Сок Ёль является в большей степени прагматиком, соответственно, общая с Японией угроза в настоящем, какой ему видится КНДР, для него, очевидно, гораздо важнее споров о прошлом. Выступая 15 августа 2022 г. по случаю Дня освобождения Кореи от японского колониального господства, Юн заявил, что «сегодня Япония является нашим партнером, поскольку мы сталкиваемся с общими угрозами... Корейско-японские отношения будут двигаться к общему будущему, и когда миссия нашего времени совпадет, основываясь на наших общих универсальных ценностях, это также поможет нам решить исторические проблемы, существующие между нашими двумя странами»⁴⁰.

Во-вторых, в течение последних двух лет правления Мун Чжэ Ина государственный антияпонизм был подточен рядом неприятных скандалов. Наиболее громкая история касалась Юн Ми Хян, которая с 2005 по 2020 г. возглавляла НГО «Корейский совет справедливости и памяти по вопросам сексуального рабства в армии», занимавшуюся вопросами «женщин для утешения». В мае 2020 г. одна из выживших «женщин для утешения» прямо обвинила ее в присвоении пожертвований и иных релевантных преступлениях⁴¹. И хотя в итоге фигурантка дела «о бизнесе на бабушках» отделалась условным сроком за растрату⁴² и даже вернулась к активизму, неприятных моментов все равно остается много. Эти скандалы дискредитируют антияпонский тренд и косвенно льют воду на мельницу «новых правых», тем самым основа для обвинений Японии потихоньку начинает размываться, так как выходит, что профессиональные борцы с японскими происками имели не патриотические, а личные мотивы, будучи заинтересованными в сохранении госфинансирования.

В-третьих, стоит учитывать, что еще со времен конца правления Мун Чжэ Ина рост антикитайских настроений в РК существенно потеснил антияпонские⁴³. По данным опроса от 16–17 июня 2023 г., 76% респондентов заявили, что не доверяют Китаю⁴⁴. Результаты иного опроса показали, что 33,5% респондентов в возрасте от 18 до 28 лет испытывают к Китаю наибольшую антипатию⁴⁵. Это тоже означает, что популистам становится выгоднее использовать антикитайскую, а не антияпонскую карту, в то время как Япония выступает в деле сдерживания Китая естественным союзником РК.

³⁹ Подробнее см. Асмолов К.В. Юн Сок Ель поворачивает к Японии // Новое восточное обозрение. 23.03.2023. <https://journal-neo.su/ru/2023/03/23/yun-sok-yol-povorachivaet-k-yaponii/> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴⁰ Address by President Yoon Suk Yeol on Korea's 77th Liberation Day. 2022, August 15. <https://eng.president.go.kr/speeches/k4bSEz3J> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴¹ Surviving wartime sex slavery victim criticizes advocacy group // Yonhap news. May 7, 2020. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200507011200325?section=news> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴² Sentence raised to suspended imprisonment for activist-turned lawmaker for embezzling donations for sexual slavery victims // Yonhap news. September 20, 2023. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230920007600315?section=news> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴³ См. подробнее: [Асмолов 2022].

⁴⁴ Большинство жителей РК не считают Китай стратегическим партнером // Международное радио Кореи. 19.06.2023. http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=74776 (дата обращения: 18.04.2024).

⁴⁵ Z세대 56.4% “북중러 싫어”...가장 싫은 나라 中 33.5% 日 29.3% 北 17.0% [Поколение Z 56,4% «Ненавидят Северную Корею, Китай и Россию» ... Самая ненавистная страна: Китай – 33,5%, Япония – 29,3%, Северная Корея – 17,0%] // Dailian. 2023. <https://www.dailian.co.kr/news/view/1245910/?sc=Naver> (дата обращения: 18.04.2024).

Заключение

На парламентских выборах в РК в апреле 2024 г. победили демократы, тем самым оппозиция продолжит контролировать парламент. Вместе с тем представляется, что это не скажется значимым образом на внешнеполитическом курсе Юн Сок Ёля в отношении Токио. С одной стороны, сотрудничество с Японией не было в числе факторов, приведших консерваторов к поражению на выборах. С другой стороны, в вопросах внешней политики Юн обладает большей свободой действий, так как надо меньше иметь дело с парламентом, соответственно, по мнению авторов, южнокорейский президент продолжит свой курс в отношении Японии.

Тем не менее, существуют факторы, которые налагают определенные ограничения на возможности сближения РК и Японии. Во-первых, подход Юна к нормализации отношений с Токио не решает существующие исторические противоречия между двумя странами, а лишь «заметает их под ковер» [Давыдов 2023]. Прослеживается скептическое отношение южнокорейского общества к прояпонскому курсу Юн Сок Ёля.

Во-вторых, это отсутствие межпартийного консенсуса в РК относительно политики в отношении Японии. Более того, и в части консервативных кругов прослеживается критика отдельных аспектов подхода Юна к налаживанию отношений с Японией и неудовлетворенность ответными действиями Токио. В частности, высказывались предостережения о том, что «не нужно торопиться» и что Юн Сок Ёль «не должен безропотно мириться с ситуацией, в которой Япония пытается ее [РК] использовать»⁴⁶. Отметим, что также существуют опасения относительно складывания ситуации, в которой Япония может «вмешиваться» в производство полупроводников в Южной Корее в рамках продвигаемого США сотрудничества в области цепочек поставок технологической продукции между Сеулом, Вашингтоном, Токио и Тайбэем⁴⁷.

В-третьих, усилия националистической фракции Либерально-демократической партии Японии (ЛДП), направленные на «забвение» нелицеприятных аспектов императорского прошлого Японии [Deason 2022], романтизацию ее «героического» прошлого и размывание ответственности за преступления японского милитаризма [Стрельцов 2019]. Япония идет по пути отказа от ограничений на военное строительство и «пацифистско-покаятельной» дипломатии, все более активно и жестко отстаивает свои международные интересы. Это наглядно продемонстрировала достаточно сдержанная реакция Токио на дипломатические шаги Юн Сок Ёля по налаживанию двусторонних отношений, хотя правительство Юн Сок Ёля надеялось на активные ответные действия Японии, подразумевая выражение извинений японской стороной и намекая на возможность добровольного участия японских компаний в южнокорейском фонде помощи пострадавшим от принудительного труда на японских предприятиях при министерстве внутренних дел Южной Кореи⁴⁸.

Премьер-министр Японии Ф. Кисида не принес явных извинений во время саммита в Токио в марте 2023 г., заявив только то, что в целом наследует исторические представления прошлых

⁴⁶ [단독] “日정부, 피고기업은 징용보상에 참여하지 않기로 내부결론” [[Эксклюзив] японское правительство решило, что компании-ответчики не будут участвовать в выплате компенсаций жертвам трудовой мобилизации] // Chosun Ilbo. March 2, 2023. <https://www.chosun.com/international/japan/2023/03/02/7SXWXRGDNGDRB4V76JPN5JCVU/> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴⁷ [단독] “日정부, 피고기업은 징용보상에 참여하지 않기로 내부결론” [[Эксклюзив] японское правительство решило, что компании-ответчики не будут участвовать в выплате компенсаций жертвам трудовой мобилизации] // Chosun Ilbo. March 2, 2023. <https://www.chosun.com/international/japan/2023/03/02/7SXWXRGDNGDRB4V76JPN5JCVU/> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴⁸ “절반의 컵, 남은 물은 日이 채워야” 외교가, 강제동원 해법 ‘호응’ 촉구 [韓·日 정상방문 12년 만에 재개] [«Стакан наполовину полон, оставшаяся часть должна быть наполнена Японией». Дипломатия призывает к «позитивному ответу» на решение проблемы принудительной мобилизации [южнокорейско-японская челночная дипломатия возобновляется спустя 12 лет]] // Segye. March 14, 2023. <https://m.segye.com/view/20230314519189> (дата обращения: 18.04.2024).

правительств. Южнокорейская общественность резонно обратила внимание на то, что японские кабинеты в прошлом не только выражали раскаяние по поводу исторических проблем, но и отрицали преступления милитаристского режима. Японские компании отказались принимать какое-либо участие в компенсации индивидуальных исков корейских жертв принудительного труда на японских фабриках в годы Второй мировой войны, так такая компенсация могла бы расцениваться как признание незаконности японской колонизации Кореи, в то время как Япония настаивает, что «японское колониальное правление в Корее осуществлялось на законных основаниях, и воинская повинность была политикой для всех японских граждан в то время»⁴⁹. Продолжают иметь место такие «раздражители», как посещение японскими политиками храма Ясукуни, который ассоциируется с японским милитаризмом, издание учебников, в которых замалчиваются зверства японцев в военное время, а Токто помечен как «собственная территория Японии»⁵⁰. Заявления МИД РК по этим вопросам выдержаны в «старой» стилистике. Нерешенным остается вопрос о том, в какой мере это будет иметь характер ритуальных действий, а в какой может повлиять на курс южнокорейского правительства.

Опора правых правительств в Японии на националистическую политическую базу и «усталость» японского общества от критики РК в адрес Японии за ее поведение во Второй мировой войне и требований извиниться не позволяют надеяться на взаимопонимание двух стран в преодолении исторических противоречий. Несмотря на рост популярности в РК ультраправых взглядов на колониальное прошлое, опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что Южная Корея не готова забыть прошлое ради будущего. Национализм остается основой государственной политики РК, а определенный градус антияпонских настроений поддерживается системой образования [Ким, Соловьёв 2023]. Южнокорейская позиция склоняется к тому, чтобы двигаться в будущее, помня прошлое. Суть не в том, чтобы прошлое было забыто, а в том, чтобы оно не мешало реализации поставленных нынешней администрацией внутривластных и внешнеполитических задач.

В краткосрочной перспективе стоит ожидать сохранения статус-кво в южнокорейско-японских отношениях и расширения контактов двух стран в продвигаемых США форматах взаимодействия в АТР, включая трехстороннее сотрудничество в сфере безопасности. Однако насколько устойчивы и долгосрочны факторы, которые способствуют сближению РК и Японии? Прежде всего, сложно говорить о долгосрочности и какой-либо стратегии применительно к внешнеполитическому курсу РК. Особенности политического устройства и внутривластной жизни накладывают ограничения на возможность страны мыслить и действовать стратегически. В случае прихода к власти в РК прогрессистов отношения двух стран могут подвергнуться новой «встряске».

Это отнюдь не говорит о том, что установление прогрессивной администрации может кардинально затормозить выстраивание Вашингтоном треугольника РК – США – Япония. Этот процесс активизировался еще при Мун Чжэ Ине – после прихода к власти в США президента Джо Байдена [Harold 2021]. В перспективе курс Юн Сок Ёля ведет к усилению не только зависимости от США и Японии в области безопасности, но и экономической зависимости РК от США и выстраиваемых Вашингтоном структур координации в технологической сфере. Это может служить фактором, ограничивающим южнокорейско-японские трения по историческим вопросам. Вместе с тем высока вероятность конкуренции Сеула и Токио за привилегированные отношения

⁴⁹ [단독] “日정부, 피고기업은 징용보상에 참여하지 않기로 내부결론 [[Эксклюзив] японское правительство решило, что компании-ответчики не будут участвовать в выплате компенсаций жертвам трудовой мобилизации] // Chosun Ilbo. March 2, 2023. <https://www.chosun.com/international/japan/2023/03/02/7SXWXRGDNGDRB4V76JPN5JCVU/> (дата обращения: 18.04.2024).

⁵⁰ [사설] 日 교과서 역사 왜곡, 日에 선부른 기대 말고 냉정한 국익 외교를 [[От редакции] Японские учебники искажают историю; не возлагайте поспешных ожиданий от Японии и проводите хладнокровную дипломатию в национальных интересах] // Chosun Ilbo. March 29, 2023. <https://www.chosun.com/opinion/editorial/2023/03/29/ALWLCCTDCAJB6DNFOISJMDQ7T2Q/> (дата обращения: 18.04.2024).

и статус главного союзника США в Азии. Осознание того, что РК будет иметь второстепенное значение в стратегии США по сравнению с Японией, может привести к всплеску антияпонских настроений. Таким образом, южнокорейско-японская связка останется «слабой точкой» создаваемой Вашингтоном конструкции. Выйти из антагонизма в отношении Японии остается для РК непростой задачей. И дело не только в том, что преодоление исторических противоречий требует политической воли, консенсуса среди политических сил и в обществе, а также времени. Разница в стратегических приоритетах двух стран, конкуренция на мировых рынках, низкий уровень доверия друг к другу дают основания предположить о возможных откатах в двусторонних отношениях в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асмолов К. Хуже только коммунисты. Почему в Южной Корее до сих пор опасно признаваться в симпатиях к Японии // Лента. 15.12.2015. <https://lenta.ru/articles/2015/12/15/antijap/?ysclid=lucrql195z91398211> (дата обращения: 18.04.2024).
- Асмолов К.В. О причинах роста антикитайских настроений в Южной Корее // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Вып. XXVII. С. 254–267. DOI: 10.48647/IFES.2022.74.22.015.
- Бабаев К.В. Стратегический треугольник Россия–США–КНР и будущее Северо-Восточной Азии // Корееведение. 2023. № 4. С. 66–78. DOI:10.48647/ИССА.2023.27.21.006.
- Давыдов О.В. К итогам трёхстороннего саммита США–РК–Япония: корейский угол // ИМЭМО РАН. 22.08.2023. <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/towards-the-results-of-the-us-rok-japan-trilateral-summit-the-korean-corner> (дата обращения: 18.04.2024).
- Дьячков И.В. 2024. Исторические обиды в отношении Японии в политике Юн Сок Ёля. Современные проблемы Корейского полуострова 2024. Москва: ИКСА РАН. В печати.
- Дьячков И.В. Историческая память и политика: проблема «женщин для комфорта» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4. С. 72–87. DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2019-10029>. (дата обращения: 18.04.2024).
- Ермолаева Е.М. 2024. Деятельность Специального комитета по расследованию преступлений против нации в Республике Корея (1948–1949 гг.). Современные проблемы Корейского полуострова 2024. Москва: ИКСА РАН. В печати.
- Иванов К.В. Исторические проблемы Кореи периода 1905–1945 гг. и их современное наследие: колониальная модернизация, ассимиляция корейцев и проблема «прояпонских деятелей»: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Иркутск. 2014. https://files.isu.ru/ru/science/boards/hist5/dissert/docs/ar_ivanov.pdf (дата обращения: 18.04.2024).
- Ким Н.Н., Соловьёв А.В. Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея // Международная аналитика. 2023. Т. 14. № 2. С. 49–72. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-14-2-49-72>.
- Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 38–49. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49.
- Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. Японо-корейское урегулирование в политике США, 1953–1965 гг. // Японские исследования. 2020. № 4. С. 98–119. DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2020-10030>.

REFERENCES

- Asmolov, K. (2015, December 15). Khuzhe tol'ko kommunisty. Pochemu v Yuzhnoi Koree do sikh por opasno priznavat'sya v simpatiyakh k Yaponii [The Only Thing Worse Is the Communists. Why Is It Still

- Dangerous in South Korea to Admit to Liking Japan?]. *Lenta*. Retrieved April 18, 2024, from <https://lenta.ru/articles/2015/12/15/antijap/?ysclid=lucrq1i95z91398211> (In Russian).
- Asmolov, K. (2022). O prichinakh rosta antikitskikh nastroyenii v Yuzhnoi Koree [On the Reasons for the Growth of Anti-Chinese Sentiment in South Korea]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*, 27, 254–267. (In Russian). DOI: 10.48647/IFES.2022.74.22.015
- Babaev, K. (2023). Strategicheskii treugol'nik Rossiya – SSHA – KNR i budushchee Severo-Vostochnoi Azii [Strategic Triangle Russia–USA–China and the Future of Northeast Asia]. *Korevedenie*, 4, 66–78. (In Russian). DOI:10.48647/ICCA.2023.27.21.006
- Davydov, O. (2023, August 22). K itogam trekhstoronnego sammita SSHA–RK–Yaponiya: koreiskii ugol [On the Results of the US-ROK-Japan Trilateral Summit: The Korean Corner]. *MEMO*. Retrieved April 18, 2024, from <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/towards-the-results-of-the-us-rok-japan-trilateral-summit-the-korean-corner/> (In Russian).
- Dyachkov, I.V. (2019). Istoricheskaya pamyat' i politika: problema «zhenshchin dlya komforta» v sovremennykh yuzhnokoreisko-yaponskikh otnosheniyakh [Collective Memory and Politics: “Comfort Women” in Current Relations Between South Korea and Japan]. *Japanese Studies in Russia*, 4, 72–87. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2019-10029>
- Dyachkov, I. (2024). Istoricheskie obidy v otnoshenii Yaponii v politike Yun Sok Elya [Historical Grievances Vis-à-vis Japan in Yoon Suk-yeol's Policy]. In *Sovremennye problemy Koreiskogo poluostrova 2024* [Korean Peninsula: Current Issues 2024]. Moscow: ICCA RAS. (In Russian). In print.
- Ermolaeva, E. (2024). Deyatel'nost' Spetsial'nogo komiteta po rassledovaniyu prestuplenii protiv natsii v Respublike Koreya (1948–1949 gg.) [Activities of the Special Committee to Investigate Anti-National Crimes in the Republic of Korea (1948–1949)]. In *Sovremennye problemy Koreiskogo poluostrova 2024* [Korean Peninsula: Current Issues 2024]. Moscow: ICCA RAS. (In Russian). In print.
- Ivanov, K. (2014). *Istoricheskie problemy Korei perioda 1905–1945 gg. i ikh sovremennoe nasledie: kolonial'naya modernizatsiya, assilyatsiya koreitsev i problema “proyaponskikh deyatelei”* [Historical Problems of Korea in the Period of 1905-1945 and Their Contemporary Legacy: Colonial Modernization, Korean Assimilation, and the Problem of “Pro-Japanese Figures”]. Candidate of Sciences Dissertation, Irkutsk State University. Retrieved April 18, 2024, from https://files.isu.ru/science/boards/hist5/dissert/docs/ar_ivanov.pdf (In Russian).
- Kim, N.N., Soloviev, A.V. (2023). Antikolonial'nye i postkolonial'nye narrativy v kontekste politicheskogo mifa v KNDR i Respublike Koreya [Anticolonial and Postcolonial Narratives in the Context of Political Myth in the DPRK and the Republic of Korea]. *Journal of International Analytics*, 14 (2), 49–72. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-14-2-49-72>
- Streltsov, D. (2019). Yaponskii regionalizm epokhi Sindzo Abe cherez prizmu tsennostnogo podkhoda [Japanese Regionalism in the Era of Shinzō Abe Through the Prism of Value Approach]. *World Economy and International Relations*, 6 (9), 38–49. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49
- Yungblud, V., Sadakov, D. (2020). Yaponno-koreiskoe uregulirovanie v politike SShA, 1953–1965 gg. [Japan-Korea Settlement in US Policy, 1953–1965]. *Japanese Studies in Russia*, 4, 98–118. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2020-10030>

* * *

- Cheong, Sung-hwa. (1991). *The Politics of Anti-Japanese Sentiment in Korea: Japanese-Korean Relations Under American Occupation, 1945–1952*. New York: Greenwood Press.
- Dae, Young Ryu. (2017). Political Activities and Anti-Communism of Korean Protestant Conservatives in the 2000s. *Asian Journal of German and European Studies*, 2. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40856-017-0016>
- Deacon, C. (2022). (Re)producing the ‘History Problem’: Memory, Identity and the Japan-South Korea Trade Dispute. *The Pacific Review*, 35 (5), 789–820. DOI: 10.1080/09512748.2021.1897652
- Engel, B. A. (2023, August 18). Reframing South Korea's History: Yoon's Dance With the New Right. *KOREA PRO*. Retrieved April 18, 2024, from <https://koreapro.org/2023/08/reframing-south-koreas-history-yoons-dance-with-the-new-right/>

- Glosserman, B., Snyder, S. A. (2015). *The Japan-South Korea Identity Clash: East Asian Security and the United States*. New York City: Columbia University Press.
- Goodman, S. M., Kim, D., VerWey, J. (2019, October). *The South Korea-Japan Trade Dispute in Context: Semiconductor Manufacturing, Chemicals, and Concentrated Supply Chains*. United States International Trade Commission Office of Industries. Working Paper ID-062. Retrieved April 18, 2024, from https://usitc.gov/publications/332/working_papers/the_south_korea-japan_trade_dispute_in_context_semiconductor_manufacturing_chemicals_and_concentrated_supply_chains.pdf
- Harold, S. W., Grossman, D., et al. (2019). *The Thickening Web of Asian Security Cooperation. Deepening Defense Ties Among U.S. Allies and Partners in the Indo-Pacific*. RAND Corporation.
- Harold, S., Hiroyasu, A., et al. (2021). *The U.S.-Japan Alliance and Rapid Change on the Korean Peninsula. Proceedings from a Pair of Conferences*. RAND Corporation.
- Hein, P. (2020). The Ambiguities of Amending Historical Injustices and Espousing a Shared Collective Memory: The WWII Forced Labour Narratives in Germany and Japan. *State Crime Journal*, 9 (1), 47–70. DOI: <https://doi.org/10.13169/statecrime.9.1.0047>
- Jo, Eun A. (2022). Memory, Institutions, and the Domestic Politics of South Korean-Japanese Relations. *International Organization*, 76, 767–798. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818322000194>
- Kim, Suk Yeon. (2020). Korean Students in Imperial Japan: What Happened After 1919? *Sungkyun Journal of East Asian Studies*, 20 (1), 1–36.
- Kim, Yang-Hee. (2021). A Study on South Korea's "Decoupling From Japan" Response to Japan's Reinforcement of Export Regulations. *Seoul Journal of Japanese Studies*, 7 (1), 91–118.
- Kimura, K. (2019). *The Burden of the Past: Problems of Historical Perception in Japan–Korea Relations*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.10006543>
- Lee, Seokwoo, Lee, HeeEun. (2016). *The Making of International Law in Korea: From Colony to Asian Power*. Leiden: Brill Nijhoff.
- Ogawa, A. *The Miracle in 1965*. Retrieved April 18, 2024, from <https://web.archive.org/web/20150619131212/http://www.okazaki-inst.jp/miracle65.html>
- Park, Cheol Hee. (2020). South Korean Views of Japan: A Polarizing Split in Coverage. In G. Rozman (ed.), *Joint U.S.-Korea Academic Studies*, Vol. 31. Korea Economic Institute of America.
- Park, Soon-Won. (2007). The Politics of Remembrance: The Case of Korean Forced Laborers in the Second World War. In Gi-Wook Shin, Soon-Won (eds.), *Rethinking Historical Injustice and Reconciliation in Northeast Asia: The Korean Experience* (pp. 55–74). New York: Routledge.
- Repeta, L. (2008, January 1). Foreign Ministry Failure to Provide Documents on 1965 Japan-Korea Normalization Pact Is Illegal: Tokyo Court. *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. Retrieved April 18, 2024, from <https://apjff.org/Lawrence-Repeta/2641/article>
- Seo, Jungmin. (2021). Diagnosing Korea-Japan Relations Through Thick Description: Revisiting the National Identity Formation Process. *Third World Quarterly*. DOI: 10.1080/01436597.2021.1937098
- Yang, M., Asahina, Y. (2024). Strange Bedfellows: Why Right-Wing Intellectuals in South Korea Chose to Cooperate With Their Country's Former Coloniser. *Nations and Nationalism*, 30 (1), 128–143. DOI: 10.1111/nana.12984
- Yang, Sungik. (2021). An Old Right in New Bottles: State Without Nation in South Korean New Right Historiography. *Journal of Asian Studies*, 80 (4), 889–909. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021911821001443>
- Yi, J., Phillips, J. (2023). "Low-Road" Liberalism: Censoring Public Discourses on Communist North Korea and Imperial Japan. *Society*, 60, 212–223. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12115-023-00811-6>

Поступила в редакцию: 26.04.2024

Received: 26 April 2024

Принята к публикации: 02.07.2024

Accepted: 02 July 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-133-147

Эволюция кластерной политики в Японии

А.В. Белов

Аннотация. В данной статье проводится нарративный анализ японской стратегии стимулирования экономического роста через формирование и развитие кластеров, т.е. географически концентрированных групп компаний и организаций, действующих в связанных отраслях. Кластерная политика активно осуществлялась в Японии в 2000–2010 гг., однако в последующем ее реализация была прекращена. Тем не менее, это не означало ни провала политики, ни отказа от поддержки кластеров иными методами. Кроме того, в ходе осуществления кластерных мер удалось накопить позитивный опыт, интересный для многих переходных и развивающихся экономик. С учетом этого вслед за введением в первой части статьи приводится обзор некоторых положений экономико-географической теории, которая характеризует кластеры как важнейший инструмент инновационного развития. Во второй части анализируются особенности зон традиционной концентрации промышленности в Японии, имеющих общие черты с аналогичными образованиями в Англии и Италии и описанными в ранних кластерных исследованиях. В третьей части определяются особенности существующих в Японии кластеров и кластерной политики, такие как выбор целевых отраслей и используемых мер поддержки. Выявляются факторы успеха и ограничения, с которыми сталкивалась японская кластерная политика в период мирового финансового кризиса 2007–2008 гг., формирования оппозиционного демократического правительства в 2009–2012 гг., а также катастрофы 2011 г. и последовавшего ужесточения ситуации с бюджетом. В четвертой части дается описание современного взгляда на стимулирование инновационного процесса в региональном разрезе, получившего название «платформенной модели», а также выделяются причины модификации кластерного подхода. В результате установлено, что многие элементы кластерной политики Японии представляют интерес для стран и регионов, стремящихся использовать кластерный метод как инструмент поддержки инновационного экономического роста. В частности, для постсоветских государств может оказаться полезным японский опыт стимулирования территориальной концентрации, налаживания вертикальной кооперации агропромышленных предприятий, создания кластерных управляющих организаций, а также перехода от узкой кластерной к широкой «платформенной» политике формирования региональных инновационных экосистем.

Ключевые слова: агломерация, промышленные кластеры, интеллектуальные кластеры, кластерная политика, региональные инновационные экосистемы, экономика Японии.

Автор: Белов Андрей Васильевич, доктор экономических наук, профессор Университета префектуры Фукуи (адрес: Япония, 910-1195, Фукуи, Ёсида-гун, Эйхэйдзи-тё, Мацуока-Кэндзёдзима, 4-1-1). ORCID: 0000-0002-8703-8487; E-mail: abelov@fpu.ac.jp

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Белов А.В. Эволюция кластерной политики в Японии // Японские исследования. 2024. № 3. С. 133–147. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-133-147

Evolution of Cluster Policy in Japan

A.V. Belov

Abstract. This article offers a narrative analysis of Japan's strategy for fostering economic growth through the establishment and advancement of clusters, defined as geographically concentrated groups of companies and organizations operating within related industries. While cluster policy was actively pursued in Japan from 2000 to 2010, its implementation was subsequently discontinued. However, this cessation did not signify a failure of the policy or a rejection of supporting clusters through alternative means. Furthermore, the implementation of cluster measures yielded valuable insights applicable to numerous transition and developing countries. Following the introduction, the article provides an overview of key concepts from economic-geographical theory, which characterize clusters as pivotal tools for innovative development. The subsequent segment delves into the characteristics of traditional industrial concentration zones in Japan, which share similarities with analogous formations in England and Italy outlined in early cluster studies. The third part scrutinizes existing clusters and cluster policy in Japan, including the selection of target industries and support measures. It identifies the factors contributing to the success of Japanese cluster policy as well as the limitations it faced during the global financial crisis of 2007–2008, the installation of the opposition Democratic government in 2009–2012, and the 2011 disaster alongside subsequent budget constraints. The fourth section elucidates the contemporary approach to fostering the innovation process within a regional context, known as the “platform model,” and underscores the rationale for modifying the cluster approach. Consequently, the article underscores that many facets of Japan's cluster policy hold relevance for countries and regions aspiring to utilize the cluster method as a means of promoting innovative economic growth. Specifically, Japan's experience in stimulating territorial concentration, fostering vertical cooperation among agro-industrial enterprises, establishing cluster management organizations, and transitioning from a narrow cluster to a broader “platform” policy for cultivating regional innovation ecosystems may offer valuable insights for post-Soviet states.

Keywords: agglomeration, industrial clusters, knowledge clusters, cluster policy, regional innovation ecosystems, economy of Japan.

Author: *Belov, Andrey V.*, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Fukui Prefectural University (address: Japan, 910-1195, Fukui, Yoshida-gun, Eiheiji-cho, Matsuoka-Kenjojima, 4-1-1). ORCID: 0000-0002-8703-8487; E-mail: abelov@fpu.ac.jp

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Belov, A.V. (2024). Evolyutsiya klasternoï politiki v Yaponii [Evolution of Cluster Policy in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 3, 133–147. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-133-147

Введение

Кластерная политика появилась в перечне мероприятий японского правительства в начале 2000-х гг. Целью ее была ревитализация экономики страны и отдельных регионов через поддержку географически концентрированных групп компаний определенных отраслей. На первом этапе в 2001–2005 гг. основным содержанием государственного содействия стали финансовые и организационные меры, стимулирование ограниченного числа специально отобранных промышленных и интеллектуальных кластеров. С этой целью было предпринято расширение государственного финансирования, развитие связей региональных исследовательских и образовательных институтов с местными компаниями, усиление координационной деятельности территориальных администраций. В итоге кластерная

политика превратилась в сложный конгломерат действий, направленных на стимулирование отраслей, регионов, малого бизнеса, инноваций и трехсторонней кооперации деловых, научных и административных кругов.

По мнению коалиционного правительства под руководством Демократической партии Японии (2009–2012), к 2011 г. кластерная политика в таком виде потеряла свою эффективность и была заменена региональными стратегиями стимулирования инноваций. К началу 2020-х гг. прямые упоминания о кластерной политике исчезли из планов работы правительства Японии. На смену им пришли более широкие задачи формирования региональных деловых экосистем, т.е. связей компаний и организаций, стимулирующих развитие бизнеса на территории без конкретной отраслевой привязки. Почему это произошло, означает ли это отрицательную оценку кластерной политики и отказ от ее проведения? Ответ на этот вопрос и составляет основную задачу нашего исследования, поскольку представляет большой интерес и для самой Японии, и для стран, проявляющих интерес к созданию промышленных кластеров.

В первой части статьи вслед за введением приводится краткий теоретический обзор, во второй дается описание традиционных зон промышленной концентрации в Японии, считающихся предшественниками кластеров, в третьей части описываются характерные черты японской кластерной политики и приводятся примеры успешных кластеров, в четвертой обсуждаются причины перехода от кластерной политики к более широкой «платформенной» модели регионального инновационного развития. Пятая, заключительная часть содержит выводы о применимости опыта японской кластерной политики в странах с развивающейся рыночной экономикой.

Некоторые положения теории промышленных кластеров

Концепция кластеров берет начало от описаний А. Маршаллом английских индустриальных районов в конце XIX в., а также от работ Дж. Беккатини об агломерациях малых и средних предприятий (МСП) в Италии 1970-х гг. В знаменитой работе А. Маршалла «Принципы экономической науки» показано, что однородные фирмы, компактно расположенные в «промышленных регионах», имеют более широкий по сравнению с другими компаниями доступ к квалифицированной рабочей силе и специализированным поставщикам, а также возможности обмена опытом и технологиями [Marshall 1890]. Эти и другие исследователи заложили основу европейской традиции исследования кластеров с упором на пространственные аспекты анализа бизнес-агломераций. В соответствии с этими теоретическими установками специалисты выделили следующие признаки кластеров: географическую близость, сходное поведение и тесные связи фирм-участников, основанные на обмене товарами, услугами, работниками и информацией, и, наконец, институциональную среду, обеспечивающую деятельность компаний [Rabelotti 1998].

Американская ветвь кластерных исследований получила мощный импульс развития в 1990 году, когда М. Портер определил промышленный кластер как тесно взаимодействующую группу компаний из сопряженных отраслей. Это определение стало классическим и легло в основу многих национальных исследований по идентификации и картографии кластеров. В книгах М. Портера продемонстрировано, как растущие фирмы используют возможности национальной экономики (классификация факторов конкурентоспособности в виде четырехугольного «бриллианта», Porter's diamond), потенциал вертикальной кооперации («стоимостные цепи», value chains) и горизонтальных связей (комплексные «системы создания стоимости», value systems). В результате формируются территориальные кластеры, которые становятся источником конкурентных преимуществ и для отдельных фирм, и для экономики страны в целом [Porter 1990; Porter 1998].

Интеграция европейского и американского подходов произошла в конце 1990-х гг., а к началу 21-го столетия идея кластеров вобрала в себя множество аспектов организации производства, регионального развития и инноваций. Единого подхода к определению кластеров так и не сложилось, хотя сам термин приобрел очень широкую популярность. В научной литературе появилось несколько направлений, связанных с кластерной проблематикой (см. обзор литературы в [Смородинская 2019]).

Специалисты по новой экономической географии (НЭГ) объяснили механизм образования кластеров в современной экономике под влиянием преимуществ территориальной близости. В частности, согласно работам П. Кругмана географическая концентрация и тесное взаимодействие компаний, т. е. кластеризация, позволяет получить агломерационный эффект, который становится важным конкурентным преимуществом в эпоху глобализации [Krugman 1991]. Географы-эволюционисты подчеркнули важность разнообразия состава, развитости взаимодействия, а также качества институциональной среды для реализации преимуществ кластера, указали на изменения кластера в ходе его жизненного цикла, подчеркнули необходимость гибкого баланса между специализацией и разнообразием для сохранения способности к эволюции [Frenken 2007]. Специалисты по системным инновациям заявили, что инновационные производственные системы (связанные в сеть предприятия, исследовательские организации, административные и государственные органы) могут возникать на различных уровнях, включая локальные агломерации. Впоследствии, эта идея получила развитие в виде сначала инновационных, а затем региональных инновационных кластеров, и уже в таком виде попала в кластерные программы различных стран по всему миру [Muro 2011]. Следующим шагом стало появление концепции инновационных экосистем, которые в современной организации производства стали главными элементами, а кластеры начали трактоваться как важнейшая их разновидность [Nallari 2013].

Соответственно, появилась возможность выделить три типа кластеров по готовности к стимулированию устойчивых инноваций. Первый тип представляет собой концентрацию малых фирм с неформальными связями и постепенными инновациями. Второй тип предполагает формирование компаний-лидеров и бизнес-периферии, опирающихся преимущественно на вертикальные взаимодействия и соответствующее распространение нововведений. Третий тип означает появление развитых сетевых связей, действенных связей бизнеса, науки и администрации, а также динамичных устойчивых инноваций. Именно третий вариант получает характеристику регионального инновационного кластера и является наиболее продвинутой формой организации территориального взаимодействия в экономике знаний.

На этой основе предлагается три взаимосвязанных направления дальнейшего анализа кластеров: как производственных агломераций, как инновационных экосистем и как экономических проектов развития (кластерных инициатив) [Смородинская 2019]. Это предложение опирается на проведенное ранее разделение европейской и американской традиций кластерных исследований, а также на широкую популярность современной инновационной литературы. Кроме того, такой подход тесно соприкасается с идеями М. Портера о трех измерениях описания кластеров: в виде территориально-локализованной структуры, как сети разнородных институциональных агентов, и с точки зрения появляющихся ресурсов общего пользования [Porter 1998].

В качестве производственных агломераций кластеры представляют собой воплощение современных процессов разделения труда и формирования глобальных цепочек стоимости (ГЦС). Эволюция кластера проходит четыре стандартных этапа зарождения, роста, зрелости и трансформации, в ходе которых развивается специализация, усиливается взаимодействие участников, происходит накопление специфических знаний, повышается уровень глобализации, ускоряется генерация новых фирм и направлений деятельности. Финальная трансформация протекает либо по негативному сценарию технологической стагнации, либо по позитивному

и многовариантному пути самообновления. По-видимому, ключом к успешной трансформации является участие в ГЦС и глобальная конкуренция, которые заставляют кластерные фирмы повышать степень специализации и ускорять инновации [Ketels 2008].

Кластеры занимают особое место среди агломераций с действующими в них бизнес-сетями или экосистемами (системами разнообразных и устойчивых контактов). Иерархическая классификация географически-концентрированных бизнес-сетей включает относительно простые кооперационные формы с мягкой координацией, более сложные коллаборативные образования с развитыми обратными связями и совместным планированием, и наконец, собственно кластеры с коллаборативными сетями на основе интенсивного взаимодействия деловых, научных и административных участников, описанного в модели тройной спирали синергического взаимодействия бизнеса, науки и администрации (Triple Helix Model). Как правило, это достигается на зрелом этапе развития кластера при соблюдении некоторых формальных условий (число участников кластера в пределах 50–200 компаний, географическая концентрация не далее 200 км, существование формальной кластерной организации в дополнение к свободной сети). Именно в этом случае появляются синергические эффекты (экономия затрат, снижение рисков, стимулирование инноваций и др.) и динамические балансы (между специализацией и диверсификацией, кооперацией и конкуренцией), которые и являются признаками «настоящих» кластеров в отличие от их «номинальных» подобий [Смородинская 2019].

Превращение рыночной агломерации компаний в региональный инновационный кластер требует организованных усилий, или кластерных инициатив. Последние несут координационный, открытый и коллаборативный характер и тем самым отличаются от традиционных проектов прошлого. Бизнес-участники совместно осуществляют производственную программу, а представители других институциональных секторов концентрируются на развитии сетевого сотрудничества, устранении барьеров и наведении мостов. Именно на эти цели, а не на селективную поддержку предприятий направляется государственное финансирование в наиболее успешных кластерах. В результате появляется возможность сэкономить средства и избежать отрицательных последствий для фирм, оставшихся без субсидий [Ketels 2013].

Традиционные зоны промышленной концентрации в Японии

Приведенный обзор литературы дает представление о многослойности кластерных исследований, объединяющих элементы экономической географии, менеджмента, теорий организационных структур и инновационной деятельности. Комплексный характер теоретической основы дополняется сложностью кластерной политики, которая считается продолжением поддержки экономического роста, регионального развития, перестройки менеджмента и стимулирования инноваций [Ishikura et al. 2003, p. 44]. Особенно наглядно прослеживается связь кластерной политики с эволюцией научных представлений и государственных мер по размещению производства. В частности, в 1950-х – 1960-х гг. в Японии проводилось стимулирование размещения отраслей тяжелой и химической промышленности в прибрежных районах Тихоокеанского пояса, в 1970-х – 1980-х гг. началась политика территориального выравнивания в распределении предприятий и формирования полюсов регионального развития, в 1990-х гг. центр тяжести сместился на устранение последствий переноса производственной базы за рубеж, стимулирование роста новых отраслей и поддержку МСП в районах их территориальной концентрации.

Одним из направлений этой работы было создание национального реестра зон традиционного сосредоточения промышленности, что можно считать началом современных кластерных исследований. По результатам обследования 1996 г. в Японии насчитывалось

537 географических зон (*санги*) сосредоточения местной промышленности (*дзиба сангё*), имеющих признаки географической концентрации, отраслевой принадлежности и тесного межфирменного взаимодействия [Yamawaki 2002]. По своим характеристикам эти зоны напоминают традиционные кластеры в раннем определении М. Портера (тесно взаимодействующая группа компаний из сопряженных отраслей), хотя в их составе мало представителей науки, финансов, администрации и других институциональных секторов, а также трудно выделить синергические эффекты, ведущие к активизации инноваций. Поэтому, современное определение кластеров (региональная экосистема предприятий и компетенций с широким спектром межотраслевых взаимодействий) [Delgado 2013] к ним не применимо. Тем не менее, в англоязычных статьях некоторые исследователи называют такие зоны промышленными кластерами [industrial clusters: Yamawaki 2002].

В Японии традиционные зоны промышленной концентрации встречаются на территории всех четырех крупных островов. Наибольшее их число расположено в регионах с высокой концентрацией экономической деятельности, таких как Канто и Кансай. Старейшие зоны, такие как производство гончарных изделий в Сэто (Айти), или режущих изделий в Сэки (Гифу), начали формироваться в XII в. История других менее продолжительна. Из общего числа 537 зон 193 (36 %) существовали до периода Мэйдзи (до 1868 г.), 150 (28 %) возникли в период Мэйдзи в 1868–1912 гг. и остальные 194 (36 %) появились после 1945 г.

Данные об отраслевой принадлежности промышленных зон, количестве фирм и числе занятых приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Некоторые характеристики традиционных зон промышленной концентрации (протокластеров) Японии (1996)

Отрасль	Число зон	Число компаний*	Число занятых*
Пищевая	83	82	1260
Текстильная	126	241	1518
Швейная	34	208	4986
Мебельная	78	102	823
Керамическая	62	125	920
Машиностроительная	56	128	1986
Прочие	98	111	1175
Всего	537	145	1496

* в среднем в одной зоне

Источник: составлено на основе [Yamawaki 2002].

Особую роль среди промышленных зон Японии играют конкурентоспособные на мировом рынке и экспортирующие более половины своей продукции. Специалисты выделяют 14 таких образований: Кирюу (Гумма, шелк, синтетические волокна), Исикава (синтетические волокна), Фукуи (синтетические волокна), Комацу (Исикава, шелк, машиностроение), Нисиваки (Хёго, хлопковые ткани), Гифу (одежда), Сэто (Айти, керамические изделия), Мородоми (Сага, мебель), Ота (Гумма, автомобильные комплектующие), Итабаси (Токио, бинокли), Цубамэ (Ниигата, бытовые металлические изделия), Сандзё (Ниигата, инструменты), Сэки (Гифу, режущие изделия), Сабаэ (Фукуи, оправы для очков).

Среди причин появления этих зон можно назвать исторические условия (например, месторождения глины для производства керамики в Сэто, развитое сообщение с центрами концентрации населения в Сэки), присутствие крупных сборочных заводов (Комацу, Ота),

существование связанных производств в близлежащих регионах (Ота, Сандзё, Цубамэ), наличие сезонных трудовых ресурсов (Гифу, Сабаэ), экономию на транспортных расходах (Мородоми), поддержку регионального правительства (Фукуи, Сабаэ, Исикава, Комацу), а также передачу технологий (Сабаэ, Кирюу, Нисиваки). Структурными особенностями перечисленных территориальных образований являются развитые иерархические связи сборщиков и поставщиков, а также сосуществование большого числа фирм с взаимодополняющей продукцией. Динамику зон определяют исторические события (режущие изделия начали производиться в Сэки после запрета изготовления боевых мечей), технологические изменения (шелковые производства Фукуи перешли на искусственные волокна), колебания спроса (бинокли из Итабаси потребовались в ходе Корейской войны), а также международная конкуренция, которая повлияла на все перечисленные географические образования.

Расположение в таких зонах обеспечивает компаниям широкий доступ к трудовым ресурсам, высокий уровень использования специализированного оборудования, упрощенное получение необходимых технологий, а также возможность использования мер государственной и региональной поддержки. В результате, ускоряются процессы формирования технологической базы, повышения квалификации персонала и улучшаются многие другие параметры деятельности компаний. В то же время, долгое время отсутствовали данные о выживаемости и эффективности компаний, расположенных в этих зонах по сравнению с фирмами-аутсайдерами. В конце 1990-х гг. именно эти вопросы привлекали наибольшее внимание в изучении японских кластеров [Yamawaki 2002].

Отметим, что несмотря на существование множества зон традиционной концентрации, было ограничено число экономико-географических объектов, в которых одновременно имелось сосредоточение рабочей силы, поставщиков материалов, возможности обмена опытом и совместной закупки сырья для получения сравнительных преимуществ. По данным эконометрических расчетов в обширном регионе центральной Японии такие условия существовали лишь в префектурах Нагано и Ниигата. Следовательно, из 537 имеющихся в Японии промышленных зон только в небольшом числе могли появиться «классические» кластеры, предсказанные в работах А. Маршалла [Kadokawa 2011].

С учетом большой важности зон традиционной концентрации для экономики японских регионов неудивительно, что правительство страны прилагало серьезные усилия для их поддержки. Примером этого можно считать Закон о ревитализации зон сосредоточения местной промышленности (1997–2007 гг.), План создания промышленных кластеров (2001–2009) и действующий Закон о развитии зон расположения промышленности (с 2007 г.). Получается, что в этом контексте кластерная политика, которая является главным предметом этой статьи, выступает как элемент (эпизод) комплекса мер поддержки промышленных зон, хотя, разумеется, этим далеко не исчерпывается ее содержание.

Японская кластерная политика

К концу 1990-х гг. в традиционных зонах промышленной концентрации накопилось такое количество изменений, что стало возможным говорить о наступлении качественно нового этапа в их развитии. Пожалуй, наиболее важный процесс был связан с переносом крупными японскими компаниями производственной базы за рубеж. Это привело к исчезновению технологических лидеров во многих вертикальных межфирменных объединениях (*кэйрэцу*), болезненной перестройке кооперационных связей малых и средних предприятий, а также потере рабочих мест и множеству других негативных последствий для экономики японских регионов [Yamamura 2003]. Отток трудовых и капитальных ресурсов привлек внимание административных и правительственных кругов, которые сформулировали политику

ревитализации региональных экономик и решения появившихся проблем, в составе которых особенно выделялись три: во-первых, замещение передачи технологий от крупных компаний в адрес МСП активизацией роли университетов как новых провайдеров ноу-хау, во-вторых, компенсация сокращения поставок в распадающихся *кэйрэцу* расширением межфирменного взаимодействия малых и средних предприятий, и, в-третьих, стимулирование занятости с одновременным повышением производительности труда в регионах страны.

По-видимому, комплексный ответ на вопрос о стимулировании инноваций, поддержки МСП и региональной занятости могла дать именно кластерная теория. Тем более, что к концу 1990-х годов в США, Франции и Германии накопился опыт решения подобных проблем при помощи региональных кластеров [Okamoto, Nishimura 2012, p.7]. На этой основе в начале нового века в Японии сформировался комплекс мер стимулирования конкурентоспособных блоков региональной промышленности, которые впервые получили название кластеров (*курасута*, clusters) и были разделены на два типа: промышленные (*сангё курасута*, industrial clusters) и интеллектуальные (*тутэки курасута*, knowledge clusters) [Matsubara 2013, p.54].

Причины появления и преимущества кластеров в Японии во многом совпадали с теми, что были характерны для аналогичных объединений в Европе и Америке. В то же время, японская специфика проявлялась в таких чертах, как широкое распространение контрактных отношений, строгая иерархия поставщиков, малые размеры подрядчиков, большое число разнообразных координирующих организаций, низкая мобильность работников, преимущественное обучение на рабочих местах, широкое распространение государственных и муниципальных технологических и исследовательских центров и т.д. Наличие общих и специфических черт подчеркивало важность подробного изучения японского опыта.

С административной точки зрения кластерная политика осуществлялась на основе регулярно принимаемых в Японии начиная с 1996 г. Основных планов научно-технических мероприятий. Сложность ее анализа состоит в том, что параллельно с поддержкой кластеров принимались другие программы с близкими целями, которые, в принципе, следует рассматривать совместно, но этого не позволяет сделать формат журнальной статьи. Например, в 2002 г. наряду с программой создания интеллектуальных кластеров был принят комплекс мер стимулирования трехсторонней кооперации в крупных городах, рассмотрение которого выходит за рамки этого исследования [CRDS 2022].

Основные характеристики кластерной политики Японии приведены в Таблице 2.

Таблица 2. Типы кластерной политики Японии
в 2000-х – 2010-х гг.

Характеристики	Промышленные кластеры	Интеллектуальные (глобальные и региональные) кластеры
Ответственное министерство	Мин-во экономики, торговли и промышленности	Мин-во образования, культуры, спорта, науки и технологий
Этапы	2001–2005 (1) 2006–2010 (2) 2011–2020 (3)	2002–2006 (1) 2007–2009 (2)
Бюджет	196 млрд иен (2001–2007)	63 млрд иен (2002–2009)
Число кластеров на первом и (втором) этапах	19 (18)	18 (13)
Принципы отбора	Решение профильного министерства	Конкурсный отбор

Особенности	Взаимодействие в рамках 8 региональных блоков (зон ответственности территориальных агентств министерства)	Небольшие городские территории, ограниченные объемы, преимущественное финансирование университетов
Финансирование	Через управляющий консорциум, назначенный правительством	Через управляющий консорциум, избранный внутри кластера
Оценки	Наибольшее влияние на коммерческие результаты и инновационную деятельность предприятий оказывают сравнительно небольшие затраты по формированию сетевых связей	Взаимное дополняющее влияние на инновационную активность университетов и компаний, расширение межрегиональных связей*
Современное состояние**	В 2011–2020 гг. политика осуществлялась на региональной основе, после 2020 г. заменена мерами поддержки региональной экономики	Глобальные кластеры финансировались до 2015 г., региональные в 2010–2015 гг. были переведены в программу формирования региональных инновационных систем

Источник: составлено на основе [Okamuro 2012], * [Okamuro 2023], **[CRDS 2022].

Промышленные кластеры представляли собой крупные образования межрегионального характера, ставившие перед собой весьма широкий и неопределенный круг задач – от стимулирования инноваций и активизации «тройной спирали» связей бизнеса, науки и администрации, до расширения региональной занятости и повышения эффективности участвующих компаний. Может быть, поэтому полученные результаты их поддержки оказались не вполне убедительными. С одной стороны, кооперационные связи в рамках промышленных кластеров оказывали позитивное влияние на увеличение объемов выпуска участвующих предприятий [Arita 2006]. Более того, расположение в кластере положительно влияло на количество и качество принимаемых компаниями инновационных решений и содействовало их экономическому росту [Lescos 2012; Nakabayashi 2017]. С другой стороны, участники промышленного кластера не повышали производительность в сфере производства, а в области научных исследований рост производительности отмечался только в отдельных случаях (в частности, при расположении в Токио, причем в случае сотрудничества с крупнейшими государственными университетами) [Nishimura 2011]. По мнению многих исследователей важнейший позитивный результат состоял в том, что наибольшее влияние на коммерческие результаты и инновационную деятельность предприятий оказывали не крупные субсидии с широкими целями, а небольшие затраты по формированию сетевых связей [Okamuro 2012]. Отметим, что этот тезис оказался очень важным и нашел отражение в последующей политике Японии в отношении регионов и кластеров.

Среди 19 отобранных для господдержки промышленных кластеров наибольшую известность получили столичный ТАМА (Technologically Advanced Metropolitan Area) и осацкий биокластер. Координирующая организация кластера ТАМА была создана в 1996 г. в составе предприятий ряда машиностроительных отраслей, а также представителей научных и административных учреждений. К 2001 г. в организации насчитывалось более 400 участников, а деятельность ее велась на основе членских взносов. Анализ ТАМА показал, что в районе его формирования сложилась высокая концентрация заинтересованных предприятий и научных учреждений, было расположено множество компаний, предоставляющих сопутствующие

товары и услуги и обеспечивающих высокий спрос на продукцию кластера и формирующих здоровую конкурентную среду. Это позволило обеспечить активное технологическое сотрудничество и ускорить инновационные процессы. Неудивительно, что в экономической литературе появились позитивные оценки создания и деятельности ТАМА [Ishikura et al. 2003, p. 86–99].

Осацкий биокластер сложился в районе Кинки (Кансай), объединяющем три крупных города Японии, таких как Осака, Киото и Кобэ. Начало формирования кластера связывают с основанием в 1985 г. региональной группы по развитию био-отраслей. В 1995 г. в этом районе произошло разрушительное землетрясение, которое причинило серьезный материальный ущерб и задержало процесс формирования кластера. Однако, уже в 1999–2001 гг. по инициативе группы было создано несколько венчурных предприятий, которые и заложили основу кластера, создав концентрацию заинтересованных и связанных компаний, спрос на продукцию и конкурентную среду. К 2001 г. число участников кластера по некоторым подсчетам достигло 8000, однако сложности координации стали одной из важных и нерешенных проблем его деятельности [Ishikura et al. 2003, p. 99–109].

Интеллектуальные кластеры, в отличие от промышленных, действовали в ограниченном географическом пространстве, на уровне отдельных префектур или муниципалитетов. Они были подчинены решению узкой и конкретной задачи, связанной с активизацией научно-технического сотрудничества университетов и предприятий. Анализ интеллектуальных кластеров оказался посвящено сравнительно мало работ, но содержащиеся в них оценки носили положительный характер. В частности, отмечалось, что задачу активизации научных учреждений и усиления связей с бизнес-сообществом удалось решить, поскольку участники кластеров начали активнее участвовать в образовании стартапов [Horaguchi 2016], а также ощутимо больше получать патентов и публиковать статей, причем по взаимодополняющей тематике [Okamoto 2023].

Общее число интеллектуальных кластеров составило 18 на первом этапе их государственной поддержки (2002–2008 гг.) и 13 на втором (после 2007 г.). Наиболее успешных примеров интеллектуальных кластеров известные автору источники не приводят. Однако, при анализе количества научных работ и получаемых патентов отмечается лидерство кластеров с повышенной концентрацией заинтересованных предприятий и научных организаций. Такие кластеры, как правило, расположены в зонах высокой урбанизации вокруг Токио, Осаки и Хиросимы [Matsubara 2013, p. 64–80]. Кроме того, как показывают исследования, результаты политики зависят не столько от величины бюджета, сколько от особенностей регионов (концентрации в них промышленных предприятий или исследовательских учреждений) [Matsubara 2013, p. 80]. Это еще раз подчеркивает важность регионального аспекта инновационной политики.

Необходимо добавить, что еще в начале 2000-х гг. многие представители академических кругов высказывали мнения о неприменимости концепции кластеров к Японии, где слабо выражена конкуренция региональных образований, а значит нет условий для появления аналогов американской Силиконовой долины. Следовательно, кластерный вариант поддержки МСП и региональных экономик, по их мнению, представлял собой модное веяние, обреченное на быстрое забвение, как это произошло с «полюсами роста» или «технополисами» в 1970-х – 1980-х гг. [Ishikura et al. 2003, p. i]. По-видимому, определенный скептицизм в отношении кластерной политики повлиял на решение правительства Демократической партии отказаться от дальнейшего финансирования, закрыть национальные программы в 2009–2011 гг. и перенести их реализацию на региональный уровень. С позиций сегодняшнего дня это решение выглядит более или менее оправданным только для промышленных кластеров, а вот интеллектуальные кластеры по результатам своей работы вполне заслуживали дальнейшего внимания и централизованной поддержки. Хотя, разумеется, политические и экономические

обстоятельства того времени, особенно серия катастроф 2011 г., нагрузка на государственные финансы и падение популярности правительства демократов могли бы нарисовать совсем иную картину.

Перечислим причины отказа от кластерной политики, прозвучавшие в ходе политических дебатов 2009–2011 гг. Во-первых, по соотношению затрат и результатов кластерная политика была признана недостаточно эффективной для расширения сотрудничества научных и промышленных организаций. Во-вторых, большинство мер кластерной политики имели региональную специфику, а значит, по мнению политиков, должны были осуществляться не национальным, а региональными правительствами. В-третьих, ко времени политических дебатов широкую популярность приобрело создание бизнес-сетей с развитыми обратными связями (экосистем), которое стали считать наиболее эффективным методом инновационной политики.

К 2021 г., когда был принят шестой Основной план научно-технических мероприятий, из всего многообразия мер кластерной, сетевой и научно-технической поддержки остались только три, а именно: меры формирования региональных инновационных систем, программа помощи созданию региональных исследовательских комплексов и субсидирование взаимодействия местных университетов с промышленными предприятиями [CRDS 2022, p. 43]. Фактически, кластерная политика Японии оказалась полностью замещена работой по формированию региональных инновационных систем. Рассмотрим причины, последствия и содержание этого процесса.

От кластерной к платформенной модели региональных инноваций

Неоднозначные результаты кластерной политики были получены не только в Японии, но и во многих других странах, включая США, Великобританию, Швецию и т.д. В результате начались активные поиски более эффективных путей стимулирования региональных инноваций. К концу 2010-х гг. появилась возможность говорить о формировании двух теоретических моделей регионального инновационного процесса (Таблица 3).

Таблица 3. Модели региональных инноваций

Теоретические элементы	Кластерная модель	Платформенная модель
Характер сетевого взаимодействия	Тесные связи внутри кластера	Слабые связи внутри территории, тесные межрегиональные связи
Социальный капитал	Социальные связи участников кластера	Социальные связи большого числа заинтересованных участников
Генерация новых знаний	Научные инициативы в региональных группах родственных отраслей	Нелинейные инновации в многопрофильных и межотраслевых сообществах
Направленность инноваций	STI (science-technology-innovation)	DUI (doing-using-implementing)
Связь с экономикой региона	Агломерационный эффект за счет концентрации однородных отраслей	Синергический эффект за счет концентрации разнородных отраслей
Инновационная система (ИС)	Международная секторная ИС	Регионально-национальная ИС

Источник: составлено на основе [Matsubara 2013, p.294].

Как следует из Таблицы 3, платформенная модель дает возможность более гибкого стимулирования инноваций за пределами традиционных кластерных образований. Причины появления модели связаны с необходимостью повышения эффективности в преодолении инновационных барьеров (нехватка инновационных ресурсов, ригидность сетевых связей, недостатки избыточной концентрации) и несоответствий (между исследованиями университетов и запросами территорий, внутренними и внешними потоками информации, инновациями предприятий и регионов). Последствия появления связаны с переходом от кластерной политики к более широкому комплексу мероприятий по улучшению инновационной региональной среды, расширению связей между различными блоками региональной концентрации производства, активизации мер по формированию полюсов международной конкурентоспособности [Matsubara 2013, p. 295–197]. Именно такой подход в настоящее время доминирует в региональной инновационной политике Японии и заслуживает внимания с точки зрения международного распространения накопленного опыта.

Выводы для переходных и развивающихся стран

Проведенный нарративный анализ позволил установить, что кластерная политика, осуществлявшаяся в Японии в 2000-х гг., была основана на мерах поддержки зон традиционной концентрации промышленности, осуществление которых было начато несколько десятилетий назад. В содержании кластерной политики присутствовали, по меньшей мере, три элемента: ревитализация экономики регионов, поддержка МСП, а также стимулирование инноваций. Национальные программы содействия развитию промышленных, интеллектуальных и инновационных кластеров были окончены по причине недостаточной эффективности и изменения условий регионального развития в начале 2010-х гг. Завершение кластерной политики не означало исчезновения кластеров как географических общностей предприятий и организаций связанных отраслей, но вело к смене акцентов политической поддержки. В середине 2010-х гг. на смену кластерной модели ревитализации региональной экономики и стимулирования инноваций в Японии пришла более широкая платформенная модель, которая заслуживает специального и внимательного изучения.

Опыт Японии в области кластерной политики, интересный для переходных и развивающихся стран, можно разделить на три составляющих. Во-первых, в Японии достигнута высокая степень географической концентрации традиционной промышленности, в промышленной организации важную роль играют МСП, активно осуществляется инновационная деятельность. Это позволяет получать ряд позитивных результатов, таких как агломерационный эффект, устойчивая занятость и высокий уровень технологического развития. Перечисленные преимущества очень важны для развития стран с низкой плотностью населения, высокой безработицей и ограниченными возможностями генерации технологических новинок. Следовательно, японский опыт стимулирования региональной концентрации, поддержки МСП и содействия инновациям представляет большой интерес для переходных и развивающихся экономик.

Это же относится и к опыту Японии по расширению вертикальных связей предприятий в рамках промышленных кластеров, создаваемых в ряде постсоветских стран. В послевоенные годы вертикально-ориентированные системы кооперации японских компаний (*кэйрэцу*) позволили организовать массовое производство и решить проблемы качества поставляемых деталей, повышения степени обработки, внедрения современных технологий, контроля затрат и многие другие. По-видимому, механизм взаимодействия крупных и малых предприятий в рамках японских *кэйрэцу* имеет общие черты с сотрудничеством компаний

в ряде агропромышленных, сырьевых и обрабатывающих кластеров Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, а потому заслуживает особого внимания.

Во-вторых, в ходе реализации кластерной политики Японии удалось установить, что создание управляющей организации кластера, а также сравнительно небольшие затраты по расширению сетевых взаимодействий могут давать быстрый и ощутимый эффект в виде расширения производства, повышения эффективности и активизации инноваций. Эти проверенные в Японии направления кластерной политики носят универсальный характер и могут быть рекомендованы к широкому внедрению в переходных и развивающихся странах. В качестве примера можно привести планы формирования в Кыргызстане туристических кластеров, в которых наиболее рельефно проявляется важность создания единых координирующих органов. То же самое относится и к опыту Японии по разделению промышленных и интеллектуальных кластеров с последующей калибровкой мер стимулирования и поддержки.

В-третьих, развивающиеся страны имеют перед развитыми «преимущества отсталости», которые позволяют им учитывать накопленный опыт, быстрее идти по уже пройденному пути развития и даже перешагивать через некоторые его ступени. Применительно к кластерной политике это означает, что от поддержки кластеров, которая в Японии стала кратким эпизодом среди мер регионального и инновационного развития, можно сразу переходить к современным платформенным моделям стимулирования сетевых связей, создания экосистем и формирования региональных инновационных комплексов. Многие из перечисленных мер можно осуществлять параллельно, одновременно стимулируя региональную концентрацию, создавая вертикальные агропромышленные комплексы, формируя региональные экосистемы и продвигая инновационную активность. Это внесет значительный вклад в запуск механизма догоняющего экономического роста, создания конкурентоспособного экспортного сектора и постоянной структурной перестройки, что актуально для многих постсоветских государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Смородинская Н.В., Катукоев Д.Д. Когда и почему региональные кластеры становятся базовым звеном современной экономики // *Балтийский регион*. 2019. Том 11. №3. С. 61–91.

REFERENCES

Smorodinskaya, N.V., Katukov, D.D. (2019). Kogda i pochemu regional'nye klasteri stanovyatsya bazovym zvenom sovremennoi ekonomiki [When and Why Regional Clusters Become Basic Building Blocks of Modern Economy]. *Baltiiskii Region* [Baltic Region], 11 (3), 61–91. (In Russian). DOI:10.5922/2079-8555-2019-3-4

* * *

Arita, T., Fujita, M., Kameyama, Y. (2006). Effect of Regional Cooperation Among Small and Medium-Sized Firms on Their Growth in Japanese Industrial Clusters. *RURDS*, 18 (3). DOI: 10.1111/j.1467-940X.2006.00122.x

Center for Research and Development Strategy (CRDS). (2022). *Nihon no kagaku gijutsu inobēshon seisaku* [Japan's Science, Technology and Innovation Policy]. Retrieved May 10, 2024, from <https://www.jst.go.jp/crds/pdf/2022/FR/CRDS-FY2022-FR-01.pdf> (In Japanese).

Delgado, M., Porter, M., Stern, S. (2013). *Defining Clusters of Related Industries. Working Paper 20375 of the National Bureau of Economic Research*. Retrieved May 10, 2024, from www.nber.org/papers/w20375

- Development Bank of Japan, Fukui Bank. (2022). *Fukui ken Sabae-shi ni okeru megane sangyō no iji hatten ni muketa teian* [Proposal for Maintaining and Developing the Eyeglass Industry in Sabae City, Fukui Prefecture]. Retrieved May 10, 2024, from <http://keizaireport.com/490212/> (In Japanese).
- Frenken, K., Boschma, R. (2007). A Theoretical Framework for Evolutionary Economic Geography: Industrial Dynamics and Urban Growth as a Branching Process. *Journal of Economic Geography*, 7 (5), 635–649.
- Horaguchi, H. (2016). Decoding Symbiotic Endogeneity: The Stochastic Input-Output Analysis of University-Business-Government Alliances. *Triple Helix*, 3.13. DOI: 10.1186/s40604-016-0043-8
- Ishikura, Yo., et al. (2003). *Nihon no sangyō kurasutā senryaku* [Japan's Industrial Cluster Strategy]. Tokyo: Yuhikaku. (In Japanese).
- Kadokawa, K. (2011). Applicability of Marshall's Agglomeration Theory to Industrial Clustering in the Japanese Manufacturing Sector: An Exploratory Factor Analysis Approach. *The Journal of Regional Analysis and Policy*, 41 (2), 83–100.
- Ketels, C. H., Memedovic, O. (2008). From Clusters to Cluster-Based Economic Development. *International Journal of Technological Learning, Innovation and Development*, 1 (3), 375–392. DOI: <https://doi.org/10.1504/IJTLID.2008.019979>
- Ketels, C. H. (2013). Cluster Policy: A Guide to the State of the Debate. In Meusburger, P., Glückler, J., el Meskioui, M. (eds.), *Knowledge and the Economy* (pp. 249–269). Dordrecht: Springer.
- Krugman, P. (1991). *Geography and Trade*. MIT Press: Cambridge.
- Lecoco, C., Leten, B., Kusters, J., Van Looy, B. (2012). Do Firms Benefit From Being Present in Multiple Technology Clusters? An Assessment of the Technological Performance of Biopharmaceutical Firms. *Regional Studies*, 46 (9), 1107–1119. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00343404.2011.552494>
- Marshall, A. (1890, 1972 edition). *Principles of Economics*. London: Macmillan.
- Matsubara, H. (2013). *Nihon no kurasutā seisaku to chiiki inobēshon* [Japan's Cluster Policy and Regional Innovation]. Tokyo: TU Press. (In Japanese).
- Ministry of Economy, Trade and Industry. (2006). *Sangyō kurasutā dai II chūki keikaku ni tsuite* [About Industrial Cluster II Medium-Term Plan]. September 21, 2006. Retrieved May 10, 2024, from https://www.rieti.go.jp/users/cluster-seminar/pdf/023_j.pdf (In Japanese).
- Ministry of Economy, Trade and Industry. (2004). *Sangyō kurasutā kenkyūkai hōkokusho* [Industrial Cluster Study Group Report]. May 2005. Retrieved May 10, 2024, from <http://www.meti.go.jp/press/20050524002/20050524002.html> (In Japanese).
- Muro, M., Katz, B. (2011). The New “Cluster Moment”: How Regional Innovation Clusters Can Foster the Next Economy. In Libecap, G.D., Hoskinson, S. (eds.), *Entrepreneurship and Global Competitiveness in Regional Economies: Determinants and Policy Implications* (pp. 93–140). Bingley.
- Nakabayashi, M. (2017). Honesty, Diligence and Skill: Risk Sharing and Specialization in the Kiryu Silk Weaving Cluster, Japan. *Review of Development Economics*, 21 (4), 1401–1424. DOI:10.1111/rode.12282
- Nallari, R., Griffith, B. (2013). *Clusters of Competitiveness*. Washington, DC.
- Nishimura, J., Okamuro, H. (2011). R&D Productivity and the Organization of Cluster Policy: An Empirical Evaluation of the Industrial Cluster Project in Japan. *Journal of Technology Transfer*, 36, 117–144.
- Okamuro, H., Ikeuchi, K., Kitagawa, F. (2023). *The Impact of Cluster Policy on Academic Knowledge Creation and Regional Innovation: Geography of University-Industry Collaboration in Japan*. NISTEP Discussion Paper, No.223. National Institute of Science and Technology Policy. Tokyo. DOI: <https://doi.org/10.15108/dp223>
- Okamuro, H., Nishimura, J. (2012). Chiteki kurasutā seisaku no kokusai hikaku to hyōka: Chūshōkigyō no inobēshon sokushin no shiten kara [International Comparison and Evaluation of Intellectual Cluster Policies: From the Perspective of Promoting Innovation in Small and Medium-Sized Enterprises]. In *Small Business Research Center Annual Report 2012 Edition* (pp. 3–17). Retrieved May 10, 2024, from <https://hdl.handle.net/10086/26888> (In Japanese).

- Porter, M. (1990). *The Competitive Advantage of Nation*. New York: Free Press.
- Porter, M. (1998). *On Competition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Rabelotti, R. (1998). Collective Effects in Italian and Mexican Industrial Clusters. *Small Business Economics*, 10, 243–362.
- Shibata, H. (2021). Nihon no megane sangyō to sanchi Fukui Sabae no seisui. Sabae no furēmumēkā no dōkō [The Rise and Fall of the Japanese Eyeglass Industry and the Production Areas of Fukui and Sabae. Trends of Frame Manufacturers in Sabae]. *The Monthly Bulletin of the Senshu University Institute of Social Science*, September 20, No. 698-699. (In Japanese). DOI: doi.org/10.34360/00012702
- Yamamura, E., Sonobe, T., Otsuka, K. (2003). Human Capital, Cluster Formation, and International Relocation: The Case of the Garment Industry in Japan, 1968–98. *Journal of Economic Geography*, 3, 37–56.
- Yamawaki, H. (2002). The Evolution and Structure of Industrial Clusters in Japan. *Small Business Economics*, 18, 121–140.

Поступила в редакцию: 17.05.2024

Received: 17 May 2024

Принята к публикации: 02.07.2024

Accepted: 02 July 2024

Научное издание

**Японские исследования
№ 3, 2024**

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Технический редактор:	М.Е. Заболотникова

Дата публикации: 30.09.2024

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН
E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com

Scientific edition

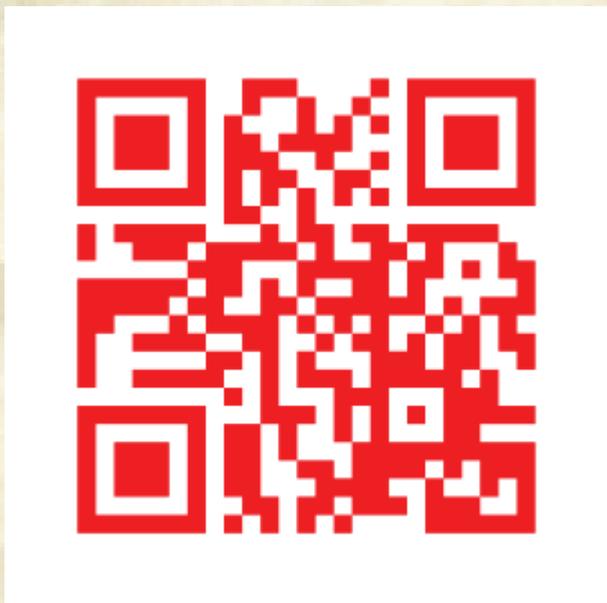
**Japanese Studies in Russia
No. 3, 2024**

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Layout:	M.E. Zabolotnikova

Date of issue: 30 September 2024

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the
Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com

www.japanjournal.ru

日
本
研
究